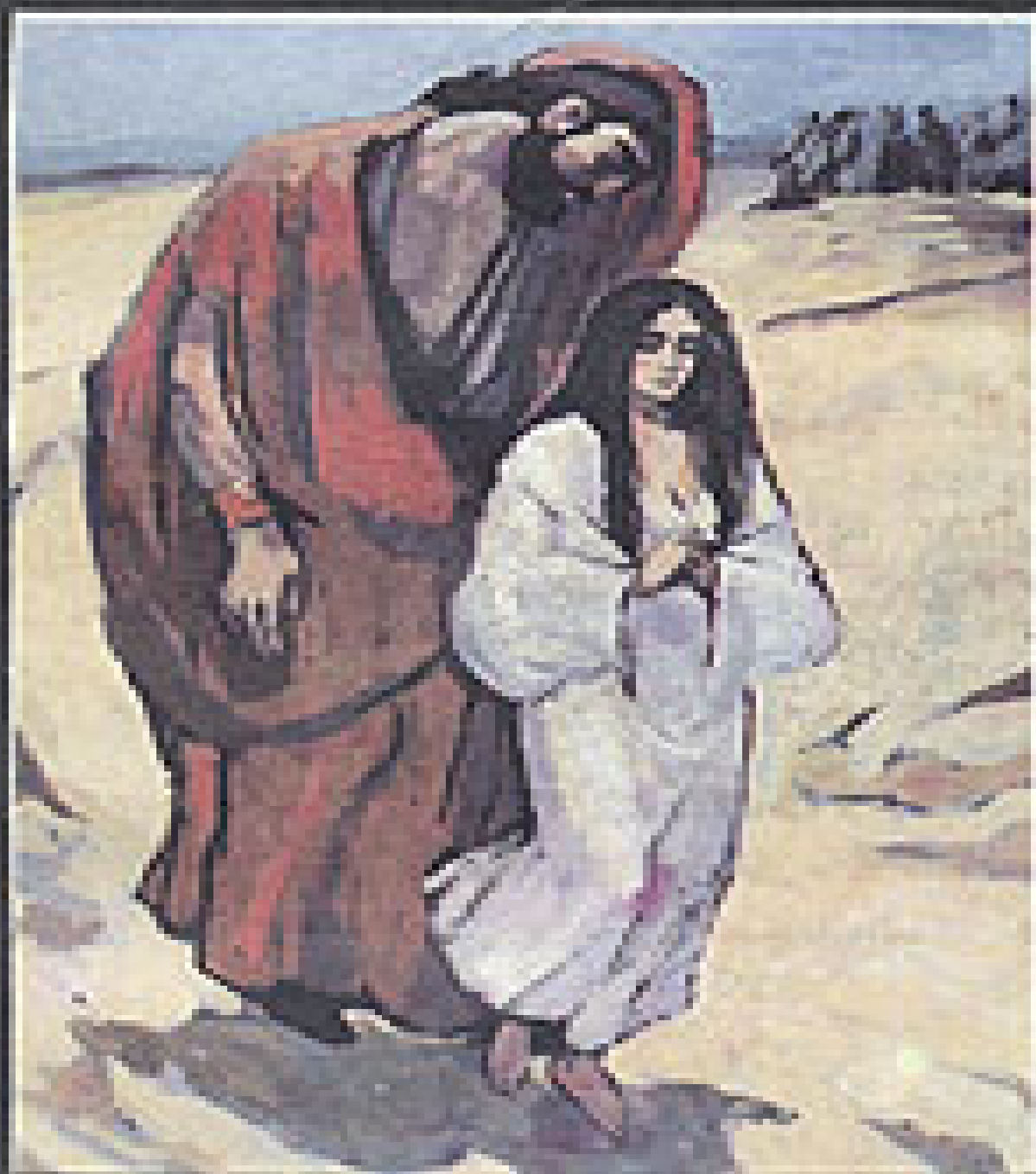

Лион Фейхтвангер

ИЕШШАЙ И ЕГО ДОЧЬ

Annotation

Этот роман, в основе которого лежит сюжет из Библии (Книга судей Израилевых, XI–XII), — самое мудрое и едва ли не самое сильное произведение известного немецкого писателя, достигающее высот шекспировских трагедий. Тема Бога и тема ответственности человека, волнующие людей с незапамятных времен, — главные темы книги.

- [Фейхтвангер Лион](#)
 - [ОТ ПЕРЕВОДЧИКА](#)
 - [* * *](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Послесловие](#)
-

Фейхтвангер Лион
Ифтах и его дочь

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В 1998 г. исполнилось 40 лет со дня смерти Лиона Фейхтвангера, выдающегося романиста 20-го века. В своих произведениях Фейхтвангер коснулся множества событий — от глубокой древности до современной ему эпохи, и все эти события найти в его романах блестящее отображение. Его «еврейские» романы составляют значительную часть творчества писателя. Это не случайно. Родители Фейхтвангера были ортодоксальными евреями и хотели, чтобы он строго следовал религиозным обычаям, поэтому уже в пять лет они начали учить его еврейскому языку. Став взрослым, он занимался методическим, научным изучением Библии. Для своей докторской диссертации Фейхтвангер выбрал критическое исследование неоконченного романа Генриха Гейне «Рабби из Бахераха», в котором тот попытался рассказать о преследовании германских евреев в период средневековья. Следует отметить, что молодой Фейхтвангер тщательно проанализировал историю эпохи, методику создания произведения, сюжет и не постеснялся, где считал нужным, подвергнуть творчество великого поэта критике.

Таким образом, всем своим воспитанием, мировоззрением, а также быстро растущим антисемитизмом в Германии писатель был подготовлен к созданию произведений, связанных с жизнью и историей его народа. В ряду таких книг важное место занимает роман «Ифтах и его дочь», к сожалению, мало знакомый русскоязычному читателю.

Основой книги или, лучше сказать, её исходным материалом является история Ифтаха из «Книги судей» в Ветхом завете. События этой истории относятся к периоду между 1300 и 1100 годами до нашей эры, во время борьбы израильских родов за Заиорданье. Фейхтвангер пишет: «Меня охватило желание описать эту страну и это время. Мне показалось заманчивым возродить жизнь родов и изобразить превращения, с помощью которых развитие целого становилось существом отдельного человека».

Важно учесть, что при создании других еврейских романов у автора имелось достаточно исторического материала. К примеру, при

сочинении трилогии «Иудейская война» он мог пользоваться историческим трудом Флавия. «Еврейка из Толедо» (в советском переводе — «Испанская баллада») явилась результатом изучения соответствующих пьес Грильпарцера и Лопе де Вега, а также испанских хроник, о еврее Зюссе Манфредом Циммерманом была написана биография, и вообще он жил не в таком уж далеком прошлом. Что касается «Семьи Опперман», то описанные в этом произведении события происходили, как говорится, на глазах автора.

Но «Ифтах» — жизнеописание Ифтаха в Библии заключено всего в 47 фразах. Какими же нужно было обладать знаниями, какое творческое воображение надо было иметь и сколько вложить труда, чтобы создать роман, который смело можно поставить в ряд лучших произведений об истории древнего мира.

Незаконнорожденного (от матери-аммонитки) сына умершего судьи рода Гилеад Ифтаха сводные братья и их мать изгоняют из дома. Вместе с женой (тоже аммониткой), дочерью и небольшим числом приверженцев он уходит в пустыню. В трудных условиях кочевой жизни он создает войско и завоевывает ряд городов. Тем временем Гилеад оказывается под угрозой захвата врагами. Родственники, которые прогнали его, обращаются к Ифтаху за помощью. Ифтах сначала с помощью дипломатии, затем в кровопролитной битве одерживает победу. В кульминационный момент сражения, когда события разворачиваются не в его пользу, Ифтах обращается за помощью к Господу, обещая отдать ему в жертву первого, кого встретит по возвращении. К его удивлению и несчастью этим человеком оказывается его любимая и единственная дочь. Испытывая страшные муки, Ифтах все же выполняет свою клятву.

Таково краткое содержание романа «Ифтах и его дочь». В нем не так уж много действующих лиц. Главным из них, разумеется, является Ифтах — сын судьи и пятый судья в Израиле. Вот что говорит о своем будущем герое сам Фейхтвангер: «Среди всего этого я увидел Ифтаха, великого, одинокого и преступного: вобравшего в себя все противоречия своего времени». Ифтах появляется в романе молодым, веселым, бесстрашным, смутно предвидевшим свое большое будущее. Он считает себя приверженцем Господа, но одновременно почитает богов матери и жены, маленькие каменные изображения которых носит на своем теле; он категорически отказывается взамен на

обещанное будущее величие «выбросить прочь из дома все, что принадлежит чужому богу: знаки, изображения и тех, кто их почитает», то есть жену, и уходит в пустыню, бросая дом, где он мог бы остаться только слугой. Одержав в пустыне ряд побед, он вместе с женой решается подняться на гору Хермон, святыню языческого бога Бааля. Рассказ о подъеме на гору и пребывании Ифтах на её вершине — один из самых ярких в романе. Это событие стало поворотным пунктом в судьбе Ифтах (имя которого означает «Бог открывает»), оно определило решимость Ифтах объединить Израиль. Этот фрагмент романа воспринимается как поэма в прозе. Далее Ифтах предстает перед читателем смелым полководцем, умным дипломатом, но при всем этом, человеком, не желающим поступиться своей гордостью и самолюбием. Во имя самоутверждения он идет на преступление, уничтожив отряд соседнего рода, который пришел ему на помощь в сражении. Трагической кульминацией становится для Ифтах момент принесения в жертву дочери и предшествующие ему тяжелые переживания. Ифтах отвергает попытки помочь ему избежать исполнения клятвы. Он — солдат Господа и не может обманывать Бога.

Ифтах объединяет Израиль, но жить ему остается недолго, «на седьмом году правления, на сороковом году жизни Ифтах соединился со своими предками».

Фейхтвангер, говоря о своем видении созданного им образа Ифтах, пишет: «Итак, я увидел этого человека великим и одиноким, и я не мог больше заставлять себя преуменьшать его значение: я отважился представить в нем все преобразования того времени».

Другая ключевая фигура произведения — первосвященник Авиам, физический и психологический антипод Ифтах. Вот как он изображается автором в начале романа: «Авиам полулежал на циновке — старый, маленький, худой. Но на жалком теле сидела громадная голова. Узкое лицо, огромные глаза глубоко сидели в глазницах под густыми, сросшимися бровями, большой нос нависал над тонкими губами. Но если Господь дал ему хилое тело, то вдохнул в этот бедный сосуд свое дыхание». Авиам был физически немогущ, но умен, хитер и чрезвычайно тщеславен. Если бы ему это удалось, он сам через судьбу управлял бы родом. Но, к своему сожалению, Авиам понимал, что в таком случае это будет слабый судья, неспособный

защитить Гилеад от грозивших ему врагов. И его выбор пал на Ифтаху. Однако он поставил Ифтаху такие условия, выполнить которые тот не согласился. Этот важный эпизод — завязка всех последующих отношений Авиам и Ифтаху, а, может быть, в какой-то мере и всего сюжета. Следует заметить, что Авиам во многих своих воззрениях и практических предложениях бывал прав, но Ифтах отторгал Авиам вместе с его доводами, воспринимая священника как умного, но чрезвычайно коварного и чуждого ему, гордому и свобододолюбивому Ифтаху, человека. А ведь Авиам стремился к той же цели и в какой-то мере считал себя другом Ифтаху (фактически он был его другом-врагом, как это бывало в некоторых других романах Фейхтвангера; см., например, отношения Иосифа и Юста в трилогии «Иудейская война»). Конец Авиам печален: находясь, как ему показалось, в заключительной фазе реализации своих честолюбивых устремлений, он отвергнут Ифтахом и умирает. Взаимоотношения Ифтаху и Авиам — один из стержней романа, а описание нескольких их встреч по ходу сюжета — шедевры диалога; ведь ярко отобразить прямую речь, при всей её кажущейся простоте, гораздо труднее, чем описать какое-нибудь явление. И каждый раз поражаешься, как мастерски Фейхтвангер владеет прямой речью.

Замечателен образ Яалы, дочери Ифтаху. Фейхтвангер — специалист по созданию женских образов. Вспомним Дорион из «Иудейской войны», Магдален Сибиллу из «Еврея Зюсса», Марию-Антуанетту из пьесы «Вдова Капет». Но в кругу этих образов особой теплотой, нежностью, привлекательностью светятся фигуры еврейских женщин, Мары («Иудейская война») и Рахили («Еврейка из Толедо»). Генрих Гейне, характеризуя свою героиню в романе «Рабби из Бахераха» говорит о ней так: «Лицо Сарры было трогательно красиво, как вообще красота евреек со своеобразно нежными манерами; сознание глубокого несчастья, горького позора и большой опасности, в которых живут её соплеменники и друзья, распространяло на её прелестные черты некую болезненную сердечность и подмечаемый всеми любовный страх, особо очаровывающий наши сердца». Гейне ограничился только этой фразой, но Фейхтвангер, рисуя свои женские персонажи в разных обстоятельствах — счастливых и печальных, бытовых и любовных, в девичестве и материнстве, как кажется, никогда не забывал точную

характеристику своего великого предшественника, развивая её и мастерски добавляя светлые и лирические краски.

Героиня романа «Ифтах и его дочь» — девочка-подросток. В начале действия ей только 12 лет. «Жизнь в горах и лесах, — куда она по сюжету уходит вместе с родителями, — обострила её ум и восприятие. Она легко принимает решения. Уверенный взгляд, твердый шаг. Никакое усилие ей не в тягость. Она унаследовала стройную, грациозную фигуру матери, её матовое, смуглое, худощавое лицо: и при всей своей силе и твердости была нежна и прелестна». Таков нарисованный автором портрет Яалы. Ифтах учит её поклонению Господу, заключившему, как он говорил, в свое сердце народ Израиля, Богу, которому нужно приносить жертвы и благодарить его за благословения. В воображении Яалы Бог выплядит, как Ифтах с его львинообразным лицом и сверкающими глазами. С любовью к отцу она сочиняет о нем песню, «подобную песням, прославляющим богов», полную почтительных восхвалений. Когда Ифтах добивается ухода вражеских войск от стен столицы Гилеада, и его провозглашают судьей, в ней рождается новая песня об отце, и она поет её при большом стечении народа, славя Ифтаха и Господа. И народ повторяет за ней сочиненные ею слова.

И вот наступает момент, когда Ифтах должен исполнить свою клятву. Мучаясь, он сообщает об этом Яале. Она отвечает: «Я довольна и горда тем, что приняла участие в твоей победе. Исполни, отец, клятву, что сорвалась с твоего языка». Страницы романа, рассказывающие о поездке Яалы в горы, о её последнем в этой жизни путешествии, проникновенно лиричны и одновременно наполнены ощущением трагедии. Фейхтвангер глубоко проникает в психологию девушки, совершенно не похожей на сопровождающих её подруг. Она внимает плачу девочек, затем, на время забыв о предстоящем, принимает участие в играх, рассказывает им о своей жизни в пустыне, а вечером остается одна, чтобы подготовиться к решающему шагу. Это дается ей нелегко. В какой-то момент её охватывает страх, она представляет, как над ней занесен нож, и в её душу проникает щемящее желание остаться в живых. Но она преодолевает это чувство, и в её душу входит Бог. Он похож на её отца. И она сочиняет песню о своей смерти.

Сцена жертвоприношения производит сильное впечатление. Автор медленно ведет своих героев к финалу, а затем несколькими короткими фразами заключает эпизод. В конце романа Фейхтвангер пишет: «Многие годы, последовавшие за этими событиями, отцы рассказывали своим сыновьям об Яале, олененке, которая своей смелостью, готовностью к жертве заслужила для рода Гилеада и всего Израиля милость Господа, а девочки оплакивали и славил Яалу, умершую в девичестве».

Скажем несколько слов и ещё о двух женских персонажах — Ктуре и Зилпе. Ктура потерпела поражение в борьбе за Ифтаху, Зилпа проиграла войну против него. Ктура, жена Ифтаху, аммонитка, всеми силами старалась отвести Ифтаху от Бога Господа и побудить его воспользоваться покровительством её богов. Но не преуспела в этом. Не сумела она и уговорить Ифтаху отказаться от клятвы. Её образ убедителен, как в сценах ликования, когда она, благодаря Ифтаху, одерживает победу над самоуверенными и заносчивыми родственниками, так и в эпизодах, когда Ктура в отчаянии борется за жизнь дочери.

Зилпа — одна из самых колоритных фигур романа, Авиам в юбке. Как и он, она жаждет власти, но ей недостает остроты ума, понимания задач объединения Израиля. В конце концов, она понимает, что самым великим сыном её мужа стал не кто-то из её сыновей, а бастард, сын аммонитки.

Остальные персонажи — дети Зилпы, царь Нахаш, первосвященник рода Эфраима Элиад и другие — занимают важное место в романе и являются характерными представителями своей эпохи.

Язык романа динамичен, конкретен. Автор немногословен, но его речь звучит красиво и мелодично, что в сочетании с чрезвычайно искусно разработанным исторически достоверным сюжетом побуждает читателя, начав чтение романа, не отрываясь, прочесть его до конца.

В послесловии к роману Фейхтвангер пишет: «Я добросовестно старался не смеяться над действиями людей, не оплакивать их и не ненавидеть, я пытался понять их».

Надеемся, что тот, кто прочтет роман, постарается понять чувства, побуждения и поступки его героев. Во всяком случае, автор

романа сделал это возможным.

Евгений Захарин 25 июля 2000 г.

* * *

Я добросовестно старался не смеяться над поступками людей, не оплакивать их и не ненавидеть; я пытался понять их.

Спиноза

Глава первая

I

Человек триста, не более, несли к могиле главу рода из Гилеада. Для такого великого воина и судьи это была не такая уж большая траурная процессия. Но едва достигший шестидесяти лет, крепкий человек умер так неожиданно, что только немногие знали о его скоротечной болезни. Утром, последовавшим сразу после его смерти, сыновья закрыли ему глаза, высоко подвязали подбородок. Они подстригли ему волосы — чтобы не мешали в будущем доме. Затем вытянули ноги и укутали в покрывало. Так и понесли они его теперь из дома на грубо обтесанных носилках — с городского холма вниз, а затем снова вверх в Обот, на кладбище, чтобы он впредь жил там в пещере вместе с другими духами.

Полдень давно уж был позади, жара спала, дул легкий ветерок. Несмотря на это, дорога провожавших в последний путь была нелегкой. Сыновья покойного и самые знатные мужчины рода, сменяя друг друга, несли носилки. Они старались, с готовностью подставляли плечи, чтобы принять нетяжелую ношу, однако чувствовалось в них какое-то противодействие, какой-то страх перед покойным.

Родственники и друзья надорвали платье, остригли волосы и посыпали головы пеплом. Так и тянулись они, босые, с обнаженными головами — мимо красивого, яркого ландшафта. Сначала по узким, извилистым тропинкам вниз, а потом — по ещё более узким дорожкам вверх, к следующему холму. Мужчины молчали, женщины кричали и плакали. Их одежда тоже была надорвана и обнаженные головы посыпаны пеплом. Они наносили себе удары и царапали грудь. Впереди воплощением печали тащилась жена покойного, Зилпа. Этой статной женщине было около пятидесяти лет, но волосы её ещё не поседели, на открытом лице с крупным носом не было морщин, властный взгляд под широким низким лбом, темные глаза смотрели ещё ясно и твердо. Обычно Зилпа, жена предводителя рода Гилеада, держалась достойно. Сегодня она рвала на себе волосы и царапала

грудь. Её крик — то пронзительный, то угрожающе-гортанный («Эха, эха!» и «Хо и ха и ах!») покрывал все звуки.

Она старалась показать, что всей душой уважала покойного — чтобы люди поняли, какого великого человека несут к могиле.

Он был не просто отец своих детей, не просто глава рода и даже не просто судья в Гилеаде. Многие называли его «Судья Израиля». И если даже кто-то и был против этого, он все равно заслужил это звание. Ибо снова и снова вторгались в страну дети Моава, Аммона и Мидиана — грабили скот, опустошали поля, сжигали дома, убивали мужчин, насиловали женщин, уводили детей в рабство. Однако не трогали они не только род Гилеада, но — весь Израиль к востоку от Иордана. И этот её мертвый теперь муж, снова и снова разбивавший врагов, был действительно судьей в Израиле.

Она плакала о себе, плакала о роде Гилеад, плакала обо всем Израиле. Плакала громко и искренне. Но вместе с тем, она не могла противиться прорывающемуся сквозь пронзительную печаль чувству облегчения и даже триумфа.

Покойный обладал большой властью, и каждый вынужден был добиваться его благосклонности. Непокорному он мог сделать много плохого. Покойник, когда ещё не жил в своей пещере, был вдвойне опасен. Она и не помышляла гневить любимого ею, сильного человека. Сейчас, тем не менее, она ощущала, что ей будет лучше, когда его положат рядом с предками, спрячут за тяжелыми камнями, закрывающими пещеру так, что самому могущественному привидению потребуются недюжинные силы, чтобы выбраться оттуда.

Судья Гилеад на деле доказал (это особенно ценилось в те времена), что он — вождь, не только способный носить оружие, но и искусный в военном искусстве. Другие обязанности судьи мало его интересовали.

Поэтому она, его жена, взяла на себя эти заботы. Следила за тем, чтобы строились дома и каменные загоны для скота, чтобы по всей стране рыли каналы и колодцы. Она давала советы «бородачам», старейшинам рода, когда те судили соседей, чувствовала себя самой справедливой матерью рода. Судья Гилеад охотно позволял ей заниматься этим. Впрочем, порой, когда что-то ему не нравилось, им овладевали такие дикие приступы ярости, что никто не осмеливался приблизиться к нему. Возможно, именно бушевавшие в нем страсти и

превратили его в великого воина. Вечной славой Израиля останутся принятые им отчаянные решения, когда он вызволял союзников Господа из вражеского лагеря. Но в то же время хорошо, что подобные вспышки больше не будут препятствовать делу мира. Однако кто-то из сыновей Гилеада или «могущественных» отцов из рода Гилеада — тот, кто станет его наследником, несомненно, воспользуется её советами.

По правде говоря, Господь благословлял Гилеад победой, хотя покойный и не отличался ревностным служением ему. Он пощадил некоторых пленных врагов, которых Господь проклял. Он проявлял к захваченным женщинам преступное милосердие. Конечно же, нечего возразить, когда израильские мужчины берут пленных женщин в наложницы. Но наложница должна быть в доме рабыней. Ей не пристало жить так, как живут законнорожденные дочери рода.

Слава покойному, печаль и слезы по поводу его кончины!.. Но теперь, когда Зилпа вспоминала о Леване-аммонитке, наложнице её Гилеада, она чувствовала легкую, глухую, злобную радость, видя, что Гилеад завернут в последнее в его жизни покрывало, сопровождая его в последний путь — к пещере.

Аммонитка Левана умерла четыре года назад. Но она мертва всего четыре года, а Гилеад прожил с ней двадцать три. И все это время он уделял Леване, во всяком случае, не меньше внимания, чем ей, Зилпе, представительнице знатнейшего рода, его настоящей жене. И, разумеется, любил он эту Левану больше. Он жаждал веселья, легкомыслия. И не понимал, что ей, Зилпе, необходима строгость, твердые руки, сильный характер, чтобы направлять и удерживать свой клан, всю страну на верном пути. Он все время уходил от неё к другой женщине. Она, пожалуй, даже жалела, что Левана уже мертва. Она, эта Левана, всю жизнь прожила, как законная жена Гилеада. И сейчас, когда появилась возможность воздать ей должное, её нет, и Зилпа не сможет показать ей, что, несмотря на всю её надменность, она осталась той же аммониткой, пленницей, наложницей Гилеада.

Однако живо, по крайней мере, отродье Леваны, дочь и сын, этот бастард Ифтах, с которым Гилеад носился больше, чем со своими тремя законнорожденными сыновьями.

— Эха, эха! Хо-ха, ах! — кричала Зилпа. — Умер Гилеад, великий судья Израиля! — причитала она. — Ушла его храбрость, его

благословенная, победоносная сила!..

Так она кричала вслух, а про себя, против собственной воли, думала: «Ушла его страсть, его слабость к чужеземке, её идолам и всему её отродью. Теперь покончено и с любимцем Гилеада, бастардом Ифтахом».

Молча тянулись в траурной процессии мужчины, в их ушах звучал вой женщин, в груди теснились тяжкие мысли. Муж Гилеад был добрым судьей, великим вождем рода, он наголову разбил преступных детей Аммона и Моава и вернул мир. Иногда, правда, в своей угодной Богу смелости, он атаковал слишком отчаянно, и многие погибали из-за этого, падая на землю, по которой ещё долго ходили бы. Многие враждебно встречали судью в его новых провинциях. Но так бывает всегда: в сердца проникала жалость — его больше нет с ними. Здесь, к востоку от Иордана, народ чувствовал себя неуверенно, законные границы отсутствовали, и отовсюду из степей и пустынь могли напасть враги, которых, бывало, пугало одно лишь громкое имя полководца Гилеада. Где теперь найдешь такого? Кто заменит его? Кто вселит в сердца врагов страх, а в сердца израильтян — уверенность?

Так, под пронзительные крики, обуреваемая мрачными мыслями, процессия двигалась по узкой дороге. Мимо цветущих полей — к холму Обот. А слева уже поднимался «Детский холм», где под огромными голыми камнями лежали тела детей, которых прежние жители страны приносили в жертву своим богам, чтобы заслужить их благосклонность. Тихо, смиренно прошла похоронная процессия мимо холма. Никто не знал, не потребует ли Бог от кого-нибудь из них более горькой жертвы?

Они оказались у цели. Тяжелые скалы скрывали вход в пещеру. С трудом мужчины откатали громадную плыбу. Спертый, наполненный дурными запахами холодный воздух подул им навстречу. Пещера была низкой, темной, пол её неровным. Они пронесли завернутого в покрывало покойника внутрь пещеры довольно далеко. Тащили его, согнувшись, но очень осторожно. Уронить покойника — плохая примета. Это — к несчастью. Ходы разветвлялись. Здесь располагались помещения, занятые умершими. Мужчины шепотом посоветовались, где можно будет опустить Гилеада на землю. Нашли хорошее место. И вот он лег среди провожавших. Они оставались с

ним некоторое время, как подобало. В пещере они чувствовали себя не очень уютно.

Они вышли на свободу, против воли ускоряя шаги. С удовольствием вдохнули чистый воздух. Снова установили глыбу перед пещерой — теперь уже кое-как. Только когда покойник во время трапезы получит свои дары, нужно будет по-настоящему закрыть вход, до этого он может бродить беспрепятственно на воле.

Они потянулись назад — вниз с холма Обот, а затем — вверх на городскую возвышенность Мицпе. Они должны были поститься до поминок, которые могли состояться на следующий день, а может быть, и позже. Несмотря на это им стало легче, когда покойник оказался рядом со своими предками.

II

Авиам, главный священник рода Гилеад, не принимал участия в траурной процессии, он не имел права осквернять себя близостью к мертвецу. Однако с крыши своего дома он сопровождал процессию взглядом. Город Мицпе, «сторожевая вышка, наблюдательный пост», лежал на высоте, а дом стоял на вершине городского холма. Авиам жил здесь как служитель Господа. Дом принадлежал Богу, его называли древним именем «шатер Господа», как все места его пребывания, когда он сопровождал детей Израиля в их скитаниях. Итак, на плоской крыше этого дома, на рогоже, сгорбился священник Авиам, он следовал взглядом за процессией, сопровождавшей мертвого судью к его пещере, взвешивал и размышлял.

Гилеад был благословенным, Господь благословил его меч, позволил ему добиться великих побед и вновь завоевать захваченные земли. Священник Авиам понял это очень давно. Но он спрашивал себя все эти годы, почему Бог выбрал именно этого человека. Ибо задачу объединения народов Израиля в союз Господа, эту великую задачу настоящего судьи, покойный не понимал никогда. Авиам полулежал на циновке — старый, маленький, худой. Но на жалком теле сидела громадная голова. Узкое лицо, огромные глаза глубоко сидели в глазницах под густыми, сросшимися бровями, большой нос нависал над тонкими губами. Авиам не был воином, он проявил

слабость в единственном походе, в котором принимал участие, и очень страдал из-за убожества своего тела. Такое тело считалось большим недостатком в эпоху великих войн. Но если Господь дал ему хилое тело, то вдохнул в этот бедный сосуд свое дыхание. Порой, когда Авиам приносил жертву, он чувствовал кровное родство с Богом, и это ощущение приходило к нему каждый раз, когда он видел кровь жертвы. Это чувство завладевало им с такой силой, что он с трудом удерживался, чтобы не упасть в обморок. Господь давал ему знак, говорил с ним. И как раз теперь, когда Бог раньше срока призвал Гилеада в свою пещеру, он дал ему, Авиаму, знак. Поручил ему найти другого, лучшего судью. Была крайняя нужда в таком судье и вожде. Израильтяне уже в седьмом поколении сидят здесь, к востоку от Иордана, они стали сытыми и вялыми, жирными от масла и молока, множества зажаренных ягнят. Они забыли своего Бога. Конечно, они признавали Его и приносили Ему жертвы. И все же Господь был для них не просто сильным Богом плохой погоды и скитаний по пустыне, Богом Синайского Огня, он был одним из многих богов, живших кругом в горах. Приятный Бог изобилия и плодородия... Мужчины Гилеада забыли свой союз с ним, свое предназначение, они радовались своим поместьям, ели, пили и с удовольствием наблюдали, как коренные жители страны почитают богов. Они смешивались с ними и спали с их дочерьми. И сам судья, покойный Гилеад, знал это не хуже других и вел себя как все. И сейчас ещё в ушах Авиама звучал самодовольный, громкий смех Гилеада, когда он, Авиам, заклинал его освободиться от этой Леваны-аммонитки. С безбожной самоуверенностью он утешил его: «Будь спокоен, Авиам. Я не отрекаюсь от Господа, когда наслаждаюсь этой женщиной, данной мне для удовольствий». Перед Авиамом стояла теперь другая проблема, свалившаяся на него со смертью Гилеада. Она была не так важна, как назначение судьи, но — так же неприятна, и её нужно было решить тотчас же. Что должно произойти с богатыми поместьями, подаренными Гилеадом покойной аммонитке, которые унаследованы теперь бастардом Ифтахом и его сестрой Касией?

Авиам тяжело вздохнул. Он подумал о своих собственных детях. Его дочь рано вышла замуж и умерла при первых родах, его сын погиб в одной из войн Гилеада, а его вдова из рода Эфраима уехала с двумя детьми на запад от Иордана, на родину Эфраим, где не признавали

рода Гилеада и его священника. Авиам отогнал мрачные мысли, он взвешивал и просчитывал. Гилеад больше любил детей своей наложницы, чем Зилпы. Этот Ифтах был его любимцем. И по праву. Ифтах был дельным парнем, полным сил и заразной уверенности. Ему легко прощали его происхождение — то, что он сын аммонитки-наложницы, но он тоже добыл себе аммонитку и взял её в жены. Можно ли позволить ему претендовать на наследство? Ведь больше никогда не представится случая поставить его на подобающее ему место. С другой стороны, этот Ифтах был хорошим человеком, плотью и кровью Гилеада, а большого выбора не было. Следовало ли его уничтожить?

Священника знобило даже в его многочисленных одеждах, хотя было ещё тепло. Он разогнулся, встал, потянулся. Поднес сухощавую руку к глазам, чтобы дальше видеть. Устремил взгляд вниз на возвращающуюся траурную процессию, и то, что неясно видел его взор, дополняло воображение.

Он видел семью покойного — жену, трёх сыновей. Он видел энергично поднимавшуюся на холм Зилпу. Он хорошо её знал и точно угадывал, о чем она думала. Она прикидывала, как сделать судьей в Гилеаде одного из своих сыновей и через него править страной.

Может быть, несмотря ни на что, лучше всего было бы помочь ей. Может быть, ему следовало бы уговорить старейшин назначить судьей Шамгара. Шамгар, самый младший из сыновей Зилпы, был задумчив. Люди называли его мечтателем. Он изучал Писание и старался разобраться в смысле древних дощечек и свитков. Он искал его, Авиам, общества и наставлений. Им можно управлять и в том случае, если он станет судьей.

Священника охватил жгучий стыд. Ведь он думал о том, не сесть ли ему самому на стул судьи в обличье Шамгара. Фу, с каким опозданием пробудилось его самолюбие!.. Но где же всё-таки найти настоящего судью?

Авиам поднял плечи, вздохнул, выражая на живом лице огорчение, отрешенность, недовольство. Бог приказал ему назначить наследника Гилеада, но посмеялся над ним и оставил без вдохновения.

Позже, уже вечером, Авиам нанес визит семье покойного. Простой низкий дом был полон людей. Здесь были дочери Гилеада со своими мужьями, а также жены его сыновей и многочисленные внуки. Они сидели согнувшись или ходили кругами, мрачные и вялые, одни — в переднем дворе, другие — в теплых, душных внутренних помещениях дома. Они были голодны, потому что должны были поститься до поминок, а ожидание того, что принесут ближайшие дни, беспокоило их.

Зилпы и её сыновей здесь не было. Священник нашел их на плоской крыше дома, в вечерней прохладе. Он хотел посоветоваться с ними, когда должны состояться поминки — вопрос по некоторым причинам очень щекотливый. Тем не менее, он сначала заговорил о другом, ожидая, что кто-то из четверых первым перейдет к делу. Сделавший это мог бы претендовать на то, чтобы стать представителем и главой семьи. Никто из сыновей не лелеял подобных честолюбивых надежд. Старший, Гадиель, как и отец, имел сильное и крепкое телосложение, широкое, открытое лицо и шумный характер. Но ему не доставало яркости, пылкого прямодушия, чем отличались мужчины и женщины Гилеад. Гадиель на деле доказал, что он — воин. У него не было страха перед опасностью и борьбой. Однако ему легче было следовать приказам других, чем командовать самому, и мысль о том, что он имеет некоторые шансы на замещение должности судьи, вызывала у него неприятное чувство; он не хотел нести ответственность перед строгим, трудно постижимым Господом. Мало привлекала должность судьи и среднего сына, Елека. Он тоже унаследовал от отца широкую кость и крепкое телосложение, но отличался большей дородностью. С мясистого лица смотрели спокойные, взвешивающие, немного сонные глаза. Он с ранних лет заботился о богатых владениях семьи, — к удовлетворению матери, предоставлявшей ему все более заметную роль в хозяйстве. Он заботился о домах и пашнях, которыми повсюду в стране владел род Гилеад, о виноградниках и масляных плантациях, о стадах, слугах и служанках. Владения преуспевали благодаря его попечению. Он радовался тому, что теперь сможет ещё больше отдалиться этим делам, однако другие обязанности принимать на себя не хотел. А Шамгар,

самый младший, — задумчивый, медлительный, этот мечтатель — и вовсе не желал становиться представителем рода Гилеад.

Зилпа неодобрительно смотрела на своих сыновей. Никто из них не открывал рта. Не без иронии наблюдала она за священником. И, наконец, взяла дело в свои руки.

— Я думаю, — сказала она гортанным, решительным голосом, — мы устроим поминки завтра, на вечерней прохладе.

Разумеется, справедливее и разумнее было бы не заставлять скорбящих долго поститься. Однако существовало также и нечто другое, на что откровенно хотели закрыть глаза в этом доме — младший сын и наследник, живший вдалеке от Мицпе.

— Ты подумала о том, — спросил Авиам, — что из Маханаима сюда долгий путь? Ифтах вряд ли успеет приехать к этому времени...

Второй сын, Елек хотел согласиться, но с оговоркой. Он страстно желал присоединить жирные земли Маханаима к владениям Зилпы и её сыновей, но это можно было сделать, не возбуждая злословия, лишь предоставив Ифтаху возможность участвовать в поминках. Но прежде чем он подготовил разумный ответ, Зилпа уже говорила Авиаму:

— Было бы несправедливо, — сказала она, — из-за бастарда аммонитки ждать трапезы дольше, чем принято. И покойнику пришлось бы долго ждать даров...

Братья напряженно смотрели на Авиам. Он же хладнокровно, чуть ли не развеселившись, заметил:

— Я думаю, что покойный охотно подождет. Он очень любил своего сына Ифтаха.

В голосе Зилпы зазвучали резкие нотки.

— Ты, кажется, тоже очень дружен с бастардом, первосвященник Авиам.

— Ты знаешь, что это не так, — ответил священник. Но я бы на твоём месте не сердил покойного, госпожа Зилпа. Тебе известно, как привязан он был к своему сыну Ифтаху, и радость от его последней трапезы была бы омрачена, если бы в ней не принял участия его младший. Кроме того, некрасиво перед лицом Господа лишать сына возможности отдать своему отцу последние почести.

Зилпа, недовольная, замолчала. Священник спросил её с подвохом:

— Вы вообще не посылали известий Ифтаху? И, не получив ответа, продолжал:

— Пусть вас это упущение не заботит. Слухи распространяются быстро, а Ифтах молод, крепок, скор на решения. Он может быть послезавтра уже здесь.

— Ты взваливаешь на нас слишком много, — возмутился Гадиель.

Авиам ответил:

— Не я возлагаю, а Бог Господь и уважение к судье Гилеаду...

Елек снова хотел согласиться с ним, высказав, однако, справедливые возражения. Но его опять опередили. На этот раз — Шамгар, самый младший, мечтатель, благочестиво и простодушно сказал:

— Если так решил Господь, мы охотно будем ждать брата Ифтаха.

Мать посмотрела на него скорее презрительно, чем сердито, и все смогли прочесть по её лицу: «Дурак». Но вслух она заявила:

— Вот что я тебе скажу, священник: успеет ли этот бастард к поминкам или нет, ему это мало поможет. Он не останется в доме, где поселила его слепая любовь старого отца.

— Аминь, да будет так, — сердитым голосом, но убежденно подтвердил Гадиель.

Авиам, однако, произнес:

— Я не люблю его и не ненавижу. А ты, Зилпа, не позволяй ненависти завладеть твоим существом...

А про себя подумал: «Держала бы язык за зубами, по крайней мере, до тех пор, пока покойный не насытится своей трапезой».

IV

Ифтах прибыл уже вечером следующего дня, раньше, чем кто-либо ожидал. Он не успел подстричь волосы, как это подобало скорбящим. Кроме того, он скакал на светлой ослице. Это был скандал: право скакать на животных благородной породы предоставлялось «всемогущим», а принадлежал ли он к ним, — большой вопрос. Самым же неприличным было то, что человек выказывал такое высокомерие, пребывая в печали. Несмотря на это

дом Зилпы принял его с почестями, подобающими гостю. Позаботились о его животном, предложили ему сесть на ковер у входа, дочери дома помыли ему ноги.

Утруждать гостя вопросами означало бы погрешить перед обычаем. Поэтому вокруг него стояли молча, мужчины и женщины дома рассматривали его угрюмо, настойчиво, но ненавязчиво; бесчисленные дети — с нескрываемым любопытством. Правда, Цилла, жена Шамгара, худое, маленькое создание, протиснулась так неподобающе близко, что мешала обслуживать Ифтах, и уставилась на него дерзким, ненавидящим взглядом.

Его это мало беспокоило. Он скорчился на ковре, с удовольствием сгибая и разгибая пальцы и вытягивая руки. Его массивное лицо с широким лбом, карими, умными глазами, очень красными губами и ярко-белыми зубами выражало задумчивость и ожидание.

Наконец он спросил с добродушно-иронической улыбкой:

— Послали ли вы гонца сообщить мне о смерти отца?

— Мы этого не сделали, — вызывающе ответил Гадиель.

Елек быстро и примирительно добавил:

— Мы считали, что слух дойдет быстрее, чем посланец.

— И не ошиблись, — приветливо заметил Ифтах. Однако Шамгар, самый младший, сказал честно:

— Поминки перенесены на завтра, чтобы ты мог принять участие.

— Тогда вы должны из-за меня дольше поститься, — с лукавым сожалением констатировал Ифтах. — Я не постился, — продолжал он, — я не ожидал от вас такого внимания. — И по-прежнему добродушно заключил:

— Но, как видите, я здесь...

Теперь он, уже воинственно, посмотрел в лицо враждебно оглядывающей его Цилле.

Затем он погрузился в траур. Его огорчало, что вместо отца, принимавшего его всегда с явной, шумной радостью, он нашел теперь в доме зависть и недоброжелательство.

Шамгар проводил его наверх, в шатер на плоской крыше, чтобы он выпался там в приятной прохладе. Ифтах вытянулся на постели, ухмыльнулся, порадовался своему быстрому, такому неприятному для других прибытию, наслаждался своей усталостью и, наконец, заснул.

Он спал глубоко и долго. Шамгар разбудил его; наступило время готовиться к поминкам; Ифтаху нравился его самый младший сводный брат.

— Вас очень огорчило, — поддразнил он его, — что я успел приехать к поминкам?

— Я бы сожалел, — ответил Шамгар, — если бы ты не приехал...

По тону его голоса чувствовалось, что он говорил то, что думал.

— Твоя Цилла не сожалела бы, — улыбнулся Ифтах. — Но ты — хороший парень, — признал он.

Шамгар посмотрел на него и осторожно спросил:

— Не подстричь ли тебе к поминкам бороду?

— Ты прав, — ответил Ифтах.

С помощью Шамгара он подстриг короткую, косо выступавшую вперед бородку и волосы. Это была обстоятельная работа. Ифтах сопровождал её болтовней. Дома, в Маханаиме, у него есть ножницы из этого нового, хорошего материала, называемого железом. Ножницы тверды, остры и стригут бороду быстрее и основательнее, правда, иногда отхватывается и кусок кожи. Он должен был отдать в уплату за ножницы трех козочек; но он любит новые, полезные вещи.

В то время как перед домом Зилпы готовили поминки, родственники и друзья вторично потянулись вверх к холму Обот, и на этот раз в процессии участвовал Ифтах. Снова откатали от входа в кладбище камни, и братья с трудом нашли место, где они положили покойника. И вот они стоят вокруг него в низкой пещере, согнувшись, переговариваясь шепотом. С почтением, печалью, с легким оттенком ужаса смотрел Ифтах на расплывшееся, скорчившееся «нечто», бывшее его отцом. Затем вокруг покойника поставили разные дары, вещи, которые могли понадобиться ему в его новом мире — платье, домашнюю утварь, посуду с кушаньями, кружки с вином, а также пряности. Ифтах собрал в глиняную посуду остриженные волосы. Нежным, медленным движением он поставил её рядом с прочими дарами. Братья некоторое время молча пребывали рядом с духами предков. В последний раз склонились перед покойным, пошли обратно. Откатали назад к пещере скалистые тяжёлые глыбы, на этот раз очень плотно, чтобы защитить покойного от грабителей и хищных зверей, чтобы защитить самих себя от покойника. На обратном пути Ифтах ни с кем почти не разговаривал. Ему не ведом был страх, и на

полях сражений он без смущения смотрел на мертвых, разорванных на куски людей. И все же жалкий вид скрюченного тела в заплесневелой пещере глубоко его тронул. Он любил отца, они хорошо понимали друг друга, и он мог говорить с ним обо всем — о большом и о малом. Теперь он никогда его уже не увидит или, может быть, увидит, но в другом, неясном обличье, увидит воздух, не человека, увидит жителя чужого, неприятного мира. Теперь Ифтах останется один, предоставленный самому себе. Он предполагал, что его ждет большое будущее, и это заставляло его задуматься.

Перед домом в Мицпе все уселись для поминальной трапезы. Здесь были приготовлены циновки, а для самых знатных — столы и скамейки. Зилпа приказала зарезать много баранов, а также двух телят, чтобы показать всему народу богатство дома. Гости, большинство из которых постилось из любви и уважения к покойному, с удовольствием принялись за пышную трапезу — сначала осторожно, чтобы не повредить пустому желудку, затем все торопливей, жаднее. Все они снова и снова вытирали руки и рты, блестящие от жира. Сперва они пили воду, затем — воду, смешанную с вином, потом — чистое вино и, наконец, — шекер, крепкий, беловатый напиток, смесь начавшего бродить гранатового сока, моченых фиников и ячменя, подслащенная медом.

Они ели, пили, болтали. Думали о том, что их ждет. Они уже давно сидели в этой стране, являлись седьмым поколением с тех пор, как их скитавшиеся предки осели здесь. Они привыкли к этой земле, привыкли владеть пашнями, копать колодцы, жить в крепких домах, подражать древним жителям страны и смешиваться с ними. Древние жители привыкли к Господу. Они, пришельцы, спокойно относились к богам этой земли. Это были обходительные боги, желавшие и новым жителям благословения и плодородия. Судья Гилеад позволял каждому жившему в стране вести себя по своему усмотрению, но он поднимал страшный, счастливый меч на сыновей Аммона и Моава, вторгавшихся сюда. Найдут ли они нового такого судью — доброго со своими, сильного, кровожадного — с врагами? Сначала украдкой, затем все чаще и без всякого страха, люди Мицпе смотрели на тех, кто в первую очередь мог стать кандидатом в судьи — на сыновей Зилпы. И становились задумчивыми, оценивали, взвешивали, говорили без обиняков. Оценивали и Ифтаха, сравнивали его с братьями. Его

массивное лицо с широким лбом было голо, поэтому на свету ещё явственнее выступали его решительные черты, острые скулы, поразительно плоский нос, сильный подбородок, полные губы. И люди думали, а кто-то говорил вслух:

— Жаль, что госпожа Зилпа не родила Гилеаду ни одного такого сына.

Зилпа не посадила Ифтаху за тот стол, за которым ела она и её сыновья. Он сидел за столом управителя, которому подчинялась прислуга. Это не было малочетным местом, однако, и не слишком высоким. Ифтах воспринял этот факт с чувством, в котором смешивались обида и насмешка. Ему доставляло удовлетворение, что гости чаще и приветливее смотрели в его сторону, чем на братьев.

Когда трапеза вместе с наступившей ночью подошла к концу, Зилпа, её сыновья и Авиам поднялись на плоскую крышу дома, чтобы насладиться прохладой. Ифтах, приглашенный священником, пришел туда вместе с ними. — Я не буду, — заявил он после короткой паузы, — надоедливый гостем. Завтра рано утром возвращаюсь в мой Маханаим. Судья Гилеад — в пещере, и я теперь — глава семьи в Маханаиме. У меня там много дел...

Наступило молчание. Из дома и из двора доносились голоса женщин и детей, убирающих остатки еды и наводивших порядок. Из других домов, с соседних улиц слышался замирающий шум позднего вечера. Зилпа произнесла хладнокровно, как бы мимоходом:

— Боюсь, что ты с самого начала неправильно определил свое место в роду Гилеад, Ифтах, сын Леваны.

Не беспокоясь, что его немного хриплый, мужественный голос услышат на улице, он ответил:

— Слушай, женщина, был я или не был сыном Гилеада, его очень любимым сыном, которому он подарил дом и поместья в Маханаиме?

Гадиель и Елек хотели ответить. Но священник Авиам подал им знак, чтобы они молчали, и сам взял слово.

— Ты — сын Гилеада, — сказал он, — но точно также — сын Леваны, дочери Аммона. Каково бы ни было положение Леваны, она, разумеется, не была законной женой Гилеада.

Гадиель вскочил и оборвал священника грубым, звонким голосом:

— К чему такое многословие?! Он — бастард Гилеада, а не сын.

Ифтах остался сидеть, ничего не ответил и посмотрел на остальных долгим, внимательным, испытующим взглядом. Затем, конкретно ни к кому не обращаясь и, вместе с тем, обращаясь ко всем сразу, он спокойно, почти любезно сказал:

— Я вижу, это — заговор. Вы хотите украсть мое наследство, мой дом, мои имения и мои стада в Маханаиме.

Он больше не стал сдерживаться, вскочил и закричал так, что его услышали далеко-далеко в ночном городе:

— Я говорю вам, что этого не будет! Я первый среди глав семей буду сидеть у ворот Маханаима. Я, — и никто из вас.

Он так резко вскочил, что уронил маленький мешочек, который носил за поясом, мешочек упал, и из него высыпались желтые и красные камни, полудрагоценные камни — солнечные и лунные, грубо обработанные, изображавшие животных и людей. Желтые и красные фигурки блестели в свете восходящей луны. Можно было явственно видеть быка с большой головой и большими рогами, женщину с чрезмерно крупными грудями и далеко выступающим пупком и мужчину с громадным членом; и все поняли: это были волшебные куклы, амулеты, талисманы, освященные богами, чуждыми Израилю.

Молча, ошеломленно они смотрели на чудовищ, блестевших и сверкающих при лунном свете. Но ведь эти маленькие фигуры принадлежали покойной матери Ифтаха, Леване. Они были её ангелами-хранителями. Жена Ифтаха, Ктура, дала ему их с собой, чтобы боги её матери, её боги, защищали его в рискованной поездке в Мицпе.

Ифтах, смущенный тем, что выскользнули его талисманы, сел на корточки, чтобы собрать их, и объяснил неуверенным голосом:

— Драгоценности принадлежали моей матери, они были ей очень дороги.

Авиам почти с дружественной иронией сказал:

— Тут я могу тебе поверить, Ифтах. Но вряд ли тебе неизвестно, что каменные изображения — это злые колдуны, знаки Милькома и его сестры Ашторет, поддельные боги Аммона.

Однако Гадиель резко оборвал его:

— Ты хочешь быть сыном Гилеада и опозорить его этой нечистью! Бастард!..

И даже кроткий Шамгар озабоченно и настойчиво потребовал:

— Брось талисманы, Ифтах, брат мой! Выброси их! Выброси их!..

Ифтах, ничего не ответив, продолжал собирать фигурки. Тем временем Авиам отругал Гадиеля:

— Не оскорбляй гостя в своем доме. А ты, Ифтах, собери свою ерунду, если ты в неё веришь, и сядь спокойно.

Когда Ифтах сел снова, священник произнес:

— Ты должен понять, Ифтах, что твои претензии на Маханаим — это спорное дело не только между тобой и братьями. Вопрос заключается в том, можно ли в настоящее время отдать часть Гилеада в руки человека, который носит такое колдовство на своем теле.

Ифтах упрямо, но без обиняков, повторил:

— Камни принадлежат моей матери.

Первосвященник не согласился с ним. Но тут, наконец, взял слово Елек. Рассудительно и приветливо сказал Ифтаху:

— Дело обстоит так, как объяснил господин первосвященник, и ты должен понять это, Ифтах. Кому принадлежали гнусные изображения — твоей матери или твоей жене — не важно. Но человек, который терпит такую гадость в своем доме, не может считаться вождем, иметь голос и место у ворот Маханаима. Но ввиду того что твоя мать была в милости у нашего отца и потому, что мы твои друзья, мой сводный брат Ифтах, я предлагаю выделить тебе место под Маханаимом и назначить тебя управителем и надсмотрщиком над прислугой.

Ифтах достаточно овладел собой, чтобы ответить:

— Я не хочу порочить тебя перед твоей матерью, но ты — захватчик и скупердяй. Ты хочешь украсть мой дом и мои пашни, едва наш отец попал в пещеру. Но тебе это не удастся. Вокруг моих владений стоят большие межевые камни, на них вырезаны инициалы моего имени, а вырезать их приказал судья Гилеад, и господин первосвященник может их прочитать, если захочет, так же и ты, брат Шамгар, так как ты умеешь читать.

Елек сказал:

— Может быть, так и есть, я сам видел знаки. Но человек, не являющийся законным сыном, может наследовать движимое имущество разного рода — дом и пашня возвращается назад в пользу клана. Разве это не бесспорно в Израиле, господин первосвященник?

— В давние времена, — констатировала Зилпа, тоже обращаясь к священнику, а не к Ифтаху, — в давние времена установлено, что сын инородцев может наследовать от своего отца из народа Господа плащ, несколько барашков, наконец, стадо крупного рогатого скота. Но вот приходит этот и требует крепкий дом и все пашни, и все загоны. А ведь сейчас нехорошее время, сыны Аммона и Моава собираются, чтобы напасть на Гилеад. Предстоит новая война Господа. Должен ли при этих условиях сын аммонитки, носящий на теле знаки чужих богов, стать вождем, могущественным в Гилеаде? Нет, не должен. Ты сказал это сам, господин первосвященник, и старейшины перед воротами Мицпе найдут это справедливым.

Ифтах мрачно ответил:

— Мой отец устанавливал законы, женщина, и он был судьей в Израиле. Его закон и воля вырезаны на межевых камнях перед Маханаимом.

Помимо его воли, Ифтах нравился священнику Авиаму. Много из того, что он говорил и делал, было сомнительным, он блуждал ещё в темноте или в сумерках и возил с собой богов своих аммонитских женщин. Но он шагал твердым шагом и ясным был его взор. Разумеется, он понимал, насколько рискованно его дело, но не выказывал никакого страха и не давал довести себя до бессмысленной ярости. Все кланы рода с удовольствием поставили бы над собой человека с такой крепкой рукой и ясным разумом, ибо кончина Гилеада подстрекала сынов Аммона к новым грабежам.

Он терпеливо поучал Ифтаха:

— Дело обстоит совсем не так просто, как ты думаешь, Ифтах. Ты не был в Маханаиме главой семьи, ты был лишь представителем Гилеада, так же, как твои сводные братья были представителями Гилеада в Мицпе. У тебя есть притязания в связи со смертью твоего отца, но и у рода Гилеад есть основания получить наследство в связи с этой смертью и из-за опасностей, которые она принесет. У тебя есть часть прав, но и род Гилеад имеет свое право — причем, на значительную часть. Совет госпожи Зилпы хорош. Пусть решат старейшины, кто наследник в Маханаиме.

Ифтах собрался вскочить со своего места, но Авиам по-отечески остановил его и продолжал:

— Приди к воротам Мицпе, твои братья должны прийти тоже. Обратись к старейшинам, ведя сам свое дело. Будь у ворот завтра или, если хочешь как следует обдумать свои слова, послезавтра.... И если тебе неприятно дольше оставаться здесь гостем, поживи у меня в шатре Господа.

Ифтах колебался. Он не ожидал от Авиама такого дружеского тона. Он размышлял. Затем ответил:

— Благодарю тебя, мой господин первосвященник. Я останусь в Мицпе. Но я не хочу жить ни здесь, ни у тебя в доме. Я буду спать на свободе, под звездами.

V

Ифтах ночевал на одном из холмов неподалеку от города. Он лежал под деревом и слушал журчание воды. Его радовал шелест листьев, шум ручья. Однообразие звуков успокаивало его. Вероятно, где-то в роднике или на дереве жил Бог, и, разумеется, Ктура, жена Ифтах, приветствовала бы его благочестивым словом. Уж эта его досадная неловкость! Амулеты упали на землю... По правде говоря, они не имели ничего общего с его верностью союзу Господа. Они были для него любимой игрушкой, не больше. Мать обожала эти разноцветные, странные вещицы, а когда Ктура касалась их тонкими, нежными пальцами, её взгляд выражал благоговение. Она очень обиделась бы, если бы он отказался взять с собой эти колдовские безделушки. Что касается Господа, Он совершенно не обижается, когда Ифтах засовывает их в свой мешок. Однако эти в Мицпе думают иначе, и они, разумеется, представят старейшинам его невинную игру в ложном свете...

Было совсем темно. Но он все же достал амулеты из мешочка, и его чувствительные пальцы узнавали маленьких чудовищ. Он играл ими, подкидывал и ловил, ощупывал их, гладил. Размышлял. Улыбался в темноте. Смеялся.

Да, теперь он нашел выход. Такое решение понравится Господу, получит удовольствие и покойный отец, удовлетворятся Зилпа, братья и священник. В хорошем настроении он уснул.

На следующий день он стал действовать по своему плану. Утром он явился к воротам Мицпе. Из «бородачей», старейшин, одиннадцать были на месте и готовились выслушать жалобу братьев, их аргументы против Ифтах. Для вынесения приговора достаточно было семерых.

Принесли скамейки, они расселись. Большая каменная скамья судьи Гилеада оставалась пустой. За Зилпу и её сыновей говорил Елек. Он тщательно обдумал свои слова. Да, он любит своего брата Ифтах, но сомневается, можно ли передать ему владение Маханаимом, прежде чем старейшины вынесут приговор. Ифтах, сын матери-аммонитки и муж жены-аммонитки. С ранних лет окружен чужими богами. Их имена и знаки равны в его доме имени Господа. При жизни отца можно было закрыть на это глаза, ибо он руководил своим бастардом твердой рукой. Теперь же неизвестно, способен ли такой человек иметь право голоса наравне с вождями рода.

Было раннее утро, и множество людей оказалось у ворот. Горожане направлялись к своим полям и выгонам. Однако их очень заинтересовало, что выйдет из спора между Зилпой с сыновьями и Ифтахом.

Жители города стояли и сидели на корточках вокруг скамеек старейшин и смотрели на сыновей Зилпы, смотрели на Ифтах и на пустое каменное сидение судьи, слушали складную речь Елека. То, что он говорил, имело смысл и было разумным, и они понимали, на что он намекал: скоро разразится война с сыновьями Аммона, и ни один, связанный с аммонитами человек не будет иметь права воевать в первых рядах израильтян. Но люди из Мицпе видели Ифтах, сравнивали его с братьями, и он нравился им. Слова Елека падали на землю, не достигая их сердец.

И вот заговорил Ифтах. Широкоплечий, он стоял под солнцем, выставив вперед крупную голову, и говорил:

— Судья Гилеад, мой отец, подарил мне дом и имения в Маханаиме и приказал вырезать мое имя на межевых камнях. Я любил своего отца и слушался его. Что бы я ни делал, молился, воевал или брал жену — все это происходило с ведома и по воле моего отца, который был судьей в нашем роду. То, что говорит здесь мой сводный брат Елек, обвиняет отца, но не меня. Брат мой бесстыдник. Только что похоронили нашего отца, и он оскорбляет его из жадности своего корыстолюбивого сердца.

Это была простодушная речь, которую трудно было счесть возражением обоснованным доводам Елека против права наследования Ифтах. Но видно было, что слова Ифтах понравились старейшинам.

Большая часть этих старейшин была, впрочем, не так стара; тем, кто насчитывал чуть более тридцати лет, полагалось отращивать бороду. Старейшин так и называли — «бородачами». Был среди них очень древний старец по имени Менаше, который дружил с Гилеадом. Он участвовал во многих военных походах и в одном из них в качестве добычи взял аммонитку, с которой сразу же переспал, ещё до окончания войны. Затем её объявили вне закона и принесли в жертву Господу, ибо этого требовали священники и закон. Другой раз он поступил умнее, заставив себя воздержаться от сближения с добытой им девушкой до конца войны. Только потом взял её себе в наложницы. У него были от неё дети, и те имели уже детей и даже внуков. Женщина давно, как и первая, была мертва, умерло и большинство детей. Старый человек частично потерял память. Однако он отлично помнил о том, что священники настойчиво предостерегали его от связи с аммониткой. Тем не менее, он их не послушал, оставил женщину себе и был очень доволен, что сделал это, ибо её бог Мильком оказался сильным богом — и даже внуки его аммонитки выросли удачливыми. И если дух его друга Гилеада сидел теперь на каменной скамье, он слушал голос сына, рожденного аммониткой, с большим удовольствием, чем голос добросовестного, разумного Елека.

Итак, старый Менаше дружелюбно промолвил своим дребезжащим голосом:

— Продолжай, Ифтах, сын друга моего, Гилеада. Скажи нам все, что хочешь сказать. Твой отец был хорошим человеком, и ты тоже кажешься вполне удачным.

Среди слушателей находился и священник Авиам. Маленький, он стоял на слабых ногах, прислонившись к городской стене и опираясь на палку. Смотрел и слушал. В словах Ифтах содержалось не много смысла, на его взгляд, но они были сердечны и проникали в душу. Они трогали Менаше, они трогали собравшихся здесь, даже его самого. И все же Авиам не забыл про мешок с отвратительными маленькими скульптурами. Он взглянул на пояс Ифтах. Не притащил ли он их и

сюда? И Авиам не мог принять решение — ни в пользу сыновей Зилпы, ни в пользу Ифтах. А Господь все ещё молчал.

Тем временем Ифтах говорил:

— Благодарю тебя, о старец, друг моего отца, но мне почти нечего больше сказать. Этот жадный сын Зилпы утверждает здесь, будто бы моя мать и жена старались изгнать бога Господа из моего дома. Это — злостная ложь. Судья Гилеад в свое время отрезал волосы моей матери Леване, как велит закон, и моя мать с новыми волосами обновилась и была принята в союз Господа. Она была израильтянкой, когда забеременела мною. Я тоже поступил по закону: остриг Ктуре волосы и сделал её другой, прежде чем она стала моей любимой женой.

Мужчины из Мицпе слушали внимательно, скорее — благосклонно. Но на этот раз ответила Зилпа. И говорила она твердо:

— Не прячь за многословием правды, ненастоящий сын Гилеада. Ты сам, как и твои женщины, насквозь заражен дыханием Милькома, поганого бога. Разве ты не осмелился принести с собой на своем теле в дом покойника божков этих женщин? Своими собственными глазами видела я, как они блестели при лунном свете. Мы все видели, и первосвященник Авиам — тоже. Может быть, они и сейчас за твоим поясом, поклонник идолов?

Это обвинение показалось людям из Мицпе убедительным. Они смотрели теперь на Ифтах и на его пояс другими глазами, полными страха, сомнения, возмущения. Однако этот удивительный человек ответил на взгляд Зилпы, быть может, немного смущенно, но без малейшего сознания вины. Он даже улыбнулся и сказал:

— Драгоценности принадлежали моей матери и были ей очень дороги. И мой отец знал и видел, что она играла с ними, и терпел это...

Однако ему не удалось привлечь слушателей на свою сторону. Гилеад был мертв. Не клеветал ли Ифтах на него ради собственной защиты?

Зилпа громко и презрительно рассмеялась над его неуклюжей ложью. А Гадиель высказал то, что думали все:

— И он ещё оскорбляет покойного отца! Елек деловито, холодным тоном спросил:

— Зачем же, мой сводный брат Ифтах, ты засунул мешок с богами за пояс и принес их в Мицпе?..

Это убедило слушателей. В толпе засмеялись. Сначала — лишь некоторые, затем — все. Громкий иронический смех прокатился над площадью.

Ифтах смутился, может, нарочито, и объяснил, когда смех утих:

— Я не хотел никому говорить, потому что это касается только отца и меня. Но если ты, любопытный Елек, спрашиваешь с таким недоверием, я скажу. Я принес фигурки своему отцу в пещеру, чтобы он посмеялся над ними, как делал это в счастливые времена своей жизни в Маханаиме. У меня не было лучшего дара.

Объяснение прозвучало странно, но правдоподобно. Оно тронуло слушателей — и мужчин и женщин. А Менаше даже похвалил Ифтаха своим хриплым голосом:

— Да, это доставит моему молодому другу Гилеаду радость в пещере... Ты — удачный сын.

Священник Авиам не верил Ифтаху. Разумеется, камни дала ему с собой аммонитка Ктура... А когда они принесли ему не благословение, а несчастье, он придумал отговорку. Но это была умная, рассчитанная ложь, которую многие тут же доверчиво проглотили. Это легко было прочесть по лицам слушателей. Кроме того, он преподнес эту ложь очень ловко. Пожалуй, сам верил в то, что говорил. Молодой человек был находчив, в этом надо было отдать ему должное. Так уж получалось: Господь вдохнул в этого, родившегося в поганой постели, лучшее дыхание, чем в законных сыновей Гилеада. Но почему же он дал ему такую мать и побудил затащить неверную к себе в постель? Священник стоял в мучительной нерешительности. А ведь он знал, что все ждут его слова.

Тем временем Елек, возмущенный легковерием старейшин и всего народа, надел на Ифтаха:

— Мы все, — заметил он сердито, и его глаза теперь уже не казались заспанными, — признаем твои добрые намерения, благочестивый сын Гилеада. Но одного я не понимаю: почему ты не оставил отцу твоих колдовских кукол сразу, когда был в пещере? Второй раз тебе будет тяжело отодвигать громадные камни. Да и можешь ли ты вообще сделать это?

— Я возьму с собой двух пастухов нашего отца, — ответил Ифтах, Ханайю и Намера, которые пасут поблизости скот. Они сначала боялись, но я их уговорил. Они сильны, да и я не слаб. Позовите же их, чтобы они подтвердили...

Зилпа с ожесточением произнесла:

— Этим дурным пастухам нужно оставаться около своих овец. Они не должны помогать бастарду нарушать мир пещеры. Я накажу их.

Однако люди из Мицпе поверили Ифтаху. Он старался оказать честь Гилеаду, принести ему особые, с любовью выбранные дары. Он был хорошим сыном хорошего судьи.

Тем не менее, Елек напал на Ифтаху снова:

— Ты не ответил на мой первый вопрос, сводный брат Ифтах. Почему ты не положил амулеты в пещеру, когда был там вместе с нами? Эта мысль, признайся, пришла тебе на ум позже.

Поскольку Ифтах взял с собой маленьких разноцветных божков только потому, что его тронуло, что его жена Ктура верила в их волшебство, щекотливый вопрос Елека поначалу смутил его. Но прежняя уверенность быстро вернулась к нему. Свое решение он вынес, когда находился вдали от коварных братьев. Тогда в ночной тиши он понял, как должны обрадовать отца воспоминания о его любимой жене, и раз Ктура все равно лишится своих богов, он отнесет их в пещеру. Воспоминание о величии и искренности своей жертвы придало его голосу нотки возмущения, когда он отвечал Елеку на его полный подозрений вопрос:

— Не желаю, чтобы между мной и моим отцом, когда я принесу свои дары, встали ваши грязные мысли, ваши сомнения. Мне было бы неприятно, если бы ваши дерзкие глаза смотрели на это. Я — любимый сын Гилеада. И хотел говорить с ним наедине, без посторонних.

Его слова звучали так убедительно, что сомнения слушателей окончательно рассеялись. Они с видимой благосклонностью смотрели на смелого молодого человека, который не боится вести разговор с отцом в жуткой темной пещере.

— Он лжет, этот человек! — выкрикнула Зилпа. — Лишь на треть он принадлежит народу Господа. На две трети — к аммонитам. И если эти куклы действительно должны были лежать в пещере, то я не

уверена, что они единственные идолы в доме Маханаима. Скажи же, Ифтах, если можешь, поклянись именем Господа, держит ли твоя аммонитка в доме другие преступные безделушки?..

Ифтах медлил. Затем совсем тихо произнес:

— Не оскорбляй мою жену!

Но дальше он уже не мог сдержаться. Его охватила такая злоба, что все в страхе отпрянули назад. Как в этой вспышке гнева он был похож на покойного Гилеада!..

— Я ещё должен оправдываться перед вами, вы — жалкое отродье?! — вырвалось у него. — Вы должны оправдываться передо мной! Отец любил меня, и вы это знаете. И у него были для этого все основания. Я — сын его молодой жены. Она была красива, и он любил ее. Я — младший сын. Разве мало найдется таких, кто скажет, что младший должен быть главным наследником, потому что он — самый любимый? Разве не предпочел наш праотец Израиль сына самой своей молодой жены Рахили, нашего прародителя Иосифа, своим старшим сыновьям? Вы оправдывайтесь передо мной, сыновья Зилпы, потому что хотите сохранить за собой дом в Мицпе.

Сначала эта чудовищная дерзость всех ошеломила. Потом люди подумали, что Ифтах в принципе прав. Его слова о родоначальнике Иосифе имели свой смысл. Люди из Гилеада принадлежали роду Иосифа, а Иосиф действительно был любимым сыном старого Израиля. Прародитель подарил ему дорогой плащ и напутствовал самыми лучшими благословениями. Эти благословения дали возможность им, людям Гилеада, потомкам Иосифа, первыми оказаться в заповеданной стране.

Так думали жители Мицпе. Им понравилась речь Ифтаха. Когда его гнев утих, над площадью у ворот на мгновение повисла мертвая тишина. Потом закричал осел, откуда-то издали послышались крики играющих детей. Высоко в небе кружил ястреб...

Общее молчание нарушил древний Менаше. Качая головой, он прокашлялся и сказал:

— Самый младший сын — любимец отца. Это удачный сын...

Затем он окончательно овладел собой и продолжил:

— Тяжелый случай... Сыновья Зилпы правы, но прав и наш Ифтах. И он нравится мне.

Он бросил взгляд на опустевшую каменную скамью.

— Жаль, что нет здесь судьи Гилеада. Он принял бы правильное решение.

Зилпа посмотрела на кудхтающего старца с явным презрением. Как жалки эти бородачи из Мицпе! Как жалки все мужчины здесь, на площади, в том числе и её сыновья!.. Гилеад, по крайней мере, был сильным человеком. Но и он бесславно отправился бы в пещеру, если бы она не помогала ему добрым советом. Всегда находились израильские женщины, умевшие в трудную годину проявить свой характер. Израиль не приобрел бы этой страны, если бы мужчин не вдохновляли Мирьям и Дебора. И поймут ли, в конце концов, эти бородачи, что слушать надо ее, Зилпу, а не этого дерзкого хлыща и бастарда?

Тем временем одному из бородачей пришла в голову внезапная мысль. Он пошептался с древним Менаше и тот обратился к Авиаму:

— Что скажешь нам, первосвященник Авиам? Какие у тебя известия от Господа?..

Зилпа почувствовала во рту неприятный привкус. Её оскорбило, что глупые старейшины, не обращая на неё внимания, спрашивают совета у священника.

Авиам отделился от городской стены и, опираясь на посох, вышел в центр собрания. Маленький, он стоял под лучами солнца и ощущал полнейшую растерянность. Они требовали от него известий от Господа. И по праву. Ибо именно он был назначен посланцем Господа. Но Господь молчал.

Авиам подумал со злостью: «Ты направишь мою речь, Господь! Я заставлю тебя». И, сделав вид, что исполнен решимости, глубоким голосом сказал:

— Подождите с вашим решением, бородачи! Я получу знак от Господа...

VI

На следующий день, лишь только забрезжил рассвет, Авиам, чтобы испросить знак Господа, взялся за урим и тумим — таблички света и совершенства. Помощники принесли родниковую воду, чтобы омыть ею Авиаму с головы до ног. Затем надели на него белое одеяние

священника. Накинули эфод, четырехугольный до бедер плащ из тяжелого голубого материала. По углам к нему были прикреплены урим и тумим, воспринимающие дыхание Господа.

Одетый как подобает, священник развязал специальные шнуры на темных тяжелых занавесях, поднял их и вступил в Свята Святых — в шатер, в котором Господь сопровождал израильтян в их скитаниях.

Внутри шатра не было ничего, кроме ларя и камня Господа. Ларь стоял с правой стороны. Это был простой сундук, в котором хранились свидетельства союза Господа, доски со словами обязательств и обетов, нанесенных самим Богом. Камень Господа в Свята Святых — высокий и темный — стоял у задней стены шатра. Он служил невидимому Господу треном, когда Он находился в Гилеаде.

Внутри было темновато от тяжелых, с кисловатым запахом, штор. И прохладно. Отдавало затхлостью.

Священник смутился. Его охватили сомнения. Допрос Господа требовал высокого уровня самодисциплины того, кто спрашивал. Предстояло полностью переложить на Бога решение и ответственность за него. Он, Авиам, мысленно все чаще обращался к проблеме Ифтахы. Что будет с ним? Он видел и испробовал разные пути. Искоренил ли он в уме и сердце дерзкие расчеты? Отстранился ли от волевых порывов, избавился ли от нескромного любопытства? Достаточно ли он свят? Чисты ли его помыслы, подобны ли они свежей глине, из которой Господь вылепит свое решение?..

Авиам ждал, исполненный страха. Придет ли Бог? Будет ли Он говорить с ним?

Внезапно тело его охватила дрожь. Он знал, он чувствовал: Бог пришел с Синая. Незримый, спустился вниз сюда, на свое место в Мицпе. Священник закрыл глаза. И вот его бедное тело затряслось ещё сильнее и покрылось потом. Внутренним взором он увидел устрашающий лик Господа — строгий и одновременно добрый, с гигантскими огненными глазами, с рогом власти, возвышавшимся на лбу.

Он пал ниц перед Божественным ликом. Лежал, прижавшись лбом к земле, чтобы взгляд Всесильного не убил его. Лежал и вопрошал:

— Не сделаешь ли Ты милость, не поговоришь ли со своим слугой?..

Тонкими руками обхватил Авиам урим и тумим, чтобы ему передалась их святость. И ждал... Потом почувствовал, как внутрь вливается могущество. И услышал ответ:

— Я здесь...

Он должен был задать три вопроса. Так учил его предшественник, а того научил первосвященник, который служил до него... Вопросы следовало поставить с умом, ибо Бог отвечал лишь «да» или «нет». Он должен был ставить вопросы очень конкретно, чтобы получить ясный ответ.

— Должен ли я поддержать братьев в лишении Ифтах наследства? — спросил Авиам.

И услышал в ответ: «Нет».

— Должен ли я отказать законным сыновьям Гилеада, сыновьям Зилпы, в праве наследовать Маханаим? — задал священник свой второй вопрос.

Краткое мгновение напряженного ожидания показалось ему вечностью. И вот, наконец, он снова услышал: «Нет»...

Жалкий и вялый, лежал Авиам, выслушивая Божественное решение, и с особой болезненностью ощущал слабость своего тела. ещё крепче он стиснул урим и тумим их сила, помогая ему, проникала в его голову и грудь. Бог проникал в его кровь.

Авиам задал последний вопрос — на этот раз не голосом, который уже не слушался его, а сердцем:

— Должен ли я пытаться Ифтах, собирается ли он очистить свой дом от мерзостей Аммона?

Теперь его дрожащие пальцы едва удерживали дощечки. Тощее тело священника судорожно сжалось. В шатре слышалось лишь его хриплое дыхание... И, наконец, пришел ответ Бога: «Да».

Руки Авиама отпустили дощечки. Его тело размякло, он почувствовал смертельную усталость и полную свободу от каких бы то ни было мыслей.

Он долго лежал на полу. Затем с трудом выпрямился, снова скорчился на земле головой вперед. И начал раскачиваться с закрытыми глазами — обдумывал ответ Господу. Бог был бесконечно

мудр, недостижимо возвышен, но — доступен разуму простого человека.

Границы Израиля к востоку от Иордана были неопределенны. Пашни переходили в пастбища, луга, степи и, наконец, в Тогу — в пустыню. Со стороны пустыни постоянно вторгались в Землю Израиля враги — люди Аммона и Моаа. Если Гилеад не хотел раствориться в народах пустыни, он должен был отгородиться от них. Однако мужчины Гилеада не могли устоять перед женщинами врагов. Они смешивались с ними, открывая сердца их богам. Сердце Ифтахы тоже не было свободно от богов Аммона. Поэтому, когда его братья требовали уравнивать его со слугами, это было не так уж несправедливо. С другой стороны, Господь открыто благословил Ифтаху. Он дал ему силу, дал дар нравиться людям, а потому отвергать его — неправильно. Бог указал верный путь: Ифтаху следует испытать.

И именно на него, Авиаму, Господь возложил эту задачу. В его руках находилась теперь судьба Ифтахы, а вместе с ним и — судьба сыновей Зилпы. Теперь Авиам сам должен все взвесить и избрать того, кого следует назначить судьей в Гилеаде.

Он испугался. Мыслимо ли, чтобы вопросы к Богу породили в нем такие честолюбивые планы!.. Авиам прислушался к себе. Нет, он руководствовался не самолюбием и нескромностью желаний. Свои вопросы он извлекал из глубины неясностей. Он не обманывал ни себя, ни Бога.

Авиам открыл глаза. Неуверенно покосился на большой темноватый камень. Дрожь, охватившая его во время беседы с Богом, прошла. Господа уже не было здесь. Авиам облегченно вздохнул. И послал за Ифтахом, чтобы тот явился в шатер Господа.

VII

Ифтах пришел. Он был среднего роста. Но рядом с хилым священником казался большим, широким, заполняющим собой всю комнату. Он заговорил, и его резкий голос прозвучал почти шутливо:

— Ну, господин первосвященник, разговаривал ли ты со своим Господом?

Авиам не спешил с ответом. Он внимательно посмотрел на молодого человека. От своего отца Гилеада тот унаследовал веселую беззаботную силу и отсутствие всякого интереса к вере. Однако отец в шатре Господа никогда все же не дерзил.

Впрочем, священник не огорчился. Он снова подумал о том, что говорил ему Господь. Если бы Ифтах доказал свою веру, Авиам должен был бы поставить перед ним жёсткие требования; неплохо, если бы он также понял, что Господь — не такой уж удобный Бог. С другой стороны, Господь вряд ли стремился доказать несостоятельность Ифथा. И получалось, что священник должен был обращаться с ним, проявляя осторожность и терпение.

— Я был очень близок с твоим отцом, — начал он. — Ты был его любимцем, да и я знаю тебе цену. Раскрой глаза, Ифтах, и увидишь, что перед тобой друг. Твои притязания неясны, но если ты принадлежишь союзу Господа, я заступлюсь за тебя во имя Бога, и твое право навеки будет высечено на межевых камнях Маханаима.

— Ты говоришь о принадлежности к союзу Господа, — с недоверием в голосе произнес Ифтах. — Разве я не рожден в этом союзе? Разве я — не сын Гилеада?..

Авиам осторожно, обстоятельно ответил:

— Я хорошо знал Левану ещё до твоего рождения. Сохрани меня Господь от того, чтобы хоть чем-то опорочить женщину, которая была любимой женой твоего отца, и твоей матерью. Но не имею права молчать как слугитель Господа. Насколько далеко зашла её связь с Господом, неясно. И эта неясность осталась и после её кончины. Ты говорил вчера, что отец остриг ей волосы, и она, обновившись, вошла в наш союз. Я не возразил, потому что ты защищался от несправедливых обвинений. Но здесь, где кроме нас и Господа никого нет, я должен сказать: это большой вопрос, можно ли было принимать твою мать в наш союз. Твой отец познал её и наслаждался ею ещё до того, как окончилась война. А значит, её следовало изгнать и умертвить во славу Господа. Однако Бог не участвовал в том сражении. Ковчег был далеко, и победу в этой битве можно было назвать победой Гилеада, а не Господа. Так обстояло дело. И если бы речь шла не о твоём благословенном отце, Бог отдал бы более строгий приказ. Кроме того, Бог никогда не допускал твою мать в законную общину. В душе она не освободилась от чуждых нам богов и даже

хотела дать тебе имя одного из них. Мне нелегко было уговорить Гилеада дать тебе имя, которое ты сейчас носишь, которое дарует счастье. Имя Ифтах означает — тот, перед кем Бог открывает ворота. Признаюсь тебе, я подозреваю, что Левана пожертвовала Милькому твои волосы, когда ты родился...

Ифтах пришел в ярость. В его карих глазах запылали маленькие зеленые огоньки. Он вскочил.

— Ты же сам говорил, что не хочешь оскорблять мою мать и стараешься подбирать слова, чтобы ни одно из них не бросало на неё даже тени... Но смысл того, что ты сказал, оскорбителен.

— Не увлекайся страстями своего сердца, — попытался успокоить его Авиам. — Послушай, Ифтах! Хочу называть тебя своим другом и чувствую, что имя тебе я выбрал в час озарения. Тебе предстоит совершить великие дела. Но при условии, если ты станешь истинным членом союза. Ты должен крепче приковать себя к нему, чтобы делить с Господом свою кровь.

На живом лице Ифтаха отразилось подозрение и неудовлетворенность.

— Ты выражаешь свои мысли слишком многословно. Это плохо. Скажи яснее, чего ты от меня хочешь.

Авиам, скорчившись на своей циновке, посмотрел на молодого человека пристальным взглядом. Сознывая свою физическую слабость, он завидовал Ифтаху, восхищался его силой. И наслаждался собственными глубокими познаниями, радовался, что ему предстоит направить этого юношу на трудный путь постижения и величия.

— Ты умен и, если захочешь, отлично поймешь, что я имею в виду, произнес он. — Будет новая война Господа, и Господу нужны хорошие люди. Ты был бы настоящим вождем Его войска. Но прежде чем род Гилеада и его священник смогут доверить тебе такую миссию, они должны убедиться, что даже малейшая частичка твоей души не будет принадлежать чужим богам.

— Скажи, в конце концов, что от меня требуется... настаивал Ифтах.

— Загляни себе в душу! — строго сказал Авиам. — Ты говорил вчера, что фальшивые камни Милькома — жертвенный дар твоему отцу, что ты принес их сюда только для этого. Действительно ли таково было твое намерение с самого начала, когда ты покидал свой

дом? Быть может, жена твоя Ктура дала тебе их, чтобы тебя защитил бог Мильком?.. Верил ли ты в их магию — пусть даже в самом укромном уголке души?..

Авиам с трудом поднялся на ноги, приблизился к Ифтаху и, опираясь на палку, встал перед ним — щуплый, но грозный.

— Подтверди здесь, в шатре Господа, что взял изваяния божков для отца!.. Можешь ли ты вообразить, что Господь захочет принять в число предводителей воинства человека, засовывающего за пояс колдовские вещицы?

Ифтах смутился. Слишком уж глубоко заглянул в его душу священник.

— Сознаюсь, жена моя Ктура любит этих куколок. Не представляю, чтобы Господь воспринял женские игрушки как зло, — вымолвил он.

Теперь рассердился Авиам. Его глаза под густыми сросшимися бровями уставились на собеседника. Он указал на него своим посохом.

— Игрушки!!! — горячился священник. — Да у твоей Ктуры связь с богом, изображенным в камне!..

Воспользовавшись тем, что Ифтах не ответил на его вспышку, Авиам тоном повелителя спросил:

— Хранятся ли в твоём доме другие куклы — изваяния чужих богов?.. Не лги в шатре Господа! Почитают ли в твоём доме чужих богов, Ифтах, сын Гилеада? Неужто ты считаешь, что Господь в войне против бога Милькома благословит человека, в чьём доме живет Мильком?..

— Но войны нет... Война не нужна. Кому нужны распри между нами и сыновьями Аммона?.. — упрямылся Ифтах.

Теперь он выглядел просто-напросто глупо.

Авиам с горьким удовлетворением наблюдал, как выкручивается Ифтах. И, решив проявить ещё большую жесткость, сказал:

— Прекрати твердить, во что сам не веришь! Невозможен одновременный союз и с Господом, и с Милькомом. И ты это знаешь. Господь честолюбив. Он растопчет иноземных богов.

И добавил тихо, но значительно:

— ...А заодно и тех, кто им поклоняется.

Ифтах догадывался, чего хочет от него священник. Теперь он убедился в этом окончательно. Он хотел оставить ему наследство. Но взамен Ифтах должен был выбросить дары своей матери крысам и летучим мышам и выгнать из дома любимую жену. Его охватил гнев. Появилось желание ударить бессовестного священника.

Авиам смотрел, как в Ифтахе нарастает возмущение, разглядывал его широкое крупное лицо, его плоский нос, придающий его облику что-то львиное. Глаза молодого человека сверкали холодным, злым огнем. Нравился ему этот Ифтах. И теперь, когда появилась опасность его потерять, желание выиграть битву с ним стало особенно жгучим. Какая жалость, что понять Бога и Авиама может Шамгар, но не этот!.. Он охотно поставил бы его судьей.

— Не торопись, обдумай свой ответ! — заклинал Авиам юношу. — Подумай, от чего ты освободишься, изгнав чужих богов!

Он указал внутрь шатра.

— Там в ларе лежат дощечки, на которых записаны обязательства союза Господа. Есть указания, что Бог благосклонен к тебе. Не отказывайся, докажи свою преданность на деле! Новая война высокую награду обещает тому, кого Господь назначит военачальником. Он станет во главе не только Гилеада, но всех колен и родов по эту сторону Иордана: Реувена и Гада, Махира и Абизиера... Возможно это будешь ты, Ифтах. Тебе доверят собрать под свои знамена тысячи людей и повести их за собой.

Ифтах, словно губка, впитывал его слова.

А священник тихо, с достоинством продолжал:

— Не отказывайся от собственного величия, Ифтах! Разорви связь с чужим богом! Докажи им, выбросив из дома все, что принадлежит чужим богам знаки, изваяния и тех, кто им поклоняется!..

Как только священник снова с такой прямолинейностью высказал Ифтаху требования, волшебство его речей, нежно, как ветер с запада, обволакивавшее юношу, исчезло. Он снова вскочил.

— Я отказываюсь... — выкрикнул он. Авиам по-отечески, но резко, прервал его.

— Не торопись... Не принимай решений в гневе! Спокойно все взвесь, потом ответишь...

Ифтах взял себя в руки. Священник был прав. Не должен Ифтах уподобляться своему отцу, не должен подчиняться первому порыву. Следовало тщательно все обдумать.

Мрачным взглядом он устремился куда-то вперед. Глаза его сузились. Он размышлял... Авиам поставил его перед выбором. Выгонишь жену — возвысишься над братьями, обретешь величие в Гилеаде и во всем Израиле. Или останешься с женой — и... Да, что уж там...

Хитрый священник не угрожал ему. Этого и не требовалось. Если Авиам не защитит его, старейшины откажут ему в наследстве, а сыновья Зилпы выгонят его из дома и превратят в слугу.

Авиам ему не враг. Он сдержит слово. Но и не отступится от своих требований. Он поставит его перед ещё более жестким выбором: военачальник, но — без Ктуры, а если с Ктурой — слуга.

Ифтах поднял глаза на священника. Тот стоял, опираясь на палку, вяло, наклонившись немного вперед. Его тощее тело скрывали широкие одежды. Губы Ифтах медленно растягивались в улыбке — дерзкой, презрительной. Интересно, на что способен человек с таким жалким телом, как у Авиам, если его поставят перед подобным выбором? Такой, как он, конечно же, должен отказаться. Но я, Ифтах, другой. Бог благословил меня силой, а бык, божок моей матери удвоил ее. Не откажусь ни от дома, ни от жены...

Авиам прочел по лицу Ифтах, что тот ускользнул от него. И ощутил укол одиночества. Хотелось сделать Ифтах молодым другом, сыном.

— Не торопись, Ифтах, — предостерег он юношу. — Выбор слишком труден. Даже мудрому требуется время, чтобы решиться на что-то. Я не позволю, чтобы приговор выносили в ближайшие недели... Возвращайся в Маханаим. Побудь там до полнолуния. Потом дашь ответ...

— Ты терпелив, священник Авиам, — сказал Ифтах с едва заметной усмешкой.

Он повернулся к выходу из шатра Господа, но Авиам удержал его.

— Подойди ближе, Ифтах, сын мой!

Он положил ему на голову легкую костлявую руку и проникновенно, исполненный дружеской заботы, сказал:

— Да сделает тебя Господь подобным Менаше и Эфраиму!..

В тот же день Ифтах оставил Мицпе и поскакал на север, в Маханаим. По дороге он снова и снова обдумывал беседу с Авиамом. Разум подсказывал ему, что он не ошибся в своем первом порыве. И от этого Ифтах испытывал какое-то злобное удовлетворение. Никто и никогда не заставит его прогнать жену Ктуру и дочь Яалу...

Невольно его живое воображение одну за другой рисовало картины: чего он мог достичь в союзе с умным и могущественным священником. Несомненно, тому удалось бы сделать его военачальником. И, разумеется, Ифтах собрал бы под свое знамя всех, кто по эту сторону Иордана способен носить оружие. Отец гордился, что однажды собрал войско в восемь тысяч человек. Он, Ифтах, рискнул бы выставить пятнадцатитысячную армию. И вот явятся пред ними сыны Аммона, а с ними и сыны Моава. Бесчисленной будет их орда. Кони, железные повозки... Позади — крепость Рабат-Аммон. Израильтяне будут плохо вооружены. Но он верил в свой военный гений, в свою находчивость. Он разделит стан врагов на части, разобьет и уничтожит врагов.

Глупые мечты! Священник никогда не заключит с ним союза. Не станет торговаться и никогда не сделает его военачальником, если он не выгонит свою жену.

Собственно говоря, это очень странно. Он, Ифтах, не хуже своего отца. Тот все время упрекал мать в том, что она почитает своего бога Милькома, смеялся, грозил ей пальцем, дразнил... И все равно священник предоставил ему свободу действий. А от него, Ифтаха, он требовал, чтобы тот прогнал свою жену.

Ифтаха охватил гнев. Они просчитаются — и священник, и сыновья Зилпы.

Так, наполненный сменяющимися друг друга чувствами, ехал Ифтах на север. Если дорога была ровной, он скакал на своей ослице, если поднималась вверх, шел пешком. По лицу Ифтаха можно было прочитать все его мысли. Оно то становилось страстным, выражая уверенность, то — полным горечи или лукавства. Время от времени он разговаривал сам с собой вслух. Порой громко смеялся — то

злобно, то радостно. А его светлокожая ослица словно соглашаясь с ним и кричала.

Порой он размышлял о том, как все должно быть. Он точно знал — что-то произойдет. Но, что надо делать, не представлял.

Так двигался он по долинам и холмам, пересек вьющуюся в ущелье зеленовато-голубую реку Ябок и достиг северного Гилеада, где вместе жили потомки этого рода и сыны Гада и Менаше.

А вот и Бамат-Эла на холме Терebinты. Отсюда, с высоты, виднелись окрестности Маханаима. Справа — принадлежащие ему загоны для скота и пашни. И если бы он даже не узнал, что там так ослепительно сверкает белизной, то все равно догадался бы — это Маханаим, его дом.

Ифтах отдохнул под деревом на холме. Он любил это место и часто бывал здесь. Дерево было старым и невысоким, но мощным, ветвистым. Настоящее Эц Ранан — одно из множества зеленых деревьев, которые боги выбирали своим пристанищем. И это тоже было священным. В его ветвях жил божок этой местности, способный наградить край плодородием или опустошить его. Под деревом стояла каменная плыба, на которой приносили богу жертвы и оставляли дары. Говорили, что теперь дерево освящено Господом. Однако ретивые приверженцы Господа требовали, чтобы Ифтах срубил его, потому что это подозрительное дерево принадлежало чужому божку. Но Ифтах противился многим его людям оно было дорого и, прежде всего, — Ктуре. Ифтах ухмыльнулся. Если он послушается Авиама, ему придется уступить и в этом, срубить дерево. Он посмотрел вверх, в гущу кроны, приветствуя божка, обитавшего там.

Ифтах поскакал с холма вниз. За час до города начинались земли, подаренные Гилеадам ему и его матери. Узкие и высокие, в форме человеческих рук и ног, возвышались межевые камни, посвященные богу Маханаима, могущественному богу плодородия. На этих старых камнях вырезались имена многих людей, которым принадлежали эти пашни. Имена прежних владельцев стирали и наносили новые. Теперь они носили имя Ифтах. Он провел пальцем по знакам — треугольникам и клиньям. Переплетенные между собой, они свидетельствовали, что эти пашни — его имение. И вот теперь, когда наступит второе новолуние, его символы уничтожат, а на их месте будут начертаны знаки владения сыновей Зилпы.

Ифтах чуть было не задохнулся от негодования. Он покажет им, чего, в конце концов, стоит воля отца. Ведь покойный Гилеад подарил эти уголья ему и никому другому.

IX

Дорога к Маханаиму полого поднималась вверх. Ифтах мог ехать верхом, но спешил. Так будет быстрее. ещё недавно он не торопился домой. Сейчас будто кто-то подгонял его.

Кто это неожиданно вышел навстречу? Счастливый знак... Освященные лучами заходящего солнца быстро шагали по дороге Ктура и ребенок. Они тоже увидели его, побежали, бросились на шею. Он расцеловал их обеих. Он ощущал потребность в этих поцелуях, хотя они и считались неуместными при посторонних. Он нежно целовал ребенка, свою девочку, свою дочку Яалу. Она смотрела на него влюбленными глазами, наполненными уважением и счастьем. Девочка погладила его по щеке, там, где начинала отрастать сбритая борода. Потерлась щекой о щетину и беззвучно рассмеялась — щетина щекотала кожу. Ифтах хотел посадить на ослицу жену или дочь. Завязался спор. Они уступали место друг другу. Ифтах решил, наконец, посадить на ослицу жену Ктуру. В одной руке он держал поводок ослицы, в другой сжимал маленькую руку дочери. Когда дорога становилась слишком узкой, Яала бежала впереди.

Ктуре явно не терпелось узнать, что произошло в Мицпе. Но она сдерживалась, расспрашивала его о здоровье, рассказывала о незначительных происшествиях в доме и в городе. Он незаметно наблюдал за ней. Стройная, смуглая, любимая женщина грациозно, выпрямив спину, сидела на ослице. И эту женщину он должен прогнать! Неужто Господь не явит ей свою милость?! Внезапно, не объясняя причин, он громко и радостно расхохотался.

Вот они уже в городе, дома. Сестра Кассия и её муж Пар радостно приветствовали его. Женщины помыли Ифтаху ноги. Наступил вечер. Слуги вернулись с работ, поздоровались с хозяином с почтением, не демонстрируя особую покорность. Некоторые — шутливо. Бывало, Гилеад охотно шутил. Левана обладала веселым

нравом. Дом в Маханаиме всегда был наполнен смехом и веселой болтовней.

Сели за трапезу. Сначала ели мужчины. Они расселись на скамьях, склонившись над низким столом. Женщины подавали кушанья. Мужчины оживленно беседовали. Их распирало любопытство, но они не были столь дерзки, чтобы расспрашивать Ифтаху.

И все же... Был среди них старый Тола, нетвердо стоящий на ногах, белый как лунь человек. По происхождению он был из Вавилона, большой северной страны. Когда-то он стал добычей Гилеада. Гилеад давно уже его освободил, и Ифтах, несмотря на то, что Тола был стар и немощен, держал его в доме как главного слугу.

Итак, старый Тола издавал какие-то звуки, показывая жестами, что хочет говорить. Наконец, он открыл рот и спросил Ифтаху без обиняков:

— Ну, как твой брат Елек, эта жадная лиса? Улыбался тебе?.. Недаром у нас ходит поговорка: если Елек целует тебя, пересчитывай зубы.

Ифтах ничего не ответил, но Тола не отставал:

— Надеюсь, ты как следует дал им там, в Мицпе, господин Ифтах! Ты молод, но молодая крапива жжет сильнее.

Старик любил поговорки и часто употреблял давно и всеми забытые.

Когда мужчины поели, за трапезой собрались женщины. Мужчины же вышли из дома и, наслаждаясь ночной прохладой, расселись вокруг фонтана, ведя неспешный мужской разговор. Но и теперь Ифтах никому не рассказал, что было в Мицпе.

Только на следующий день, оставшись наедине с Ктурой, он поведал ей обо всем. Они шли по полю. Он держал её за руку, потом обнял за плечи. Ему хотелось как можно точнее передать все, что произошло, и он старательно и напряженно подыскивал каждое слово. Одновременно он всем своим существом ощущал близость жены, любовался её нежной смуглой кожей, её решительной и изящной походкой. Когда он закончил говорить, она высвободилась из его объятий, встала напротив, посмотрела ему прямо в лицо. Её большой рот растянулся в улыбке. Игриво, словно все это было шуткой, она спросила:

— Ну, что ты будешь делать? Прогонишь меня?..

Она стояла напротив — невысокая, стройная, неизъяснимо прелестная. Он любил ее. Любил все в ней, особенно — её серые глаза.

— Прогнать тебя?! Лишить себя источника силы! — ответил он и засмеялся. Такое могло прийти в голову только этому священнику.

Они пошли дальше. Тропинка сузилась, он пропустил её вперед. Её уверенная легкая походка вселяла в его душу радость. Она обернулась и заметила своим глубоким мелодичным голосом, поддразнивая его:

— Он, должно быть, очень ценит тебя. Иначе не обещал бы так много. Судья в Израиле. Такого не было с времен судьи Гидеона. Ты был бы пятым судьей такого ранга.

— Это не совсем так, — подхватывая её полушутливый тон, проговорил Ифтах. — Ты забыла про моего отца. Многие, правда, оспаривают его титул. А когда судьей была Дебора, этот титул вместе с ней носил Барак. Сюда же следует причислить и Яира. Хотя, конечно же, великим судьей он так и не стал... Вот видишь, я был бы восьмым.

Дорога опять расширилась. Они пошли рядом, тесно прижимаясь друг к другу.

— Жаль амулетов твоей матери, — сказала Ктура. — Но пусть они будут у Гилеада, в его пещере... Не думаю, что Господь сердится на тебя за то, что ты взял их с собой. Да и за мои, которые ты терпишь в своем доме. Бог никогда не выказывал своего гнева. Ведь в Маханаиме все благополучно: пшеница растет, масло выжимается, стада приумножаются, бесчисленные гости приезжают на стрижку овец. Все нами довольны, все дружат с нами. И дочь у тебя хороша. Не трудно будет обручить её с мужчиной из приличного рода и с богатым поместьем.

Тень пробежала по лицу Ифтаха. Ктура не родила ему сына. Однако и дочь он любил не меньше, чем мог бы любить самого лучшего сына. Однако неприятно было думать о том, что в сыне ему отказано. Может, это и есть знак гнева Господа? Может, именно от этого предостерегал его священник?

С тех пор как он увидел Ктуру, Ифтах старался строго и точно исполнять заповеди Господа. Сейчас он вновь явственно ощутил испытанные им тогда боль и радость. Бой только что закончился, его

сердце все ещё трепетало от жажды борьбы, когда они, прекратив преследование врага, повалились возле своих палаток. Мимо бежали женщины и дети, а эта — быстрее всех. Но он поймал ее. Жар в крови заставлял его торопиться, требовал, чтобы он затащил её за ближайший куст, разорвал на ней платье и удовлетворил свое желание. Но тут он увидел её глаза на худом смуглом лице — полные ненависти. Нет, даже не ненависти, чего-то большего. Поймал на себе её дикий взгляд. И желание заглушило новое ощущение. Он хотел победить её ненависть. Ему не нужен был её позор. Он хотел сломить её ненависть, хотел познать ее, обладать ею вместе с её чужими для него богами. Он весь горел, но внезапно в нем зародилось что-то холодное, отрезвляющее.

— Если я возьму ее, — подумал он, — её принесут в кровавую жертву Господу, и Бог убьет её вместе с другими пленными.

Решение созрело мгновенно. Он вернет её в лагерь такой, какая она есть, девушкой. Тогда она будет принадлежать ему по обычаю и праву рода и Господа. Вот тогда он и возьмет ее... Так и случилось. Он взял ее. С ней было очень хорошо, и Господа он не обидел. Но почему же ему отказано в сыне? Быть может, все же сердится на него непонятный Бог?

Догадавшись, о чем он думает, Ктура напала на него с напускной серьезностью.

— Если ты думаешь об этом, значит, священник тебе очень многое обещал, и твое сердце жаждет этого, — сказала она. — Может, тебе все же следует выгнать нас: меня и Яалу?

— Не шути так, Ктура, — попросил Ифтах.

— Но что ты собираешься делать? Что будет, если ты оставишь меня? — продолжала она.

— Об этом я и хочу тебе сказать... Его черты обрели жесткость.

— С наступлением второго полнолуния они придут от имени Господа и старейшин, чтобы выгнать нас из нашего дома. Они высекут на межевых камнях имена сыновей Зилпы. И если они проявят великодушие, то доверят мне одно или два стада. И стану я судьей над отарой из трехсот овец. Елек будет платить мне жалование — по три шекеля в год. А если у него будет хорошее настроение, то и тебе — шекель.

— Не могу представить тебя в услужении у Елека, — задумчиво и почти весело сказала Ктура.

И, по-детски гордясь собственным знанием людей, добавила:

— Знаю, что ты будешь делать...

— И что же, умница моя? — заинтересовался Ифтах. — Скажи мне, Ктура.

Ктура, медленно вышагивая перед ним, заговорила снова, и её речь точно попадала в ритм шагов:

— Прекрасны белые дома Маханаима. Приятно с крыши нашего дома или со сторожевой вышки смотреть на наши земли. До чего же красивы колыхающиеся от ветра хлеба, дрожащая листва олив!.. Но чёрно-коричневые палатки кочующих пастухов тоже прекрасны. Прекрасны радость и страх перед неизвестностью завтрашнего дня, надежда, что в оазисе найдешь воду и пальмы. Прекрасен даже ужас, который возникает, когда до самого горизонта простираются лишь сухие пески. Прекрасны безграничные степи. А бездонное, голубое небо над головой...

Внезапно она остановилась, невидящими, дикими глазами посмотрела прямо перед собой, воздела руки и испустила громкий крик.

Не отрываясь, Ифтах смотрел на нее. Это из его груди исходил её крик...

Будущее в неясных очертаниях порой мерещилось ему. Внутренним взором он видел, как едет в Южный Гилеад, собирает друзей, чтобы восстать против несправедливости, которая грозила его семье. Но все это были туманные планы. Теперь вдруг в голове его прояснилось. Существует только один выход: он уедет с женой и ребенком в пустыню и будет ждать удобного случая.

Священник предоставил ему выбор: власть или рабство. Но при этом даже не предполагал, что Ифтах найдет третье решение — выберет пустыню.

Всю жизнь Ифтах провел за крепкими стенами. Но часто тосковал в их тесноте. Ему не хотелось больше каждый день наткаться на межевой камень соседа и ограничивать себя законом и запретами. Он жаждал делать то, что представлялось ему справедливым. Он радовался будущей жизни на просторе, в безграничных степях.

Авиам желал разлучить с ним Ктуру, мечтал держать его в рамках своих дощечек, на которых нацарапаны заповеди союза Господа. Ктура не произносила высоких слов, как это делал священник. Она говорила о доме, о пашне, скитаниях, воде и степи. Но Ифтаху казалось, что он стоит перед ясновидящей, указывающей ему правильный путь.

X

Ифтах прекрасно чувствовал опасности, навстречу которым он шел. Когда он говорил о жизни в пустыне, Ктура вспоминала о скитаниях её рода. Каждый, кто шел вместе с родом, имел надежную защиту. Принадлежавшие роду составляли единое целое. Если кто-то страдал от несправедливости, это касалось всех. Они устраивали общие праздники, вместе отвечали ударом на удар. Одна мысль об этом пугала захватчиков. Тем не менее, он, Ифтах, не мог присоединиться к кочующему роду аммонияк, ибо не мог лишиться собственного Бога. Ему с Ктурой и ребенком предстояло жить в пустыне одиноко. Их некому будет защитить. Никто не встанет рядом, чтобы помочь им или отомстить за них. Мало того. Для них закрыта Мидбар — степь, луга и пастбища, где обычно кочевали эти племена. Им оставалась только Тогу глушь и пустыня.

Как правило, там селились опальные и беглые. Находились и такие, кто скитался по пустыне добровольно. Оседлые смеялись над кочевниками. Давали им клички — «горячие», «скачущие», «саранча». Однако время от времени возникал слух, что кто-то, устав от запретов и заповедей, отправился в Тогу.

Таких людей называли анашим реким, мародерами, пропащими людьми. Их презирали, и они боялись всех. И вот теперь Ифтаху предстояло стать одним из них.

Его фантазия тотчас же набросала план новой жизни. Он умел притягивать к себе людей, его охотно слушали. Может, ему удастся объединить этих «пропащих»... Толпа, которую возглавит находчивый человек, имеет гораздо лучшие перспективы, нежели одиночка. Ифтах злобно улыбнулся. Разве священник не хотел сделать из него вождя?

Он сформирует из людей пустыни военный отряд, положит начало новому клану, новому роду...

Между Ифтахом и его сестрой было взаимопонимание. Он часто доверительно говорил с ней, спрашивал её совета. С её мужем, Паром, он тоже дружил с юных лет. Пар происходил из знатнейшего клана Гилеада и продемонстрировал свои способности, как в военных, так и в мирных делах. Добрый, со спокойным характером, он был на два года старше Ифтаха. Он никогда не смеялся над затеями брата жены. Наоборот, быстрый, всегда окрыленный смелыми, вдохновенными идеями Ифтах с детских лет привлекал уравновешенного Пару. Без тени зависти он признавал превосходство младшего по годам и был ему надежным другом.

Им, Пару и сестре Кассии, Ифтах первым объявил о своем решении ещё до наступления холодов покинуть Маханаим и страну Гилеад.

Крепкий, приземистый Пар обхватил руками свою круглую голову. Ему требовалось время, чтобы осмыслить услышанное. Кассия осторожно спросила:

— И куда ты хочешь уйти, Ифтах? К шатрам аммонитов, к роду Ктуры?

Он с нескрываемым удивлением посмотрел на сестру. А Пар, будто бы здесь не было Ифтаха, упрекнул жену:

— О чем ты, Кассия? Чтобы он приносил жертвы Милькому?!

Кассия, подняв голову с таким же, как у брата, широким лбом, попыталась оправдываться:

— Нужно же спросить... В конце концов, род Гилеада поступил с ним несправедливо.

Они сидели на каменном обрамлении фонтана и обдумывали ситуацию. Ифтах ждал, что скажет Пар. Тот задумчиво и в то же время решительно размышлял вслух, обращаясь к жене:

— Ифтах не сможет стать слугой сыновей Зилпы. В самом деле, ему остается лишь один выход: уйти в пустыню к пропащим людям.

Лицо Ифтаха просияло. Уравновешенный, рассудительный Пар пришел к такому же мнению, как и он сам. Это укрепляло его решение.

Тем временем Пар продолжал размышлять.

— Послушай, Кассия, — медленно проговаривал он свои мысли вслух. Если начнется война с Аммоном, они и от меня потребуют, чтобы я тебя выгнал. Ведь и у тебя мать — аммонитка...

Он посмотрел своими карими глазами прямо ей в лицо, угадал, что она думает о том же самом. Они рассмеялись, и Пар обратился к Ифтаху:

— Знаешь что, Ифтах. Мы идем вместе.

Пар был законным сыном большого рода, Кассия дочерью судьи Гилеада и соблюдала заповеди Господа. В Мицпе им ничто не угрожало. Но если при все этом Пар предложил отправиться в пустыню вместе, это делалось явно из дружеских чувств.

Ифтах растрогался. Он обнял Кассию и Пару и с теплом в голосе произнес:

— Вы действительно хотите идти вместе со мной? А что будет с детьми?..

На этот раз ответила Кассия:

— Мы, разумеется, возьмем их с собой. Ты ведь тоже не оставишь Яалу...

— Нас будет в пустыне двое мужчин, две женщины и четверо детей, рассуждал Пар.

Он вопросительно взглянул на Ифтаха. Тот, обрадовавшись, что мысли друга совпадают с его собственными, проговорил:

— Ты прав. Это слишком мало, но в каком-то смысле и достаточно много.

В его глазах блеснул лукавый огонек.

— Мы, конечно, не будем кричать о том, что уходим в пустыню, продолжил он. — Но и скрывать тоже не будем.

— Вот именно, — поддержал его Пар. — В городе и в поле есть ещё кое-кто, кому не понравится быть слугами сыновей Зилпы.

— Многие предпочтут уйти с Ифтахом в пустыню, не захотят оставаться у теплого очага в Маханаиме под властью Зилпы, — весело предсказала Кассия.

Они собирались обстоятельно подготовиться к отъезду, и на виду у всех. Все получилось так, как они планировали. Скитания отцов все ещё сидели у гилеадчан в крови. Известие о том, что даже любимый сын покойного судьи отправляется в пустыню, взбудоражило людей. Многие пришли, чтобы присоединиться к Ифтаху.

Главы семейств, бородачи, задумались. Они пожаловали к Ифтаху и сказали:

— Мы беспокоимся, что ты хочешь оставить нас. Укроти свое гордое сердце и не покидай нас, дорогой Ифтах, сын Гилеада. Потерпи, дай нам немного времени, и будешь сидеть у ворот и вершить суд в Маханаиме.

— Не по своей воле я оставляю вас. Меня выгоняют сыновья Зилпы. Если кто и добьется, что я буду вершить суд в Маханаиме, возлюбленные мои отцы и друзья, так это только я сам.

Он долго испытывал тех, кто намеревался вместе с ним отправиться в пустыню. Никого не уговаривал. Наоборот, предостерегал. Объяснял, как тяжела и опасна жизнь в пустынных краях. А в результате брал лишь тех, кого считал здоровыми и надежными, тех, кто был ему симпатичен.

Старый Тола, верный слуга, настаивал, чтобы и его тоже взяли с собой.

— Ты не выдержишь, отец мой, — предостерегал его Ифтах. — Останься и грей свое тело у огня. Я заставлю старейшин в Маханаиме поклясться, что тебе никто не сделает ничего дурного.

— Нехорошо, сын мой и господин, — досадовал обиженный и несчастный Тола. — Ты не уважаешь старость. Знаю, я нетвердо стою на ногах, но моя третья нога — мой жизненный опыт.

Ифтах не мог позволить, чтобы сыновья Зилпы выместили гнев на старике, и, в конце концов, обещал взять его с собой.

Теперь предстояло выбрать направление. Быть может, лучше пойти на север, где много труднодоступных гор? А, может на запад, где раскинулась такая сухая пустыня, что ею пренебрегали кочевые племена?..

Когда Ифтаху было десять лет, некий Рейбен — молодой, веселый человек, всеобщий любимец — убил в ссоре кого-то. Убитый был противным парнем, первым затеял конфликт и долго, упорно пытался разозлить Рейбена...

По законам рода, мишпат требовал выдачи Рейбена клану убитого, чтобы умертвить его, забросать камнями. И даже судья Гилеад не мог ничего изменить.

Ночью Рейбен бежал. Как выяснилось позже, в страну Тоб. Гилеад считал, что он выбрал хорошее убежище. В стране Тоб он был

в безопасности. С тех пор мечты о свободе и независимости Ифтах связывал со страной Тоб.

Однако прежде чем принять окончательное решение, он посоветовался с Паром и другими мужчинами. Страна Тоб располагалась в краях, где земли рода Менаше имели неясную границу с королевствами Башан и Зоба. Это была дикая страна. Из-за жестоких зим она пользовалась дурной славой. Ни один князь рода не претендовал на нее, никто не хотел быть в ней судьей. В стране Тоб царила свобода. Для Ифтах и его единомышленников это был желанный мир.

И вот они договорились, что выбирают именно эту суровую страну. Те, кто оставался в Маханаиме, забеспокоились — их близких ожидает немало неведомого и плохого. Те, кто добровольно принял решение следовать за Ифтахом, почувствовали неприятное жжение в груди. Они стремились к новому, и только теперь увидели — как хороша страна Гилеад.

Почти все поднялись в Бамат-Эла, к горе Терebinты, к богу, который жил в ней, властелину округи, чтобы отдать ему последний долг. Они чувствовали себя виноватыми перед богом, который нашел себе пристанище в изъеденном червями дереве. Чувствовали себя дезертирами и молили, чтобы он простил их. Одновременно, обращаясь к божку на горе, они знали, что грешат перед Господом, от помощи которого теперь будет зависеть гораздо большее, нежели раньше. И они принесли ему жертвы.

Ифтах ощущал то же, что и его люди. Но как бы ни было ясно, что все начинается снова, старая жизнь для него не кончилась. Гнев против мачехи и братьев будет жечь его грудь даже в пустыне. Придет день, когда он заставит их до дна осушить сосуд горького смирения. У него ещё есть дела в Гилеаде. Он вернется. Он не порвет связь между ним и людьми Маханаима. Они не сделали ему ничего плохого — уважали его, были дружны с ним, и должны впредь оставаться его друзьями.

Он организовал празднество, трапезу, в которой должен был принять участие Господь — Бог Союза и Братства. В Его честь зарезали годовалого теленка и расчленили его на куски. Главы семей и предводители семерок, на которые Ифтах разделил свой отряд,

прошли между кусками и поклялись: пусть их самих изрежут на куски, как зверей, если они нарушат верность друг другу.

Праздник удался на славу. Едва ли в окрестностях Маханаима устраивали когда-нибудь праздник, свадьбу, поминки, стрижку овец, на которых ели бы и пили так, как на этом великом празднике союза и прощания с «бродягами». Четыре мешка лучшей муки — четыре обычных нормы — использовали для выпечки пирожных. Кроме годовалого теленка, зарезали откормленного быка и несчетное количество баранов и овец. Каждый из отъезжающих с Ифтахом получил кусок филейного мяса и жирный кусок баранины, а также два кувшина вина.

На следующий день после этой трапезы, на рассвете, Ифтах покинул город Маханаим. По настоянию старого Толы на городских воротах вырезали надпись и покрасили её красной краской. Мало кто мог её прочитать, но все знали её значение: «Благословен будь твой отъезд, благословенно и возвращение».

Таким трогательным пожеланием провожал его Маханаим, и Ифтах отправился в пустыню. Он и Ктура скакали на светлокожих ослицах. Его борода выступала вперед, волосы Ктуры развевались на легком ветру. Яала сидела на более старом, хорошо дрессированном скакуне.

Семерки были хорошо вооружены. Процессию заключало два стада, двенадцать до предела навьюченных ослов везли добро отъезжающих. Нет, это было действительно не бегство человека, выброшенного со своего места, это был отъезд вождя, которому предстояло выполнить важную миссию.

Глава вторая

I

Страна Тоб со своими густыми дубовыми лесами, горными вершинами, ущельями и бурными потоками, вселила в души Ифтах и членов его отряда уверенность. Конечно, это была суровая страна. Зимой она вообще становилась ужасной. Умерли три женщины и двое мужчин. Люди Ифтах потеряли большую часть скота.

Некоторые из отряда Ифтах тайком бежали в страны с мягким климатом. Но большинство с каким-то ожесточением, без жалоб, переносило мороз, голод, лишения. Женщины и дети оправдали его надежды. Они смело карабкались по скользким от дождя камням, продирались через мокрый, частый кустарник. Они не боялись диких зверей и пустыни. Однажды, когда Ктура отправилась на поиски потерявшегося ягненка, на неё напал волк. После этого две недели она страдала от страшной боли. Знающая толк в медицине Кассия ухаживала за ней, смазывала царапины бальзамом из Гилеада, соком сильных трав, смешанным с маслом, перевязывала раны. Все же на плечах и бедрах остались глубокие шрамы. Ктура сохранила кровь, которую она пролила для жертвы. Позже, осматривая шрамы, она испытывала чувство гордости и считала, что боги надежно защищают ее.

Пришла весна, и проявилась вся прелесть этой страны. Взбивая белую пену, голубые воды журчали и струились вниз по склонам, сильные ветры приносили живительные запахи, на севере блестела заснеженная вершина Хермона. Каждая новая высота открывала прекрасный вид через извилистую реку Ярмук — на пересеченную местность далекой страны Башан. Мужчины бродили вокруг, полные радостного беспокойства. Женщины, выпрямившись, легко шагали под тяжелым грузом, который они носили на голове.

Жестокая зима сплотила людей. Ифтах сидел с ними у огня, равный среди равных, смеялся и шутил, и в каждом принимал горячее участие.

С Паром его связывала тесная дружба. Ему придавало силы, что умный, веселый человек безоговорочно признал его превосходство. Он ценил также непоколебимое, немногословное, свободное от манер священника благочестие Пары. Хорошо, что рядом был такой человек, это дарило надежду на благословение Господа.

Людям на чужбине, как никому другому, требовалось благословение Господа. Жестокая нужда, по-прежнему, и в теплое время года, преследовала их. Жизнь стала ещё суровее, когда подошли к концу взятые с собой запасы. «Анашим реким», мародеры — ими стали теперь Ифтах и его люди — жили с налога, которым они облагали поселения и отдельных крестьян за защиту от опасностей и нападений. Но здесь располагались бедные палаточные деревни со скудными пастбищами, и даже во время стрижки овец, с трудом можно было взыскать налог в размере двух или трех ягнят. Несмотря на это отряд Ифтаха увеличивался. Люди приходили даже с другого берега Ярмука. Там царили путаница и неразбериха. Когда в свое время сюда вторглись израильтяне, они захватили весь север вплоть до Дамешека. Однако прежние жители, эмориты, вновь вернули себе большую часть земель и восстановили свои древние королевства — Башан и Зоба. Города страны часто меняли властелинов — то господствовали в них израильтяне, то король Башана. И каждая перемена принуждала жителей к бегству. Сильные и деятельные искали гостеприимства у Ифтаха. Тот был приветлив, но строго испытывал их. Некоторым говорил:

— Жизнь здесь слишком сурова для тебя, брат мой, нередко тебе придется испытывать голод, холод и жару. Скитания трудны, а мое ухо не переносит жалоб. Ищи себе крышу, очаг и матрац в нормальных условиях, в пропащие ты не годишься.

Эмориты, приходившие к Ифтаху, были большей частью парнями мощного телосложения. Когда Ифтах впервые увидел их, он понял, почему израильтяне, жители Башана, называли их рефаим, великанами, и ему льстило, что такие воинственные парни хотели присоединиться к его лагерю. Но была в этом и одна неприятность. Отряд нужно было сплотить верой в Господа, а эти люди принадлежали богу Башана — крылатому быку, и его жене Ашторет. Пусть бы они сохранили своих старых богов, важно, чтобы они признали верховным богом Господом. Некоторые отказывались. Однако большинство было готово вступить в

союз с божеством, которого представлял столь сильный военачальник. В качестве задатка они жертвовали Господу ягненка, выпивали кувшин вина, смешанного с его кровью, и становились воинами Господа и Ифтах.

Несмотря на дух товарищества, в воинстве Ифтах соблюдалась строгая дисциплина. Того, кто пренебрегал его приказами, изгоняли из отряда и страны Тоб. Случалось, что Ифтах раздражался страшным гневом — это он унаследовал от своего отца, и со всем, что он говорил в гневе — неважно, насколько это было справедливо — приходилось считаться. Однажды, когда его зять Пар сделал ему замечание, Ифтах с мрачным видом объяснил, что отряд должен воспринимать вождя таким, какой он есть.

— Разве мы, — сказал он, пытаясь перевести свою злость в шутку, — я, ты, вся страна Израиль, не должны воспринимать Господа таким, какой он есть — и милостивым и страшным в гневе?

Пара поразила эта кощунственная речь. Когда весна вступила в полную силу, Ифтах с удовольствием бродил один, предоставляя свободу своим мыслям. Он часто вспоминал тот разговор в шатре Господа со священником Авиамом. Авиам не был его врагом, но не был и другом. Он причинил ему зло, и Ифтах ему отомстит.

И, несмотря на это, слова священника засели в голове Ифтах и продолжали сверлить его мозг.

Его соблазняла идея объединить весь Израиль к востоку от Иордана. Однако как это себе представлял Авиам? Даже в свои лучшие годы отец Гилеад смог мобилизовать только воинов собственного рода. Способен ли один человек мобилизовать людей из всех родов и кланов Востока? Такой вожак и судья должен делом доказать, что он сумеет привлечь на свою сторону даже строптивцев. Если он это сделает, тогда он соберет войско в пятнадцать, может быть, двадцать тысяч, и сила этих тысяч постоянно будет расти. Они будут принадлежать ему как его рука или нога, станут частью его, и его сила умножится в тысячу раз.

Он продолжал мечтать. Представлял, как объезжает князей. Он разговаривал с ними по-дружески, но не без угрозы, посылал войска, чтобы привести их в свой дом. Он закрывал глаза и видел своих воинов, собирающихся в поле около Мицпе. Видел тысячи палаток, гигантский палаточный город и вооруженных людей. Он вел их, они

принадлежали ему. Усилием воли он отогнал от себя эти сомнительные видения.

В эту весну он объехал всю страну Тоб. Каждая высота манила его. И вот он стоял на голой вершине под открытым небом — его мощный, широкий силуэт резко выделялся при ярком свете. И впитывал взглядом открывавшиеся перед ним дали. В шутку они называли страну Тоб хорошей, ибо на самом деле она была плохой, пустынной. И всё-таки это была хорошая страна — доброму человеку нашлось бы, где развернуться... Он затряс головой, своей короткой бородой, кивая в пустоту. И, обнажив между ярких губ сверкающие белизной зубы, лукаво улыбнулся далекой заснеженной вершине Хермон...

II

Под предводительство Ифтахы попал некий Нузу, необычайно высокий, сильный, но бедный духом, парень. Ифтахы привлекало его наивное прямодушие, беззлобная ворчливость; а, кроме того, он всегда радовался каждому лишнему бойцу. Нузу говорил мало — его язык, угарит, хотя и походил на еврейский, не всегда был понятен. Окружающие поначалу пытались растормошить его вялый ум, но не вышло. Он охотно выполнял все поручения, и, в конце концов, его оставили в покое.

Однажды возникла ссора между людьми Ифтахы и пастухами палаточной деревни Суккот-Калев. Поспорили о жалком куске пастбища, и пастухи, без сомнения, были правы. Однако люди Ифтахы не отступали. Вдруг раздался страшный крик неуклюжего Нузу.

— Хеда, хеда! — вскричал он, призывая своего бога войны, и нанес одному из пастухов сильный удар кулаком по черепу.

Остальные тоже закричали «Хеда!» и напали на остальных пастухов. Люди Ифтахы с Нузу во главе стали преследовать убегающих, захватили деревню Суккот-Калев, насладились её женщинами и разграбили палатки, в которых, впрочем, и грабить-то было нечего. Все произошло мгновенно, а когда закончилось, мужчины и сами не знали, зачем они это сделали. Что же случилось из-за глупого Нузу и почему они последовали за ним? Они боялись

гнева своего военачальника. Однако Ифтах не ругал их. Он понимал, что растущему отряду все труднее становилось заботиться в глуши о мясе, муке, палатках, постелях, платье. Люди нервничали, и если он брал себя в руки и спокойно ждал своего часа, то, по его мнению, подобная вспышка заставит утомиться и остальных.

Однако с этого дня Нузу стал вести себя непристойно. Его откровенно разочаровывала спокойная жизнь в лагере Ифтаха, и даже то, что военачальник не ругался за нападение, разгорячило его нетерпение. Однажды вечером, когда все собрались вокруг огня, не имея на ужин ничего кроме пресных лепешек, он злобно спросил, долго ли они будут подчиняться такому слабому начальнику. Кто-то из людей Ифтаха пошутил:

— Ты находишь, что длинный Нузу был бы лучшим начальником?

Нузу кивнул громадной головой и спокойно ответил:

— Я не говорю «нет».

Но едва он закончил, на него набросился Пар — маленький, приземистый. Он не побоялся великана, сорвиголову, и прыгнул на него, вцепился ногтями в горло, причём так неожиданно, что соперник, не сумев защититься, бездыханный остался неподвижно лежать на земле.

Нашли Ифтаха, рассказали о случившемся. Он посмотрел на громадного, как дерево, лежавшего без чувств парня, и громко засмеялся. Затем, в явно хорошем настроении, приказал позвать сведущую в знахарстве Кассию. Она должна была привести Нузу в порядок, но после того, как тот очнется, ему придется немедленно покинуть страну.

— Дайте ему несколько лепешек и фиников, — добродушно добавил Ифтах.

Мужчины удивлялись его радостному настроению. А дело было в том, что к нему пришло вдохновение, которого он так долго ждал. Когда он увидел лежавшего на земле Нузу, этот громадный кусок безжизненного мяса, он сказал себе: если честному зятю Пару удалось свалить такого сорвиголову, повезет и ему, Ифтаху, если он нападет на людей Башана. Он вспомнил знаменитое дело израильтян, о котором часто рассказывал ему отец: о великом военном походе, когда они захватили земли к востоку от Иордана, победили Ога, царя Башана,

величайшего из великанов, вместе со всем его войском, да так, что от царя Ога остались только песни об его поражении и его громадная кровать из черного камня, которую показывали в Рабат-Аммоне. Обо всем этом думал Ифтах, и из вдохновения родился план, а затем созрело и окончательное решение.

Он послал троих своих людей на север через реку Ярмук в страну Башан, в небольшой, но богатый город Афек. Одеты они были неприметно, выдавали себя за пастухов. Они купили себе самое необходимое, а затем пошли, якобы, к распутницам, чтобы хорошо провести ночь. Тем временем, Ифтах вместе со сто двадцатью бойцами перешел Ярмук. Вскоре после полуночи посланные вперед люди открыли ему ворота, и утром он с вооруженным отрядом стоял на рыночной площади города Афека. Перед ним, ошеломленные и беспомощные, старейшины. В основном население города составляли израильтяне — из клана Яир рода Менаше, но немало было и потомков эморитов, приверженцев могущественного Баала, крылатого бога-быка. Ифтах сказал старейшинам:

— Мне сообщили, что вы под угрозой. Царь Абир из Башана, который забрал у нас землю Аргоба, угрожает вашему доброму городу. Поэтому я здесь. Хочу защитить вас. Я привел сюда свой отряд, чтобы вы видели, что я способен сделать это. Мой отряд всегда будет здесь, если вам понадобится. Но, думаю, это будет стоить вам хороших денег.

С каким удовольствием старейшины выгнали бы их из города! Но они слышали о нападении на палаточную деревню Суккот-Калев, да и этот Ифтах, как видно, не привык церемониться.

Они переговорили между собой, сердца их наполнились страхом. Может быть, удастся послать гонцов в ближайшие, дружественные города и просить их о помощи, чтобы выгнать разбойников. Прежде всего, надо выиграть время. Они сказали Ифтаху:

— Пережди ночь, брат Ифтах, сын Гилеада. Мы ответим тебе завтра.

Однако Ифтах дружелюбно сказал:

— Ни в коем случае, бородачи. Я не хочу быть для вас обузой даже на одну ночь.

Они вздохнули с облегчением и поинтересовались:

— Сколько тебе нужно денег, Ифтах, брат наш?

— Шесть тысяч шекелей серебром в год, — назвал цифру Ифтах, — а договор следует заключить на два года.

Старейшины побледнели под своими темными бородами:

— Не слишком ли велика сумма для маленького города?

— Не будьте так скромны, братья мои, — вежливо заметил Ифтах. — Вы славитесь ремеслами и богатством. Сюда, к вашей воде, приходит много караванов, и платят вам дань. Такой город нужно защищать силой и осторожностью.

— Да будет так, — сдались старейшины. — Однако, чтобы собрать столько шекелей, требуется время. Мы хотим дать тебе две тысячи шекелей сразу, чуть больше — через шесть месяцев, остальное — через год...

— Опять скромничаете, — возразил Ифтах. — Люди, которые так достойно носят дорогие платья, безусловно, имеют в сундуках несколько тысяч шекелей. Но если вам действительно не хватит части денег, пошлите человека в ближайший город найти серебро. Пока он не вернется, я запру ворота, и если придет враг, мы будем бороться вместе. Кому предопределено Господом, уйдет под землю.

Они снова вздохнули:

— Ладно, попробуем заплатить все сразу. А Ифтах ответил:

— Сказано мудро, братья мои. Давайте устроим праздник союза и пригласим на него Господа. А если хотите пригласить Баала из Башана, не возражаю.

Так Ифтах стал господином города Афека. И прежде чем мужчины Афека по-настоящему пришли в себя, он вступил в другой город, Голан, а потом — в третий, Гешур, и принудил и эти города заключить с ним союз.

Страх перед ним и его именем разрастался.

Недалеко от границ страны Тоб проходила большая торговая дорога, дорога фараона. Ифтах и его люди много раз показывались вблизи караванов и сопровождали их часть пути. Торговцы и стража замирали в наполненном страхом ожидании. Но Ифтах не применял силы и платил за товары, которые выбирал. Правда, от правителей городов севера, которым караваны платили дань за защиту, он требовал, чтобы они отдавали ему часть денег — от реки Ярмук до реки Ябок только он мог защитить караваны от любой опасности.

Города подчинялись его власти, и могущество Ифтаху росло. Но, несмотря на успехи, он не позволял себе делать вылазки из надежной гористой страны Тоб. Он часто менял в труднодоступной глуши место своего пребывания, и об этом знали только самые близкие ему люди. Ходили слухи, что он невидим и присутствует повсеместно; и Ифтах решил воспользоваться ими.

Под вымышленными именами, неприметно одетый, обычно в обществе друга Пара, он любил ездить на разведку по ту сторону Ярмука. Они кружили по всей стране Башана. Как жаль, что эмориты отвоевали большую и лучшую её часть! Как богата была страна, как ловки её люди!.. Баал из Башана в подарок своим почитателям выбросил из сырого подземного жилища черную землю и черные камни. Они иногда дымились. Черная земля была жирна и плодородна, люди из Башана получали от неё все в достатке: хлеб, вино, масло. Черный камень был крепок, люди из Башана строили из него дома, большей частью, в два этажа: в верхних жили хозяева, в нижних, подвальных размещались слуги и припасы. И повсюду виднелись дороги, цистерны, каналы — нигде не чувствовалось недостатка в свежей, вкусной воде. Хватало также и того крепкого, черноватого материала, барзеля (железа). У плотников были железные топоры и пилы, у крестьян — железные косы и серпы. В Гилеаде на владельцев таких орудий труда смотрели с удивлением.

Славилась страна Башан и военным снаряжением. Кольчуги, шлемы свинцовые и бронзовые!.. Ифтах и Пар уже видели такое снаряжение — аммониты и моавиты применяли его в боях. В Гилеаде жил даже человек, снявший такое снаряжение с врага. А здесь, в Башане, на воина в этом снаряжении внимания не обращали — оно считалось повседневным, его нетрудно было купить.

А уж эти боевые повозки!.. Их покрывали броней из бронзы, и они были очень эффективны в бою. Это воины Гилеада испытали на себе.

Ифтах и Пар завязывали разговоры с людьми, обслуживавшими повозки; те гордились своими чудесными телегами и разрешали чужеземцам смотреть на них и даже — трогать. Ифтах посоветовался с Паром: как приобрести такие повозки и снаряжение? Они пришли к единому мнению, что не составит труда снарядить войско добротными мечами, дротиками, копьями. Но достать повозки, полагал Пар, —

трудное дело, почти невозможное, ибо правители Башана дорожили ими. Если кто-нибудь попыбует применить силу, они сразу же пошлют вслед за разбойниками объединенное войско.

Тогда нужно купить повозки, — решил Ифтах. В стране Башан продается все. Пар, ведавший казной армии, возразил, что повозка стоит, по меньшей мере, шестьсот шекелей, а два коня к ней — сто пятьдесят. Где же ему добыть столько денег? Ифтах, теряя терпение, сказал:

— Город Афек заплатил шесть тысяч шекелей. Голан — пять тысяч...

— Из них ты приказал раздать нашим людям девять тысяч, — хладнокровно ответил Пар. — Остаток я использовал на покупку продовольствия.

Он подумал немного и оживился.

— Люди зависят от тебя, они не будут сетовать, если ты будешь менее великодушным.

Ифтаху не хотелось скаредничать, но снаряжение было важнее выгод отдельных людей. Он терпел, когда Пар при разделе добычи строго следовал мишпату, обычаю Гилеада. Половина делилась среди воинов. Затем отделялась часть для Господа — десятина. И Пар следил за тем, чтобы это была жирная десятина. Весь остаток уходил на добычу оружия и, прежде всего, боевых повозок.

Прошло немного времени, и Ифтах стал владельцем множества таких повозок. В горной стране они не находили применения, и Ифтах хранил их в долине, в своих трех городах Башана. Это заодно было предлогом держать в городах вооруженных воинов.

Он понимал, что его люди пока не готовы к войне, в которой можно было бы использовать эти повозки. Для каждой требовалось три человека — кучер, боец и оруженосец. И эта тройка должна быть четко отлаженной, как части одного целого. Здесь требовались терпение, талант, многократные тренировки. Очевидно, этому нельзя было научиться без наставлений опытных эморитов.

Переманить искусных бойцов на повозках у царя и городских правителей было непросто. Случалось, что такой боец, уже наполовину склоненный Паром к сотрудничеству, страшился необходимости вступить в союз с Господом. Он не хотел сердить своего Баала. Но если потом с ним говорил сам Ифтах, бойца обычно

удавалось убедить. Бог этого смелого, веселого командира уверенно вел воинов сквозь битвы, принося славу и добычу.

Через четыре года после ухода из Гилеада Ифтах стал господином трех городов в Башане, командиром шести сотен хорошо снаряженных, искусных в бою людей и владельцем девяти боевых повозок. Из своего воинства он выбрал лучших бойцов, не выделяя евреев и эморитов, и создал из них свою личную стражу. Стража состояла из двадцати одного человека.

III

Вместе с силой Ифтаха росла опасность, что в один прекрасный день появится царь Башана, чтобы снова отвоевать у него захваченные города. Пока, правда, царь Абир задерживался на Востоке. Он только что сверг верховного правителя Вавилона и должен был опасаться появления великого царя; ему пришлось сосредоточить там все свои силы, и он в течение ряда лет не мог ничего предпринять против Ифтаха. Но когда у него освободятся люди и повозки, он направит свое войско против него. Ифтах с волнением думал об этом дне. Говорил с Паром. Без существенной помощи Господа они пропали. Но разве Господь не живет далеко на юге, на горе Синай? На берегах реки Ярмук, вероятно, он не обладает большой властью... Баал из Башана со снежной горы Хермон сумеет в любую минуту оказаться в том месте, куда направится царь Абир. Он, Баал, — сильный бог, бог войны, как и Господь. И у него в обозе бесконечное число боевых повозок — никак не меньше ста, а может, и все двести. Пар старался укрепить его слабую веру. Эмориты при нападении Израиля на страну были сильнее в десять раз, израильтяне вооружились лишь жалкими луками и копьями. Но тут пришел на помощь Господь. Он испустил из ноздрей огненный столб, и эмориты-великаны вместе с царем Огой, повозками и конями — все превратилось в пепел. Израиль захватил страну, все шестьдесят городов от Башана и Зобы до Дамаска.

— Правда, — рассуждал Ифтах, — тогда Господь прибыл сюда с Синая на своем облаке с громом и молнией. С тех пор, однако, его больше не видели здесь на севере, и эмориты забрали обратно большую часть страны. Он — Бог. Его настроение меняется, и никому

не дано знать, что он собирается делать. Это ещё большой вопрос — придет ли он на помощь Ифтаху, если на него нападет царь Абир.

Спокойный Пар, наконец, не выдержал: — Как ты смеешь так говорить! Не по настроению Бог перестал помогать израильтянам на севере, а потому, что они стали небрежны и равнодушны к служению Ему. Перестали бороться с древними богами. Мы недостаточно верим в Господа — вот в чем дело. Мы ослабили союз с ним. В этом виноваты женщины эморитов, которых мы брали к себе на ложе. Мы не изгнали из своих сердец чужих богов, но впустили их в наши палатки и дома. Ты знаешь это лучше других.

Ифтах, удивленный и раздосадованный, защищался:

— Разве ты сам не взял в жены Кассию? — спросил он. Пар спокойно ответил:

— Не смей говорить так о своей сестре! В Израиле нет более верного приверженца Господа.

Ифтах не стал продолжать разговор. И так, даже этот надежный Пар, как и Авиам, не доверяет ему. Предостережение друга огорчало его как раз потому, что оно было, видимо, справедливо. Господь не был удобным богом, он легко раздражался, он был злобен и честолюбив, любил лесть, требовал все новых клятв и жертв. Ифтах прерывисто задышал. Он неспособен к такой службе. И если на нем было позорное пятно, то Господь знал об этом и, тем не менее, не обошел его своим благословением. Бог принял его таким, каким он был. И должен принимать и дальше. Усилием Ифтах отогнал от себя грустные мысли.

IV

Ктура нашла в глуши Тоба свободу, о которой страстно мечтала. Здесь не было шатра Господа с торжественно хранимыми, грозными дощечками, предписывающими, что справедливо, что — нет. Эти дощечки стремились оторвать мужа от жены, любящей его всем сердцем.

Здесь, в глуши, она чувствовала уверенность. Её боги жили на деревьях и в воде, они окружали её здесь и защищали повсюду, куда бы она ни пошла и где бы ни отдыхала. Её верховный бог Мильком

был богом сыновей Башана, они почитали его, называя Баалом, и место, где он пребывал, гора Хермон, было близко. Она смотрела на шрамы, оставшиеся у неё от встречи с волком. Она была рада, что отдала богам дань и принесла им жертву. В Маханаиме она испытывала ужас перед священником Авиамом, перед его угрозами, соблазнами и его Богом Господом, который как дикий зверь, был всегда готов наброситься на её Ифтаху. Теперь между Ифтахом и этим Господом лежали множество рек и гор, много дней, теперь она могла с издевкой думать о священнике и его Боге.

Она с ненавистью вспоминала о Зилпе и братьях Ифтаху, объявивших её недостойной, считавших, что прикосновение к ней позорит мужчину. Она жаждала возмездия и знала, что Ифтах разделяет её страсть. Они не говорили об этом, но иногда он улыбался ей, и это был уговор.

Она ждала унижения высокомерных с глубоким, тихим предвкушением.

Яала ощущала в плуши такую же радость, как и её мать. Яале было только двенадцать лет, детство в Маханаиме осталось далеко позади. Оно забылось, и свободная, безграничная страна Тоб стала теперь её родиной. Жизнь в горах и лесах обострила её ум и сделала быстрым восприятие и принятие решений. Уверенный взгляд, твердый шаг... Никакое усилие не было ей в тягость. Она унаследовала стройную, грациозную фигуру матери, её матово-смуглое, худощавое лицо, и так же, как Ктура, при всей своей силе и твердости, была нежна и прелестна.

В отряде было очень мало детей. Яала часто оставалась одна. Она охотно проводила время в одиночестве. Играла и болтала сама с собой. Она обладала богатой фантазией и остро переживала окружавшее её изобилие красок, любила деревья и зверей, о каждой скале придумывала свою историю. Она сочиняла песни и весело пела их сама себе глубоким голосом. Однажды Ифтах привез ей из страны Башан цитру; она училась играть на ней, и была счастлива. Мать и дочь сроднились с этой плушью. Они знали, когда какие звери идут на водопой, слушали голоса птиц, понимали речь и повадки животных. Они беззвучно смеялись от счастья, делая какое-нибудь новое открытие.

Иногда Ифтах или его люди брали Яалу с собой на охоту. Какое радостное, раздирающее душу чувство охватывало ее, когда в тело животного впивалась стрела или дротик! Со смешанным ощущением радости и боли она могла долго стоять перед силком или ямой, куда попадало животное.

Ктура любила Яалу, часто путешествуя с ней, она чувствовала, что они одно целое. Они не говорили друг другу ласковые слова. Яала была скорее жесткой, как мальчишка, нежели нежной.

Ктура охотно научила бы дочь поклоняться Милькому и Терафиму. Но так как это огорчило бы Ифтаха, она не мешала Яале в её безусловной вере в бога Гилеадов. Она завидовала ей в этой вере, была честолюбива и стыдилась дочери, которая, казалось, также не боялась Господа, как и Ифтах. Когда Яала спрашивала её о богах, она замыкалась в себе, испытывала смущение.

Ифтах, напротив, общался с дочерью просто и легко, проявляя все детское в своем характере. Он хвастался перед ней, рассказывая о своих делах, — его битвы, его приключения разрастались и разветвлялись, и выглядели так, как он рисовал их в своем воображении. Когда она интересовалась богами, он знал точный ответ. Боги сделаны из того же материала, что и люди его войска, они обладали теми же достоинствами и недостатками, но только в гораздо больших размерах. Люди хорошо поступали, когда почитали богов, но только в определенных границах. Если дать им себя запугать, они сыграют с тобой злую шутку. Самым сильным был бог Господь, он был богом богов и командовал облаками, погодой и огнем. В сознании своей силы он был не всегда расчетлив, более подвержен смене настроений, чем другие боги, но ему, Ифтаху, и его людям это приносило благословение. Бог Господь принял в свое сердце народ Израиля, а из многих родов, прежде всего, род Гилеад. А из представителей этого рода — судью Гилеада и из того же клана — его, Ифтаха. Поэтому ему и ей, Яале, нечего бояться страшного бога Господа. Ему нужно часто приносить жертвы и благодарить его за благословение, так он хочет, и так он любит.

Однажды Ифтах убил медведя, и они ели жесткое, вкусное мясо. Ифтах, разрывая во рту сильными, белыми зубами большие куски, рассказал Яале, что сила убитого зверя переходит в того, кто ест его мясо, и, прежде всего, в того, кто его убил. В бога Господа вошла сила

всех существ, убитых им и убитых в его честь, а это — тысячи, тысячи и ещё тысячи за вечность. Это все сделало Господа чудовищно сильным и страшным в своем гневе, намного более сильным, чем Баал и Мильком, и поэтому род Гилеад, опекаемый Господом, побеждает врагов, будь то Аммон или Моав, Башан или Зоба. Однажды Ифтах принес в лагерь «тооф», барабан. Мужчины получили удовольствие; пальцами рук или ногой они извлекали из инструмента глухой звук. Это было интересно. Яала попросила Ифтаха подарить ей барабан. Она брала его в глухие просеки, упражнялась и наполняла леса и горы странными, грозными звуками. Под прекрасную мелодию своей цитры и мрачную — барабана она пела, рассказывала, разыгрывала истории и сказки отца и свои собственные. Она рассказывала эти истории и отцу. Ифтах с удивлением подмечал: это были его переживания и в тоже время — другие. Ему всегда не хватало слов. Она же находила слова для всего, что входило в человеческое сердце. Был ещё один человек, кого Яала посвящала в тайны своих лесов, гор и своего сердца, старый Тола. Они сидели вместе, дитя и старик, увлеченно болтали и понимали только малую часть того, что сами рассказывали. Тола был рабом — сначала в большом городе Вавилоне, затем — в Дамаске, позднее — в Рабат-Аммоне. Он сопровождал своего господина на поле боя, попал в плен к Гилеаду и пережил большую часть жизненных событий покойного судьи. Он многое видел, поклонялся многим богам, любил и ненавидел многих людей. Все смешалось в его памяти. Большая часть того, что он говорил, была едва понятна. Он часто терялся и переходил на нечленораздельное бормотание.

Яала находила его рассказы очень умными, достойными размышлений, переделывала их на свой лад и вплетала в свои истории.

Тола любил животных и мог рассказать о них много интересного. Он принимал участие в охоте на львов, сопровождал в Ливан диких коз, дружил с лошадьми и одnogорбыми верблюдами — огромными существами, которые почти не были знакомы израильтянам. Тола чувствовал себя другом животных и уважал их. Даже диких и опасных. Ненавидел он только аистов. В аистов после смерти превращались плохие люди. Они, аисты, были настоящими разбойниками. Глотали добычу — лягушек, рыб, червяков — с такой

жадностью, что потом изрыгали их ещё живыми. Затем они снова нападали на полуживых; а то, что не могли съесть, рвали на куски. Их жажда крови обращалась даже против собственного рода. Тола наблюдал, как аисты, перед тем, как улететь в теплые края, собирались в огромные стаи, совещались, щелкали клювами, издавали отвратительные, гортанные крики и, наконец, рвали на куски трех слабых старых аистов.

— Я стар, моя жизнь позади, — говорил он Яале. — Но я не хочу, дикая моя голубка, правнучка моя, чтобы люди сделали со мной то, что делают аисты со своими стариками. Хочу неразрубленным уйти в пещеру. Поэтому не остался там, где правят сыновья Зилпы, а отправился вместе с Ифтахом, моим господином и другом. Ибо отец молодого — старик, но отцом старика становится молодой.

Так они беседовали и рассказывали о том, что их занимало, и между ними возникало чувство близости. Как-то Тола сказал:

— Твое присутствие, доченька, действует на старого Тола, как летнее солнце.

V

Когда Ифтах вместе с Паром, женщинами, детьми и всем отрядом сидел за трапезой, ему доложили о чужеземце, который настаивал на встрече с ним. Чужеземец, маленький мужчина около пятидесяти лет, был очень зол и сразу же потребовал:

— Выдай мне моего раба Дардара, убежавшего к тебе. Ифтах продолжал есть и спокойно ответил:

— Разговаривай прилично, человек. Ты — в моей стране. Мужчина ещё больше рассердился.

— Его видели в твоём отряде. Я спрашиваю тебя: здесь мой беглый раб или нет? Разве ты — защитник беглого сброда?

Ифтах ответил:

— Это моя страна, чужеземец, и не приглашал тебя в гости. Повторяю: веди себя пристойно.

И продолжал спокойно есть. Чужеземец не отступал:

— Я из города Голана. Дардар куплен мной за сто тридцать серебряных полушекелей. Люди из Бет-Нимры напали на нас, мы

отбросили их назад, а затем напали на них и захватили двести рабов. Дардар, находящийся в твоём отряде, мой раб. Он принадлежит мне по закону народов, живущих в этих странах.

Ему не нужно было упоминать о законе. Ифтах рассердился, но все ещё спокойным тоном сказал ему:

— Здесь — моя страна Тоб. В этих горах утверждаю законы я и никто другой. А ты иди и не испытывай больше моего терпения.

Чужеземец продолжал стоять, маленький, красный от гнева. Тонким голосом он пропищал:

— Я не уйду! Я не побоялся проделать трудный путь, мое платье разорвано, как видишь, скакун потерян, мои ботинки разлетелись на куски, подошвы ног — в ранах... Я хочу получить своего раба Дардара по закону Голана. Разве ты не защитник Голана? Разве мы не платим тебе пять тысяч шекелей в год и, в том числе, я — тридцать?! Требую удовлетворения моих прав! Выдай мне моего раба Дардара! Несчастный снова говорил о законе. Во имя закона Зилпа и её близкие опозорили его и совершили над ним насилие. Авиам грозил ему во имя закона. Разве он пришел в Тоб, чтобы слушать подобную болтовню? Им овладела безудержная ярость.

— В последний раз говорю, прикуси язык! — сказал он. — Около меня оказывается тот, кого я терплю в своей стране. Кто идет против моей воли, с тем я поступаю по военным обычаям. Вы сделали людей из Бет-Нимры рабами, потому что они пришли в ваш город против вашей воли. Смотри, человек, как бы я не поступил с тобой также! Тогда твой Дардар будет господином, а ты его рабом.

Он вскочил, закричал:

— А теперь уходи! И быстро!

Тем не менее, чужеземец своим тонким, настойчивым голосом закричал в ответ:

— Закон! Закон! Выдай мне моего раба! Я не уйду, пока мой раб не попадет в мои руки! Закон!..

Ифтах проговорил хрипло, резко, но негромко:

— Я предостерегал его три раза, вы все слышали, друзья мои. А он продолжает дерзить и требовать что-то от меня.

Он нагнулся, поднял камень.

— Кто упрямо стоит на своем здесь, в моей стране, тех я уничтожаю!

Он взвесил в руке камень.

— Вот тебе твой закон! — выкрикнул он и бросил камень в возмутителя спокойствия.

Остальные тоже закричали и начали бросать в пришельца камни. Так обычно наказывали преступника. Человек ещё мгновение стоял, не веря глазам, потом качнулся и рухнул на землю.

Яала все это время пристально смотрела на отца, с открытым ртом наблюдая за ним. Холодно, страшно сверкали его глаза на львинообразном лице, сверкали в них маленькие, зеленые огоньки, как в глазах разъяренного зверя. Яала увидела это очень ясно. Так должен выглядеть Господь, приезжая на облаке и распространяя во вражеском стане огонь и ужас.

В одиночестве на лесистой горе она пела песню в честь отца. Он, подобно Господу, царил в стране Тоб. Но он посылал не только разрушение, большую часть времени он был кроток и весел. Господь гремел и разрушал, и люди почитали и боялись его.

Отец тоже гремел и разрушал, но он умел и другое: он мог громко хохотать, и все должны были хохотать вместе с ним и любить его.

VI

Ифтах был доволен собой. Однако он понимал, что Пар не одобрит его торопливости. Тем не менее, друг поддержал его.

— К чему бы ты пришел, Ифтах, — сказал он, — если бы каждый бегал к тебе, претендуя на твоих людей?

И пояснил:

— Закон должен существовать в городах и селениях, где право одного сталкивается с правом другого. Но мы здесь, потому что хотим быть свободны от закона. Эту страну Тоб дал нам Господь. Здесь нет никаких законов, только твои... Однако в стране Башан, продолжал он, немного помолчав, — вряд ли порадуются судьбе этого человека... А что, если ты пошлешь во вверенные тебе области две сотни? — предложил он.

— Две сотни я бы выделил, оживился Ифтах. — Но такой маленький отряд едва ли сможет навести подобающий страх на страну Башан... Я разделю людей на группы и спрячу, — внезапно

решил он. — Они будут показываться и снова исчезать, они появятся там, где их меньше всего ожидают. Тогда две сотни будут подобны целой армии...

Он и без того собирался совершить набег на северные области, чтобы подыскать пригодное убежище. Это должна была быть приятная поездка, скорее смена места и отдых, чем военный поход, и у него не появилось никаких сомнений в том, чтобы взять с собой Ктуру и Яалу.

Они отправились в сопровождении одной сотни и двух вьючных животных. Погода благоприятствовала, и они ехали спокойно, выбирая места отдыха задолго до наступления ночи. Они находили дикие, безлюдные участки, соответствующие целям Ифтах.

Яала получала от этого предприятия ещё больше удовольствия, чем другие. Страна была населена с самого дня сотворения мира. Здесь жили многие народы, господствовало множество богов, в дикой глуши внезапно попадались запущенные жилища, разрушенные человеческие поселения, оставленные святилища. Яала задавала отцу множество вопросов. Ей было о чем подумать и что сочинять. Вместе с мужчинами она проникала в самую глушь, и, если они сразу после обеда останавливались и раскидывали палатки, она одна устремлялась в неизвестность.

Однажды вечером она ушла одна и не вернулась. Местность была не особенно опасной, но все же здесь было много обрывов, густого кустарника, пропастей, а ночь — безлунная. Здесь на каждом шагу могли подстергать страшные звери, горные львы, дикие собаки. Кроме того, здесь прятались «пустые» люди, беглецы.

Наступило утро, Яала не появилась. Ифтах и его люди отправились на поиски. Часы шли, лицо Ктуры осунулось, губы сжались, большие глаза засверкали диким огнем. Солнце начало заходить, на землю спустился вечер. Вторая ночь... Яала была единственным ребенком Ифтах. Господь лишил его и аммонитку сына. Неужели он хочет забрать и дочь?

Между тем, Яала беспомощно лежала в густом кустарнике. Чтобы вовремя быть дома, она решила сократить путь, упала с высокой скалы и повредила ногу. Когда через некоторое время она очнулась и попыталась подняться, нога заболела так сильно, что она

чуть было снова не потеряла сознание. Она лежала, сердце её учащенно билось, давила тошнота в желудке. Её рвало.

Наступила ночь. Она мерзла. Сквозь заросли виднелось несколько звезд. Яала удивлялась, что лежит здесь, несчастная и беспомощная. Она была дружна со всеми живыми существами, и все живые существа дружили с ней. Где же избавители — отец, Господь, мать?

Стало светло. Сквозь ветви кустарника засверкало яркое небо, а она лежала и чувствовала себя противной самой себе, потому что сильно испачкалась. Она была так слаба, что это причиняло боль, её мучила жажда, мысли в голове снова затуманились.

Наступила вторая ночь. От прохлады ей стало лучше, но её изнурял голод. Она захныкала. Голод прошел. Хотела крикнуть, но не смогла. Какая жалость, что она не взяла с собой свой барабан. Неужели она умрет здесь от голода и жажды? Неужели её тело разорвут на куски лесные звери?

Она покачала головой. Нет, она не могла себе такого представить. Наоборот, теперь она была уверена, что придет отец. Она улыбнулась и запела.

Вдруг в кустах появилось что-то большое, неуклюжее. Сердце остановилось, её тело парализовал страх. Это, видимо, был зверь, медведь. Но тут она увидела человека — высокого, молодого, одного из великанов, тех «пустых» людей, которые проживали в глуши. Страх её не уменьшился, к тому же ей стало стыдно, что она так испачкалась.

Высокий нагнулся над ней, она закрыла глаза и снова потеряла сознание. Человек попытался её поднять. Боль пронзила её тело, она пришла в себя, застонала. Высокий голос спросил её о чем-то на полупознакомом языке. Она взяла себя в руки и сказала:

— Палатка... — и слабо показала в направлении палаток.

Человек повторил:

— Палатка.

И осторожно попытался поставить её на землю. Она заплакала. Тогда он взял её на руки, она обхватила его шею, и он медленно понес её в направлении, которое она указала.

Но вот и палатка. Радости, когда они снова увидели Яалу, не было предела. Мать дала обессиленной, растерянной дочери попить, вымыла лицо и тело водой, смешанной с уксусом. Она положила на

опухшую ногу травы и бальзам из Гилеада и забинтовала ее. Это длилось недолго, и Яала заснула. Тем временем Ифтах расспрашивал высокого молодого человека, который принес Яалу. Высокий был светел кожей и глазами, очевидно, эморит. Он говорил на угаритском — том древнем языке, на котором разговаривали только на севере Башана и который очень походил на еврейский, но был полон всяких торжественных слов... Чужеземец говорил боязливо и скованно. Ифтаху стоило труда связать воедино его рассказ.

Он ставил ловушки в самой глухой части горного леса, услышал тихий плач и увидел девочку, лежащую в густом кустарнике. Ифтах сердечно поблагодарил его и попросил быть его гостем. Они уселись есть. Ифтах спрашивал чужеземца об его имени, родине, жизни. Его звали Мерибааль, и он происходил из королевства Зоба. Его семья погибла на войне, он был младшим сыном, его презирали в каменном, окруженном стенами городе, который был его родиной. Он не выдержал этого и бежал на свободу, в глушь. Все это он рассказал в своей скупой, бессвязной речи. Когда же он узнал, что говорил с Ифтахом, знаменитым командиром, он стал заикаться от смущения. Однако не спускал жадного взгляда с лица хозяина, ибо это был человек, которому он хотел подражать, когда бежал в глушь. Ифтах и Ктура после трапезы ещё раз посмотрели на Яалу и вытянулись на циновке.

Ктура не могла спать. Шрамы от схватки с волком болели, ожидание этих последних дней обессилило ее. Она все ещё не могла понять, что случилось. Глушь, её счастливая, любимая глушь вдруг обернулась чем-то издевательски ужасным. Нет, не глушь, это Господь гневно ворвался в её счастливую жизнь. Но все же Мильком и её боги пришли на помощь и послали человека из Зобы. Она встала, подошла к постели Яалы. Ей нужно было удостовериться взглядом и прикосновением, что дитя здесь, что оно дышит.

Яала проснулась рано утром, прежде, чем все остальные. Она чувствовала, что находится в палатке отца и матери, с людьми, которым она принадлежит. Обычно, проснувшись, она сразу вскакивала, полная желаний двигаться. Сегодня она была рада, что больная нога заставляет её лежать. Она закрыла глаза и вспомнила о том, как высокий человек нес её через заросли. Он нес её ловко, осторожно. Это, наверное, был трудный путь — по долинам и скалам

через кустарник. Но злая дорога перед ним отступила. Ифтах и Ктура заговорили с ней, никто не вспоминал о прошедших заботах, все вокруг казалось радостным.

Стоял светлый день со свежим, теплым ветерком. Все уселись перед палаткой. Она охотно поинтересовалась бы, здесь ли чужеземец, но боялась спросить. Он пришел сам, смущенный, такой смущенный, что и она покраснела.

Он просидел с ней большую часть дня. Время от времени он переносил её с места на место. Она любила лежать наполовину в тени, наполовину на солнце. После трапезы, в которой сегодня принимала участие Яала, Мерибааль сказал, что он не смеет больше обременять своих хозяев, желает им счастья и с наступлением дня уйдет к себе в лес. Ифтах видел, что ему стоит труда так говорить, видел огорчение на ясном лице Яалы. Он спросил Мери-бааля:

— Разве спаситель моей дочери не хочет быть гостем в моей стране Тоб?

Яала засияла, лицо Мерибааля тоже выразило радость. Он несколько раз пытался ответить и наконец сказал:

— Я могу остаться в твоём лагере.

Это было не совсем то, о чем думал Ифтах. Если этот Мерибааль навсегда останется в его войске, он может захотеть Яалу, когда та созреет. Он нашел её в глуши, у него законные претензии на нее, он нравится ребенку, и Ифтах должен будет отдать ее. Но этот человек был эморитом. Он звался Мерибаалем, и уже само имя выдавало его принадлежность Баалю Башана. Те из Мицпе скажут:

— Смотрите на него, Ифтаха, сына аммонитки, мужа аммонитки, он теперь выдает дочь за приверженца Бааля из Башана. Разве мы не правы, что его прогнали? Он не должен дать им повода так говорить. Ему пришлось взять Мерибааля в страну Тоб. Там высокий человек тоже оставался чужеземцем. Он отличался от других, даже от эморитов. Над его наклоненной вперед фигурой и высоким голосом смеялись все. С другой стороны, он показал себя сильным и проворным. У него были ловкие и искусные руки. Кроме того, он, как никто, чувствовал запахи в пустыне и в лесной чаще, легко прокладывал дорогу в самых густых зарослях кустарника, много знал о лесных животных. Однако он был плохим собеседником — слишком уж робок.

Он выказывал Ифтаху безграничную преданность. И с ним и с его родными он мог говорить о самых сложных вещах. Его честность выходила за рамки привычного, а на лице Мерибааля отчетливо отражалась любая, проскакивающая в его голове мысль. Ифтах отвечал на его искреннюю привязанность скрытым, добродушным презрением.

Между тем, простодушная Яала любила в своем спасителе именно эти качества. Она видела в нем старшего брата, которому можно доверить абсолютно все. Её нога ещё не совсем поправилась, и она взяла за обыкновение брать Мерибааля на свои одинокие прогулки.

Иногда она брала с собой и старого Толу. Тогда они сидели втроем, и старик с молодым парнем поперебой вспоминали истории, связанные с сильной северной страной, которая была их родиной. Оба они считали, что Этана, Адапа и Тамус — великие герои. Но говоря об одиннадцати чудовищах, которых те победили — драконах, крылатых змеев, морских баранов, людей-скорпионов... — постоянно спорили.

Однажды Тола, обидевшись на парня, изрек:

— Если бы старикам — силу молодых, а молодым — силу стариков, люди стали бы богами. А так... Я — Тола, а ты — Мерибааль...

Прошел примерно месяц, и великан в присутствии Яалы сказал Ифтаху:

— Я видел только страну Тоб, видел твоих воинов. ещё раз прошу тебя, прими меня в свое войско!

Ифтах перевел взгляд с Мерибааля на Яалу, потом снова — на Мерибааля, и ему пришлось ответить:

— Ты спас моего ребенка. Мое благодарное сердце радуется тебе. Но мои люди — воинство Господа, и твой Бааль вел против него войну.

Лицо великана задрожало, на нем отразились задумчивость и смущение. Он преданно посмотрел на львиный лик Ифтаха и, с трудом подбирая слова, неловко сказал:

— Я почитаю Господа, потому что он — бог Ифтаха. Но не хочу отречься и от Бааля из Башана. Он вел меня сильной рукой к тебе и твоей дочери. Не хочу отречься и от великих героев северной страны, победивших одиннадцать чудовищ.

Ифтаху нравился эморит Мерибааль. Он охотно не заставлял бы того больше надоедать себе. Но не мог... С горькой усмешкой он подумал, что тот стоит сейчас перед ним также, как когда-то он сам стоял перед Авиамом.

— У меня нет намерения ссорить тебя с твоими богами и героями. Почитай их и дальше. Но если хочешь вступить в мое войско, Господь должен стать для тебя главным Богом, ибо он соединяет нас. Тебе придется отказаться от своего имени — имя Мерибааль обнаруживает твою связь с чужими богами.

Мерибааль пробормотал подавленно:

— Я больше не должен...

Закончить фразу он не смог. Так и стоял перед Ифтахом с искаженным, нескладным лицом, сопел, молчал, стоял и молчал. Яала следила за их разговором с напряженным вниманием. Наконец, её взгляд застыл на лице Мерибааля. Тот чувствовал это и мучался так, что Ифтаху стало жаль его. Но чем он мог ему помочь?

— Как же меня должны называть? — выдавил из себя молодой гигант.

Яала облегченно вздохнула, радостно захлопала в ладоши и попросила отца:

— Дай ему красивое имя!

Ее радость тронула Ифтах, и он произнес:

— Пусть зовется Эмином. Это означает — «тот, кто справа». Из этого следует, что он будет моей правой рукой. Ты довольна, дочь моя?

Великан выпрямился. Называться другом и помощником Ифтах — это ещё не предательство Бааля. И тот, кто до сих пор назывался Мерибаалем, сказал:

— Эмин, друг твоей правой руки, благодарит тебя, Ифтах!

Ифтах зарезал теленка, кровь жертвы смешали с вином... Затеяли трапезу. Яала в ней тоже принимала участие. Мерибааль остался в войске Ифтах под именем Эмина.

Ктура верно и честно шла за Ифтахом. Она не воспротивилась тому, что он дал Мерибаалу новое имя. Но сам факт, что тот ради вступления в войско мужа должен был отказаться от своего бога, угнетал ее. Она хотела искупить этот грех. Ей захотелось совершить паломничество к своему Богу. Он жил там, наверху, на Хермоне, в далеком безграничном белом пространстве. Она не испугается трудного подъема и подтвердит свою верность Баалу, наберется сил и попросит совета.

Она пошла на хитрость и так объяснила свой порыв благочестия Ифтаху: что стоит тут, мол, гора Хермон, насмешливо и гордо глядя на её Ифтаху. А ей это не нравится. Она хочет подняться с ним наверх, и горная белизна окажется у ног Ифтаху. Ифтаху ещё в Гилеаде привлекала сверкающая вершина Хермона, которая виднелась отовсюду, где бы ты ни находился. В стране Башан ему рассказали о Хермоне много интересного. В древности на вершине стояла святыня Баала. Потом Бааль рассердился, вершина задрожала, и далеко внизу города и деревни подверглись разрушению. С тех пор святыня стоит одиноко. Люди боятся подниматься на холодную белую гору. На это, рассказывают, осмелился король Ог, а позднее — израильский военачальник Иошуа. Но за ними последовали немногие. Ибо что можно было найти там, наверху, в награду за все труды и преодоление опасностей? Только снег и злых духов.

Когда теперь Ктура предложила ему подняться на гору, Ифтах сразу же понял, что она хочет совершить паломничество к своим богам. Но его собственное желание подняться к снегам укрепились ещё больше. Если она хочет показать Баалу из Башана свое смирение, то Ифтах, будучи воином Господа, радовался, что не испытывает страха перед чужим божеством и покажет ему это. Он посмотрел на полное ожидания лицо Ктуры и приветливо сказал:

— Это трудно и не очень разумно. Но вижу: у моей Ктуры лежит к этому сердце, и я подтверждаю, как только ты это высказала, мое сердце расположилось тоже.

Они собрались в радостную и бессмысленную поездку, решив взять с собой только Эмина. Тот долго скитался по склонам Хермона и добирался почти до его заснеженной вершины.

Молодой эморит все крепче привязывался к своему командиру и уважал его теперь безгранично. Он подражал его походке, манере

разговора, каждому движению, задирает подбородок также, как Ифтах. Он не спускал с него глаз. Ктура даже смеялась иногда над его рвением. То, что ему предстояло сейчас, наполняло его счастьем и гордостью.

Они пересекли Ярмук, проехали, объезжая стороной, много городов и деревень, плодородную страну и поднялись на покрытые виноградниками склоны горы. Повсюду на них стояли святыни Бааля и Ашторет.

На третий день они достигли последнего населенного пункта, города бога счастья, Гада. Вскоре начались снега. Удивительно, как далеко вниз опускался снег и как долго он держался. Они пересекли заросшие вершины. Там рос низкий кедр и мелкий кустарник. Они переночевали в горной долине, кольцом огибавшей вершину.

Отсюда дорога стала очень трудной. Издали вершина горы казалась приплюснутой шляпкой. Теперь было видно, что снег скрывает трещины и пропасти. Порой он становился твердым и скользким, порой — таким мягким, что в нём можно было утонуть. С трудом, задыхаясь, они двигались наверх по сверкающему снегу. Крепкая Ктура должна была для подъема собрать все свои силы. Эмин снова и снова помогал ей выбираться из снега, она опиралась на него, а иногда он нес её на руках; казавшийся таким неуклюжим, он теперь предстал перед ними нежным, быстрым и ловким. Ктура была благодарна ему. Как хорошо, что этот Мерибааль — в мыслях она не называла его иначе — был таким хорошим другом её дочери. Если Яала получит в мужья эморита, Бааль не исчезнет из её рода.

На очень большой высоте они добрались до почти разрушенных, покрытых снегом, остатков святыни. Эмин предложил переночевать здесь; на следующий день они, очевидно, достигнут самой высокой вершины. Они накрылись одеялами и уснули.

Утром, ещё до наступления дня, Эмин тихо, чтобы не помешать Ктуре, разбудил Ифтаха и взволнованно попросил его следовать за ним. Стоял страшный холод. Они шагали, скользили, ползли через заснеженные заросли. Внезапно Эмин велел Ифтаху пригнуться и не шуметь. Тут Ифтах увидел на другой стороне маленькой лощины зверя, барана с гигантскими рогами. Козерог стоял неподвижно, навстречу ветру, не боясь мороза и снега.

Она долго лежали, спрятавшись, Эмин и Ифтах, и смотрели на зверя, с четко выделявшимся на снегу силуэтом. Неожиданно, испугавшись, баран спрыгнул со скалы и скрылся. Ифтах не заметил, куда он исчез. Он пропал так быстро, будто его и не было вовсе.

Они пошли назад. Эмин, счастливый, даже красноречивый, рассказывал о козерогах и их жизни. Часами они простаивают на страшном холоде и на ветру. У них замерзают уши, но они не замечают этого. Гордые животные ищут самые высокие вершины. Многие из них — герои-полубоги. Во всяком случае, могут после смерти принять их облик. Убить козерога невозможно. Но тот, кому посчастливится козерога убить, сохранит силу до глубокой старости.

Ифтах много слышал об этих животных. Теперь он собственными глазами увидел, как козерог стоит на горной вершине прямо против ветра. С презрением подумал Ифтах о козах из стада Гилеада. Ему понравился козерог...

Не успело солнце подняться достаточно высоко, а они уже, как и предсказывал Эмин, достигли вершины, которая так притягивала Ифтаха, волнуя и светясь так ярко, что захватывало дух. В последние дни она скрывалась в тумане. Но сегодня воздух был волшебно светел и чист. Далеко внизу лежали плодородная страна, черная каменная пустыня, и оба Израиля: на востоке Гилеад, на западе — Канаан.

Своим острым зрением Ифтах видел и узнавал гору, долину, реки и города. Бросил взгляд на Иордан, увидел впадавшие в него реки. Далеко на юге блеснуло Мертвое море — там, где небо сливалось с землей. Увидел прямо перед собой живое, богатое рыбой озеро Кинерет с цветущими берегами. А дальше, на западе — бесконечная вода. Ифтах знал, то, что на юге исчезает из поля зрения — Беершеба и его пустыня.

Ифтах впитывал в себя это бесконечное разноцветное многообразие. Дыхание Господа, которое он ощутил в шатре Господа, когда разговаривал со священником, обрело форму. Зримое, оно лежало перед глазами. Сейчас оно пало к его ногам. Оно было здесь, рядом. Он вытянул руки, выпрямил пальцы, потом согнул их и сжал в кулаки. Все далекое, гигантское, вместе с водой и горами, стало одним целым. Он, Ифтах, призван разрушить все это. Одна лишь мысль о таком возвышала его. Он видел перед собой цель.

И цель эта была прекрасна, волшебна. Такую цель способен поставить перед собой только герой, в котором есть что-то от бога.

Чепуха! Химеры наполняли его душу, как снежный воздух. Какой-нибудь Авиам, приговоренный своей немощностью к пассивности, мог обманывать себя такой ерундой. Но человек, который может бороться и завоевывать, не должен растворять себя в голубых мечтах.

Действительно ли эти мечты столь несбыточны? Перед ним — страна. А он, человек, стоит здесь. И то, что он планирует и рассчитывает, шаг за шагом сбывается. Он взял Афек, Гешур и Голан. Он захватит ещё большую часть Башана и укрепит свою страну на севере. Затем пойдет на Ябок и сядет в кресло судьи в Гилеаде. Потом постепенно объединит свою северную страну и восточный Израиль. Затем перейдет Иордан и соединит все разрозненное в одно целое. И тогда судья в Израиле не будет уже уступать ни фараону, ни царю Вавилона, которого называли царем царей.

Сумасшествие! Тщеславие!.. Но сколько истинного казалось сначала сумасбродным! В Мицпе и Маханаиме сочли бы, что он помешался, если бы захотел покорить Хермон. И вот он, Ифтах, сын Гилеада, стоит на крыше дома, в котором живет бог Башана, и обзирает весь Израиль, протягивает руки, чтобы взять его.

Он выпрямился, преодолевая порывы сильного ветра, поднял голову с короткой четырехугольной бородой к чистому, голубому небу и громко рассмеялся.

Ночью было холодно, и Ктура под одеялом тесно прижалась к нему. Он, несмотря на накопившуюся за день усталость, не мог заснуть.

— Ты не спишь, Ифтах?.. — спросила его Ктура. — Знаю, почему ты не спишь. И знаю, почему ты смеялся. Я тоже смеялась. И чувствовала, что Бааль приветствует нас из глубины горы, предлагая свое гостеприимство. Он благоволит к нам. Благоволит к тебе. И если тебе не поможет Господь того священника, на помощь к тебе придет со своей горы Бааль.

Ифтах крепче прижал её к себе. Поразительно, как мало она его знала. Он был солдатом Господа, а не Бааля. И не нуждался в помощи чужих богов. Река Ярмук, где кончалась власть Бааля, — для него не граница. Ему принадлежала страна до самой Синайской пустыни,

Иордан, страна Господня. Господь благословил его и окажет ему помощь. Поэтому Бааль из Башана не осмелился тронуть его, Ифтах, когда он поднялся на крышу его дома.

VIII

На пятом году своего пребывания в пустыне Ифтах захватил город Рамот-Башан и окрестности.

Хотя его владения к северу от Ярмука уже включали в себя четыре города, он по-прежнему продолжал странствовать по пустыне. Его домом была меняющая место палатка. И только его приближенные, двадцать один человек личной охраны, точно знали, где он находится.

Весной следующего года он занял город Суккот-Башан. Бесчисленное количество эморитов в городе оказало ожесточенное сопротивление. Ифтах ранили в плечо. Он пришел в ярость. Может быть, эта рана — козни бога Бааля, столь могущественного здесь, на севере? А может, это предупреждение Господа? Ведь Пар предостерегал его... Но кто бы ни нанес удар: Бааль или Господь, Ифтах злился. Не обращая внимания на рану, он вернулся в страну Тоб.

Когда он пришел к себе в палатку, его сильно лихорадило. Искусная во врачевании Кассия взяла на себя заботы о нем. Она настояла, чтобы он лечился и отдыхал в палатке или рядом, на воздухе. Он подчинился, удивленный и огорченный. Его окружали родные и близкие — жена, дочь, Пар, Кассия, Эмин. Ифтах ругался, что уже почти лето, а так много нужно сделать до наступления зимы. Пар утешал:

— До зимы ещё почти двести дней, Ифтах.

— Разве тебе точно известно, что я собираюсь предпринять летом? — с насмешкой в голосе спросил его Ифтах.

Пар, смущенный присутствием посторонних, ответил:

— Думаю, ты возьмешь город Мааку, чтобы округлить свой Башан, и чтобы легче было защищаться от царя Абира...

Ифтах повеселел.

— Ты — умник, — сказал он Пару. — Да, я захвачу город Мааку, а ещё Рекоб. Тогда в наших руках будет семь областей, а это хороший счет.

Кассия заговорила с мужем о брате так, будто Ифтах рядом не было:

— Он, вероятно, хочет объединить весь западный Башан и стать отцом-основателем рода Ифтах, — сказала она.

Все посмотрели на Ифтах. Тот засмеялся и произнес:

— Что ты об этом думаешь, Пар? Ответь же своей мудрой жене!

— Разумеется, он когда-нибудь объединит свои семь областей в род и страну Ифтах, — ответил Пар. — Но тогда он присоединит к ним и страну Тоб. Нам не нравится жить здесь, нас угнетает стесненность городов. Особенно Ифтах. Он захочет остаться в пустыне и отсюда, из северной области править и судить. Конечно, ему месяцами придется жить в своих городах... Что ж, в молодости человек может позволить себе скитания. Но в пору зрелости он должен успокоиться и соблюдать порядок.

Ифтах злобно ухмыльнулся. Что за скромные планы и жалкое государство предрекает ему этот Пар? А вслух насмешливо сказал:

— Правильно. Страну Тоб я действительно присоединю к нашему северу. Но в стране Тоб к Иордану текут только две реки, а в Гилеад — одиннадцать. И представь, мой честный Пар, я хочу прибавить ко всему ещё и Гилеад.

Он выпрямился. Теперь в его голосе зазвенели нотки гнева.

— И вы подумали, что я навсегда оставлю Гилеад трусливым лисицам, сыновьям Зилпы?

Лицо Ктуры засветилось. Просияла и Яала, похорошело застывшее лицо Эмина. И даже задумчивый Пар попросил:

— Пожалуйста, продолжай... Ты не все нам сказал. Мы всей душой хотим услышать больше...

Эта просьба вполне соответствовала настроению Ифтах. Сейчас ему хотелось говорить. О своих видениях на горе Хермон, обо всем, что рвалось из его груди наружу.

— Ты опять прав, мой Пар, — начал он. — Башан, Тоб и Гилеад — этого слишком мало. Другие земли тоже должны войти в мой Израиль, все, что к востоку от Иордана. Люди из рода Реуба, Гада и Менаше, эмориты, которыми они правят. Все должно стать единым.

Он поднялся и стоял теперь, как тогда, на горе Хермон. Стоял и смотрел вдаль. Затем вытянул вперед руки и сказал:

— А потом мы перейдем Иордан и соединим на востоке Израиль с Канааном. Это должно быть большое государство, простирающееся отсюда до Бэершевы, от Великих вод на западе до пустынь Аммона и Моава. Это будет государство Израиль...

Яала больше не могла сдерживать себя. Она ликовала.

— Всемогущий мой отец Ифтах! Всемогущий Ифтах, сын Гилеада!

Однако Кассия попыталась его остановить:

— Не говори так громко, Ифтах, брат мой! За каждым деревом, каждой скалой подстерегают злые духи. Особенно много собирается их вокруг больного. Они не любят сильных и гордых.

Но никто не обращал на неё внимания. Все были захвачены речами Ифтаха. И даже в суховатом голосе Пара слышалось упоение, когда он произнес:

— Соединить в один народ все колена израилевы!.. Надменный Эфраим, всему противящийся Беньямин, колеблющийся Гилеад... Это задача великих судей и героев. Видимо, Господь вдохнул в твою грудь бурю.

Ифтаха охватило ощущение счастья. Его слова взбудоражили даже трезвого Пара. Тем не менее, его душу леденило сознание того, что сказанное им ничем не отличалось от туманных речей, которыми хотел одурманить его священник. Усилием воли он вырвал себя из оцепенения. Он видел страну, Единую и Неделимую. Он видел её с вершины Хермона, Он ощущал её, трогал руками. То, что он чувствовал, говорил, хотел, было настолько же далеко от речей Авиама, как дуб от своего побега.

Следовало объяснить это всем остальным. Он стыдился избытка чувств, с которым говорил с ними.

— Это не прекраснодушные речи пророка или одержимого, — сказал он. — Я не пускаю слов на ветер. Я все хорошо обдумал. Возьму Мааку и обеспечу защиту всего Башана. Только тогда перейду через Ябок. И обеспечу защиту всего Гилеада. И только тогда перейду через Иордан.

Он сел на корточки на циновке, поднял раненое плечо, превозмог боль и почти ворчливо продолжил:

— Так, ну, теперь вы знаете... До сих пор я это рассказывал лишь деревьям в лесу. А теперь забудьте об этом и вспомните только тогда, когда мы перейдём через Ябок...

IX

Зилпа и её сыновья воспринимали большую часть того, что рассказывали о делах и успехах Ифтахы, как болтовню и небылицы. Но одно было ясно: бастард не пропал в своей пустыне, он процветал, загребал все вокруг себя дерзкой рукой и правил страной, командовал армией, обладал реальной властью. При всем своем горьком разочаровании Зилпу не оставляла надежда на то, что Господь в конце концов свергнет и растопчет отродье Леваны.

Гордого Гадиеля едва ли волновали успехи Ифтахы. Но он завидовал его свободной, полной приключений жизни в пустыне. В его душе копошились воспоминания о походах отца, он жаждал перемен, путешествий, свободы, степной жизни. Что касается Елека, то его совсем не трогало счастье Ифтахы. Пускай бастард воюет и побеждает с тем блеском, который ему по душе. Пока он делает это вдаль, там, за рекой Ярмук. Если бы он остался на родине, вечно на глазах у людей, неблагонадежные всегда упрекали бы сыновей Зилпы в том, что их интриги погубили брата. Ну, а поскольку он далеко, можно спокойно наслаждаться прекрасными поместьями Маханаима. У него, Елека, от этого — особая радость.

Мать и братья интересовались больше перспективами рода, чем его владениями. Они назначили его управляющим наследными имениями, и он принял на себя эту тяжелую ношу и усердно ездил вокруг, осматривал разбросанные повсюду дома, поля, виноградники, масличные рощи, стада. Приводил все в порядок, улучшал, приумножал. Строил дома и возводил в них новые этажи, рыл каналы и резервуары, исследовал землю и давал указания, что сеять. Он ввозил баранов из долины Эзревль, а быков — из Башана. Покупал у бродячих торговцев полезную утварь и распределял ее. Поля и пашни процветали, дожди шли в нужное время, когда требовалось, грело солнце. При каждом новолунии он с удовлетворением подсчитывал, насколько увеличилось его богатство, и благодарил за это Господа.

Младший брат Шамгар часто размышлял о судьбе Ифтахы. Он ужасался его безбожию и, тем не менее, чувствовал привязанность к этому странному человеку. Ему, Шамгару, скромному и миролюбивому человеку, казалось, что ничего нет хуже, чем жизнь в глуши, в пустыне, и он был убежден, что Господь помутил брату, добровольно выбравшему такую жизнь, разум. Но почему же тогда Бог доверил ему вновь вернуть потерянные северные города? Очевидно, Господь имел какие-то виды на человека, которого он благословлял и одновременно наказывал. Священник Авиам тоже считал, что Господь имел какие-то виды на Ифтаху. Он, Авиам, тогда превратно истолковал решения урим и тумим. Испытание, которому он подверг Ифтаху, было неумным, человеческим, Господь, очевидно, хотел по-другому испытать его. Но в одном, по крайней мере, повлияли резкие слова, сказанные тогда им, Авиамом: молодой человек при всем своем ожесточении из-за мнимой обиды не бежал в палатки аммонитов, откуда пришла его жена, а остался верным Господу и Гилеаду. Нет, Авиам не отказывался от этого безбородого. Правда, часто его мучило долгое ожидание. Ибо он был стар, каждый год мог стать последним, а большая часть его жизни была ожиданием.

Люди из Гилеада много говорили о делах Ифтахы и вспоминали о нем с тоской. Однако не осмеливались высказывать это при сыновьях Зилпы.

Народу жилось хорошо при разумном хозяйствовании Елека. Многие жили лучше, чем во времена старого судьи. Они лучше питались, имели больше предметов домашнего обихода и орудий труда. Однако их удовлетворение было каким-то угрюмым. Сколько ещё будет продолжаться мир? И не следует ли им поставить руководителя, который сможет защитить их от Аммона? Вновь и вновь говорили старейшины, что нужно выбрать нового судью. Но говорили они это без особого подъема. Ибо имя Ифтахы, о котором все думали, оставалось невысказанным, а в Гилеаде не было никого, к кому почтительно и убежденно можно было бы обратиться со словами:

— Мой господин судья...

Так в каждом городе собирались бородачи, управляли, судили, как могли, а если случай был труден, обращались к священнику

Авиаму, госпоже Зилпе или к Елеку. Каменная скамья судьи у ворот Мицпе оставалась пустой.

Так прошло четыре года, прошел и пятый, и все это время на незащищенной, неопределенной границе поджидал умный, полный сил царь Аммона Нахаш. На шестом году нападения аммонитов участились. Далеко в глубине Гилеада опустошали пашни и виноградники, угоняли скот, грабили деревни. И не было судьи, отсутствовала твердая рука, которая могла бы защитить от врага. И тогда горе и страх распространились по стране, и повсюду люди начали вспоминать Ифтаху. Горожане в своих домах, крестьяне в своих хижинах, пастухи у своих костров рассказывали об его делах, городах, о его войске и боевых повозках. Авиам и Зилпа поняли, что место судьи больше не может пустовать.

Вид этой пустой скамьи был обоим приятен. В глубине души они желали видеть его пустым. Зилпа чувствовала себя матерью и госпожой рода, последовательницей тех женщин, которые во все времена руководили Израилем. Авиам, со своей стороны, считал себя тайным судьей, который из шатра Господа руководил Зилпой.

Однако теперь больше нельзя было откладывать назначение нового судьи. Они вызвали Гадиеля. Теперь, когда страна должна считаться с крупным нападением аммонитов, он, воин, должен стать настоящим вождем. Гадиель колебался. Разумеется, он — воин, но не создан быть военачальником и, тем более, судьей.

— Я не боюсь смерти на поле битвы, — объяснил он. — Но не хочу умереть вождем. Когда погибает рядовой воин или даже командир тысячи, предки под землей принимают его охотно, и бог Господь разрешает ему принимать участие в битвах его рода. Военачальник же несет ответственность за все, и если я проиграю битву, я, будучи мертвым, не буду иметь ни одного хорошего часа.

Елек отказался тоже — вежливо и решительно. Из рода Гилеада оставался один Шамгар.

У Авиамы, когда он подумал об этом, захватило дух. Шамгар станет глиной в его руках, и священник испугался, что он использует его скорее для удовлетворения собственной жажды власти, чем на благо рода и во славу Господа. Он был честолюбив и хотел ещё что-то сделать, прежде чем отправиться в пещеру. Он может соблазниться и действовать во вред Израилю. Но как бы он усердно ни искал,

оставался только один Шамгар, и только его можно было посадить на судейское место. Разумеется, то была воля Господа, чтобы род сделал его судьей. Священник покорился.

Однако Шамгар воспротивился. Ему заявили, что он, благочестивый и праведный, единственный из сыновей Гилеада, пригоден для этой должности. Но Шамгар отвечал, что как раз потому, что он благочестив, он знает о своих незначительных заслугах, и у него не хватит наглости командовать другими. Священник заклинал его именем Господа. Шамгар изворачивался всю и, наконец, с несчастным видом, не в силах ни принять предложение, ни отклонить его, покорился. Авиам нашел выход. Он предложил, чтобы Шамгар сначала получил посох судьи. Помазан священным маслом он будет потом, когда докажет свое право на деле.

В этот период он будет нести ответственность лишь перед людьми, но не перед Богом. Ночью в постели худощавая Цилла нашептывала что-то Шамгару, плакала, бушевала. Интриган-священник отказывает ему в посвящении только потому, что хочет оставить скамью судьи пустой для бастарда, служителя идолов. В этих словах звучала бесконечная ненависть. Но для Шамгара они прозвучали утешением. Он любит Ифтаху также, как прежде. Возможно, брат когда-нибудь появится в шатре Господа и освободит его от этой постылой должности.

Он согласился на предложение священника. Шамгар был посажен на место судьи, но без помпы и священного обряда.

Ввиду того что он не дорос до решения других задач, связанных с должностью, он с яростным пылом взялся за искоренение идолопоклонства в Гилеаде. Надежные люди должны были докладывать ему, где на вершинах гор почитаются чужие боги, и он приказывал сжигать столбы Ашторет, сваливать каменные колонны, посвященные Баалу, и священные деревья. Но люди Гилеада боролись за свои деревья. Баали, жившие в них, давали плодородие полям и приумножали численность скота. Люди не хотели оскорблять дружелюбных богов. Иногда они защищались оружием и кулаками, и посланцы Шамгара возвращались, не выполнив задания. Шамгар был полон гнева и печали, но братья выслушивали его без всякого внимания. Елек встал даже на сторону тех, кто сопротивлялся и защищал своего Бааля. Однажды Шамгар сам отправился, чтобы

свалить старый дуб, преступно защищаемый окрестными жителями. Это было сучковатое дерево, ветви которого неожиданно оказали Шамгару сильное сопротивление. Молча, враждебно смотрели люди на старания своего судьи. Никто не помогал ему. Когда же он, потный и мрачный, спустился с горы, никто ему даже не поклонился.

X

В это лето большее, чем обычно, число людей покинуло страну Гилеад и пришло к Ифтаху, чтобы присоединиться к его войску. Они рассказывали, что аммониты все чаще вторгаются в области Гилеада, а новый судья Шамгар не может их защитить. Они рассказывали и о том, что царь Нахаш готовится к нападению следующей весной. Они говорили, что весь народ взывает к Ифтаху.

Ктура ликовала:

— Следующей весной к тебе явятся те, кто называл твою мать потаскухой, а меня — проституткой, — сказала она Ифтаху, — будут целовать тебя в бороду и скулить, прося помощи.

— Ты уж скажешь, — уклончиво ответил Ифтах.

Но Ктура продолжала:

— ...И ты их спасешь, и они представятся тебе маленькими и жалкими. И мы войдем в дом твоего отца, и госпожа Зилпа поклонится нам с тобой, и они будут мыть нам ноги.

— Ты уж скажешь! — повторил Ифтах.

Так же как Ктура, он страстно желал гордой, радостной мести. Но как только он начинал считать дни до своего счастья, к его радости примешивалась горечь. Ему было ясно: весной, когда придут сыновья Зилпы и смиренно попросят о помощи, царь Абир из Башана нападет на города Ифтаха. Ведь только потому, что Вавилон ослаблен войной с Ассирией, Башан мог так долго отказываться платить дань. Однако теперь, когда великий царь Мардук уничтожил войска Ассирии и восстановил величие Вавилона, царь Абир не мог больше противиться его верховному владычеству. Рассказывали, что он уже покорился, и в дороге посланец великого царя, который прибудет в столицу Башана Эдрей, чтобы потребовать присяги на верность и причитающейся ему дани. Как только это произойдет, царь Абир начнет готовиться к войне

и ранней весной выступит в поход, чтобы отыграться на Ифтахе за унижение, которое ему придется вытерпеть со стороны Вавилона.

Весной люди и повозки понадобятся Ифтаху, чтобы сражаться с Башаном. Если даже часть из них он пошлет на помощь Гилеаду, он потеряет свою страну по ту сторону Ярмука. Ифтах охватила ярость. Всей силой своего дикого нрава он противился потере захваченных им земель, и в то же время его сжигало желание помочь тем, в Мицпе.

Пришло известие, что посланец Вавилона принц Гудеа на следующей неделе прибудет в Эдрей. Затем он отправится за Иордан, чтобы и там потребовать от правителей городов присяги на верность и дань.

Дорога, по которой поедет Гудеа, пролегалa через земли, где Ифтах признали защитником. Ифтах придумал отчаянный до безумия план. Чтобы ничего не потерять, ему нужна была только смелость.

Он направил в Эдрей к царю Абиру гонца. Потребовал, чтобы царь заплатил ему три тысячи шекелей за защиту посла Вавилона на дороге через западный Башан. Ифтах не сомневался, что царь откажется платить. В противном случае он признавал власть Ифтах.

Царь Абир вернул посла с отрезанными ушами. Его невежливый ответ обрадовал Ифтах. Теперь он мог реализовывать свой план.

XI

Посланец царя Вавилона принц Гудеа потребовал в Эдрее дань. И получил — в надлежащем размере. По его приказу на рыночной площади воздвигли доску, торжественно провозгласившую власть великого царя Мардука. Затем он отправился к озеру Кинерет, чтобы получить присягу на верность и дань у князей городов Канаана.

Это была почетная и легкая задача. Победа царя Мардука над Ассирией наполнила страхом всю страну — до границ Египта. Старый титул «Царь царей и повелитель четырех стран света» приобрел новый смысл. Потому-то принц Гудеа, посол могущественного властителя, был уверен, что князья городов Заиорданья примут его с должной торжественностью. Он спокойно

продолжал свой путь и принимал поклонение с усталой снисходительностью.

Знатный господин, двоюродный брат царя, был избалованным, утонченным человеком. Его сопровождала большая свита. Два личных слуги, три повара, парикмахер, а также люди, умеющие разбивать палатки. Добавим к списку предсказателя, певца, музыканта, двух писцов, чеканщика и художника. В состав свиты входили также трубач и плашатай, которым предписывалось своевременно объявлять о прибытии высокородного господина и провозглашать его титул — «Уста повелителя четырех стран света». Процессия вела множество животных, в том числе лошадей, и редких, длинношеих, высокогорбых созданий, которых приручили совсем недавно и называли бикрим. Свиту сопровождал немногочисленный вооруженный отряд. Самой сильной защитой считалась высокая должность принца Гудеа. Вооруженные воины использовались лишь для того, чтобы отдавать послу положенные по его чину почести. Царь Башана к молчаливому и высокомерному удивлению принца не догадался усилить почетный эскорт.

На севере страны Тоб путь принца лежал через ущелье между двумя поросшими лесом горами. Ифтах приказал загородить выход из этого ущелья, а, когда в него вошел арьергард процессии, — поставить заслон и у входа. Его люди, надежно укрытые в горах, стрелами сразили коней под всадниками, а потом в ближнем бою обезвредили вооруженную охрану. Все обошлось без большого кровопролития. Воины Ифтаха получили приказ щадить людей принца. Гудеа взяли в плен целым и невредимым и сразу же отправили в убежище в центре страны Тоб.

Многие из свиты принца не успели понять, что случилось. И уж совсем ничего не понимал сам принц Гудеа. Поначалу он думал, что навстречу ему прибыла делегация от царя города Кнаана. Его писцы с трудом объяснили ему, что несколько дикарей, грабителей, полужверей сыграли с его важной персоной глупую шутку. Гудеа почувствовал себя страшно оскорбленным.

Дикари и полужвери обращались с послем великого царя с исключительной вежливостью, к которой примешивалась некоторая доля хитрости. Они вели элегантного господина, постоянно высказывая ему соболезнования по поводу неудобства дороги, через

густой лес, он спотыкался о корни и пни, дело не обошлось без царапин и синяков, его дорогое платье порвалось, когда он, наконец, был доставлен к первому привалу — к какой-то пещере. Там однако к нему сразу же привели его слуг, парикмахера, изготовителя мазей. Появился Пар и извинился перед высоким гостем за то, что тот вынужден довольствоваться купанием в ближайшем пруду. Впрочем, ему постараются создать все возможные условия. Высокий гость горячился, обещая, что царь сдерет шкуру с этого животного сброда, привяжет их к деревьям, прикажет два дня пытаться и отправит затем всех в нижний мир. Пар заметил, что гость изволил превратно истолковывать свое положение. Защитник страны Тоб привел его в это надежное место, чтобы спасти от разбойников и воров. На трапезу ему подадут дичь, которая в многообразии водится в этой стране, и вкусные ягоды.

— Ты — главарь разбойников, дерзкий человек? — спросил принц.

Пар обратился к старому, знающему языки, Толе.

— Я не совсем понял высокого гостя. Не можешь ли ты мне разъяснить, о чем он говорит.

Язык Вавилона, во многом родственный еврейскому, отличался от него, прежде всего, тем, что гортанное «х» заменяло в нем произносимое с придыханием «г». Старый Тола, говоря с принцем из Вавилона, старался теперь произносить это «г» особо изысканным способом. Поэтому иногда оно едва было слышно, и старик извинился:

— У старого человека шелестит ветер там, где дыхание Бога подобно грому...

— Приведи ко мне главаря вашей банды! — грубо потребовал принц. — Хочу объяснить ему, как обойдется с ним властелин четырех частей света, как он обойдется со всей вашей шайкой и с тобой, ты, старая, слабоумная лысина.

Ифтах нанес визит высокому гостю, поцеловал с выражением гадливости на лице отшатнувшегося принца в бороду и оказал ему высочайшие почести. Принц Гудеа описал пытки, которые свершат над ним на глазах всего вавилонского народа. Ифтах не захотел его понять и ответил, что сожалеет о неудобствах, которые принц претерпел во время купания. Принц объяснил, что только

сумасшедший способен так стремительно скакать к своей гибели. Ифтах восхитился печатью принца, изображавшей башню храма Этеменанки в Вавилоне. Принц сказал, что Ифтаху свяжут мохнатой веревкой, чтобы доставить ему ещё больше страданий. Ифтах уверил его, что и завтра обязательно поинтересуется состоянием здоровья своего гостя.

Следующие дни Ифтах провел в страшном напряжении. Что предпримет царь Башана?.. Снова и снова он спрашивал себя, что сделал бы на месте царя Абира. Разумеется, царь сначала попыбует освободить пленника. Однако в дикой стране Тоб было много укромных уголков, и принца можно будет перевозить из одного убежища в другое. Если воинам Башана даже удалось бы найти принца, то Абир должен будет сказать себе, что такой человек, как Ифтах, погибая, не задумываясь, убьет пленника. А это ни при каких обстоятельствах не устраивало Абира. Ибо великий царь, возложив на него ответственность за случившееся, ослепит его, а, возможно, и умертвит. Нет, Абир не станет применять против Ифтаху силу. Он будет с ним торговаться. Царь не посмеет допустить возможности гибели принца. Он выставил бы себя на посмешище, не сумев защитить гостя от «пустых» людей. Ифтах был готов помочь царю, придумав лживую версию, будто бы принц Гудеа — не пленник. Просто задержался в гостях или что-нибудь в этом роде.

Чтобы продемонстрировать царю свою добрую волю, Ифтах сразу же отправил назад пленных воинов Башана, вернув им оружие и снабдив на прощание подарками. Они должны были доложить, что защитник Тоба принял посла как гостя и дал ему охрану для дальнейшей поездки. Если царь Башана хочет узнать об этом подробнее, он может послать своего советника в город Афек. Посредником для переговоров Ифтах назначил Пара и дал ему точные указания.

Время мучительного ожидания Ифтах использовал для посещения принца Гудеа. Он ещё никогда не видел людей такого типа. На принце было платье из тяжелой, искусно вытканной ткани, золотые кольца и браслеты. Его окружало облако благоуханий. Даже в этой глуши, в пещере, он приказывал втирать в его тело мази, прыскать на него эссенции. Его слугам грозила порка, если бы при мытье ног они пропустили бы какую-то часть привычного

церемониала. Прежде чем принять Ифтах, он вызывал парикмахера, и тот причесывал его искусно завитую бороду. Ифтах, поддразнивая гостя, доводил проявления своего почтения к нему до гротеска и всякий раз удивлялся, что принц, привычный к поклонению, не замечает его насмешек.

Пришло известие, что войско царя Абира движется в страну Тоб. Ифтах предполагал, что царь в порыве гнева отдаст такой приказ. И все же испытывал страх. Однако быстро справился с собой. Он рассчитывал, что рассудок царя возьмет верх над эмоциями. Абир опасался угрожать человеку, заложником которого стал представитель великого царя.

Все произошло так, как рассчитывал Ифтах. Через три дня прибыло донесение Пара. Пар докладывал, что воины Башана с полдороги повернули обратно. А ещё через два дня в Афек пожаловал посланник царя.

Все это время Ифтах делал вид, что ему весело. Сейчас он просто сиял от удовольствия. Он одержал победу. Господь вдохновил его, и он совершил то, на что Господь дал свое благословение. Теперь пусть приходит весна. Он не отдаст своих городов. Он спасет и усмирит своих братьев.

XII

Представитель, которого царь Башана прислал в Афек, приказал Пару доложить о положении дел у принца Гудеа.

— Принц, — рассказывал Пар, — в восторге от пустыни Тоб и наслаждается гостеприимством Ифтаха.

Нарочный царя довел до сведения Пара, что могущественный Абир настаивает на том, чтобы посол продолжил путешествие. Пар заверил, что Ифтах, желая угодить царю, готов уговорить гостя. Поверенный царя сразу понял, насколько удобна для его повелителя, да и для посла, эта сказка и спросил, какой ответной услуги ожидает Ифтах.

Пар от имени Ифтаха предложил: царь Башана, которого Ифтах охотно признает своим верховным повелителем, должен подтвердить его права на владение семью городами, и оба князя, торжественно

покаявшись перед своими богами, на три года заключат мир. Ифтах знал, что такая присяга даст ему больше уверенности, чем огромное войско. Ибо для победы над Ифтахом царю Абиру необходимо покровительство бога Бааля. Если он нарушит клятву, оскорбит своего бога, то окажется беспомощным перед Ифтахом и его Господа. Царь Абир противился такому предложению. Он соглашался подтвердить право Ифтаха на владение семью областями, но клятву давать не хотел ни при каких обстоятельствах. В крайнем случае, он готов был поклясться на год. Это были очень трудные переговоры. Но Ифтах стоял на своем. Он не торопился.

Гость Ифтаха, принц Гудеа, извелся от нетерпения. Он окончательно потерял хладнокровие, которое требовалось, чтобы соблюсти правила хорошего тона, и употреблял такие грязные выражения, что старый Тола перестал его понимать. Когда Ифтах посещал принца, Гудеа хранил молчание, поджав губы над искусно завитой бородой.

Принц снова и снова спрашивал своего предсказателя, когда же, наконец, закончится сие недостойное приключение. Знаменитый мастер своего дела Ану утверждал, что Гудеа вернется в Вавилон невредимым и прославленным, однако точную дату не называл. Принц ругался, угрожал, но предсказатель не указывал сроки, не желая позорить свое ремесло. Гудеа не отставал. Тогда Ану объяснил ему, что по звездам можно предрекать будущее только на весьма далекую перспективу. Близкие по времени пророчества свершаются над кубком. А для этого нужна святая вода Великой реки и масло из роц Ашторет... Лишившись возможности узнать, что его ждет, принц стал ещё раздражительнее и проявлял недовольство по каждому, даже самому незначительному поводу.

Находчивый Ифтах привез из Афека бурдюк со святой водой и кожаную флягу с освященным маслом. Принц просиял. И тут же усомнился: действительно ли вода взята из Ефрата, а масло — из роц Ашторет.

— Каким богом я должен поклясться? — спросил Ифтах.

— Твоим, разбойник! — потребовал принц. Ифтах поклялся.

Ану наполнил чашу святой водой Великой реки. Затем налил в неё масло. Движение масла на поверхности воды говорило ему о будущем. Принц жадно следил за тем, как масло растекалось на

островки. Существовало сто тридцать девять различных масляных «рисунков». Принц смотрел и ничего не понимал. Зато признанный мастер Ану прекрасно знал значение каждого и напряженно вглядывался в быстро меняющиеся формы сгустков. В своем ремесле он был безупречно честен, понимая, что за малейшую ложь бог лишит его дара. Поэтому предсказатель готовился сказать принцу истинную правду. Он глубоко вздохнул и заверил повелителя, что он покинет эту страну прежде, чем луна трижды сменит свои очертания.

Итак, принцу предстояло трудное зимнее путешествие по землям Заиорданья, и только перед наступлением лета он увидит город Вавилон. И всё-таки он был доволен. Теперь можно считать дни, которые он должен провести среди этого сброда.

Ифтаху наполняло радостное и спокойное ожидание. Он использовал любую возможность узнать от своих гостей о делах Вавилона. Слушал, как отстраивается буквально кишевший людьми город, получая представление о его прямых улицах, высоких домах, обычаях жителей. Рассказывали гости и о других городах могущественного северного государства — о Сипаре и Акаде, Барсипе и Нипуре, о множестве других, более мелких. Самый маленький из них был крупнее самого большого в Заиорданье.

Ифтаху интересовала информация об управлении государством и его судопроизводстве. Порядок в стране поддерживался с помощью двухсот восьмидесяти двух основных законов, которые великий царь Хамураби восемьсот лет назад приказал высечь на каменных плывах. Они действовали и сегодня, но дополнялись и изменялись, приспособлялись к обстоятельствам.

Такое множество законов, по мнению Ифтаху, во всем ограничивало человека. У него захватывало дух, когда он думал, сколь трудна задача тех, кто управлял государством и удерживал в своих руках власть. Тут недостаточно было вдохновения и умения драться. Царь такой большой страны невольно лишался свободы и должен был отказаться от путешествий по велению собственного сердца.

Ифтах размышлял над пояснениями писцов из Вавилона, и слова Авиама, произнесенные тогда, в шатре Господа, представились ему в ином свете. Он постигал их скрытый глубинный смысл. Они материализовались в его воображении и угрожающе манили. Его утешало, что он пока не обременен должностью судьи, не скован

древними, столь мудрыми и жесткими законами. Он ещё может свободно дышать в своей стране Тоб. Однако, взвешивая груз, который нес на себе великий царь Мардук, сидя на высоком троне города Вавилона, который насчитывал больше жителей, чем весь народ Израиля, Ифтах буквально физически ощущал безграничность его власти. Он требует не меньшего почтения к себе от сограждан, чем Господь — от преданных Ему слуг. Согласно ритуалу, знатные горожане трижды падали ниц и только потом получали дозволение поцеловать его в бороду. Смертная казнь грозила всякому, кто осмеливался заговорить, прежде чем царь подаст знак мановением руки. Достаточно было Мардуку тряхнуть бородой или процедить сквозь зубы несколько слов, в конце концов, выдохнуть царственное «х» — и воины, кони, повозки приходили в движение. Рушились крепкие стены, сгорали города, погибали мужчины, а закованных в цепи женщин и детей уводили в рабство. И всеми действиями царь руководил издали — настолько длинны и сильны были его руки.

Впрочем, эти могучие длинные руки все же не смогли помешать Ифтаху взять в плен знатного господина, принца Гудеа, двоюродного брата царя, выразителя его воли. У него, Ифтаха, не было древних законов и мудрецов, которые могли бы дать ему стоящий совет. Он все рассчитывал и взвешивал сам, и сумел правильно оценить положение далекого царя и свое собственное. Теперь он достаточно силен, чтобы одной рукой защитить свои города, другой — спасти братьев в Мицпе и заставить их подчиниться ему.

XIII

В войске Ифтаха обычно царил бодрый настрой, но теперь его воины были особенно веселы. Мужчины посмеивались над странными пришельцами из Вавилона. Их удивляли изысканные блюда, которые готовил повар принца. Они неуклюже шутили с чужеземцами, ощупывали их платья и одеяла. В общении с ними происходило множество забавных недоразумений. И в стане Ифтаха раздавался раскатистый смех.

Они рассматривали Гудеа, словно льва, посаженного в клетку. Стоило принцу раскрыть рот, как они начинали дразнить его,

подражая его изысканной речи. Старый Тола искал встреч с принцем, при первой же возможности расспрашивал его, стоят ли на месте такие-то дома или башни, жив ли ещё тот или иной знатный господин. Принц с выражением брезгливости на лице отворачивался от Толы. И Тола извинялся.

— Остывшие для молодежи блюда — лакомые куски для стариков, — говорил он.

С любопытством издали наблюдала за странным гостем и Ктура. Врожденное чувство собственного достоинства удерживало её от общения с ним. Смелая шутка Ифтахы тешила её спокойный веселый нрав. Она гордилась, что его хитрость привела к ним в руки столь богатую добычу. И была уверена, что близок день великой мести.

Яале эти дни казались самыми прекрасными в жизни. С жадным вниманием она изучала толпу экзотических людей, отцовских пленников. Они были забавно серьезны. Её интересовали тысячи мелочей. Она расспрашивала Эмина, и тот, многое понимавший из опыта прежней жизни, давал ей пояснения. Она быстро разобралась в манерах и поведении чужестранцев и переняла у них некоторые выражения и жесты.

Ей было четырнадцать лет. Нога давно зажила. Перенесенная болезнь заставила её с удвоенной радостью воспринимать жизненные обстоятельства. Её природная веселость располагала к ней людей.

Яала попросила иноземных музыкантов поучить её музыке. Они привезли с собой арфы, лютни, цимбалы, бубенчики, тамбурины и флейты. Вавилонские музыканты играли и пели ей, танцевали перед ней свои танцы. Их искусство было посвящено служению богам, и они страстно кружились, как Антеранна танцующая звезда. Яала внимательно слушала их, и они рассказывали о чудесном воздействии музыки. Музыка, говорили они, смягчает нрав великанов-дикарей, укрощает львов, те, кто слушает ее, подобны солнцу.

Яала понимала не все слова, однако соображала быстро и совершенствовала свое умение играть с исключительным усердием. Изысканные утонченные вавилоняне удивлялись: как пальцы этой совсем молоденькой девушки могут извлекать из инструментов такие поразительные звуки? Почти со страхом они слушали, как она играет вавилонские мелодии. Девочка наполняла их новым смыслом и сочиняла для них новые слова.

При всех своих способностях Яала оставалась совсем ещё ребенком. Стараясь не обидеть чужеземцев, она все же смеялась иногда над их странностями. Порой её тихое хихиканье переходило в веселый, безудержный смех. Вавилоняне огорчались, но долго не могли противиться её неукротимой веселости и начинали тоже смеяться.

Яала была уверена, что отец подарил ей этих людей из Вавилона чудесных товарищей для игр. Она уважала Ифтаху все больше и больше. В её глазах он был величественнее героев и полубогов, о которых рассказывали ей Тола и Эмин. Она представляла, что взять живыми в плен этих ученых, искусных, забавных господ было гораздо труднее, чем убивать крылатых змей и огнедышащих драконов. Отец для неё был богом в пустыне. Каждый, ступивший на землю Тоб, ему подчинялся. А как весел был этот божественный человек! Когда он смеялся, его смех достигал самого неба.

Она сочинила песню об отце, подобную прославлениям богов, которые исполняли пленники из Вавилона. Также как в напевах Вавилона, в песне Яалы звучала хвала величию, но в ней было больше света и ликования. Яале самой понравилось то, что у неё получилось, однако она не осмелилась исполнять свою балладу перед чужими и спела её только Эмину.

XIV

Больше всех в свите посла Ифтаху притягивал скульптор Латарак. Он сопровождал принца, чтобы запечатлеть в глине или камне достойные памяти события. В глиняном рельефе, например, он изобразил, как царь Абир из Башана в Эдрее присягал на верность представителю царя царей. Могущественный Абир казался маленьким рядом с величественным Гудеа, а два плашатая трубили в горны.

Ифтах внимательно разглядывал рельеф и удивлялся. Вылепленный из глины принц Гудеа, сидевший здесь на троне, был как две капли воды похож на настоящего, с которым Ифтах ежедневно вел беседы. Он также надменно и изящно держал голову. Также элегантно смотрелась его вытянутая, чтобы казаться выше, фигура. Этот Латарак, названный в честь звезды (значение слова —

сладостный, медовый), владел искусством обращать бранных людей в глину и камень, и их изваяния переживали живую плоть.

— Как делаешь ты это, чужеземец? — не без страха спрашивал Ифтах.

Художник был обходителен. Ифтах, это необычно интеллигентное создание пустыни, нравился ему. Восхищение этого человека явно ему льстило. Латарак даже здесь, в пустыне, работал со страстью. На глазах затаившего дыхание Ифтаха, он превращал живое в глину и камень. Он лепил не только зверей, деревья, растения, но и события, вызванные его памятью. Резец в его руке двигался быстро.

Летели минуты, и вот — жизнь уже воплощена в камне. Торжественно жрецы поднимались по ступеням впивавшейся в небо Этемананки — Вавилонской башни. Царь с топором в руках закладывал фундамент храма. Крылатый бог с головой орла вел героев на битву. Властелин охотился на львов. Он, стоя в запряженной тремя конями повозке, натягивал лук и целился в зверя. Рельефы Латарака представляли разные истории. Слева, к примеру, он изображал город, стены которого рушились под мощными ударами, в центре вооруженные воины вели пленных и скот, справа писцы подсчитывали размеры добычи. Особенно взволновало Ифтаха глиняное изображение умирающей львицы. В ревущем звере все ещё чувствовалась чудовищная сила, в тело его впились три копья. Ифтах охватило чувство триумфа, как будто бы он сам был охотником, ранившим зверя. И — сострадание. Он жалел это красивое издыхающее животное.

Любитель пошутить, художник сказал Ифтаху:

— Если ты, гостеприимный еврей, немного постоишь, не двигаясь, я вылеплю твой образ из глины. А если твое гостеприимство продлится достаточно долго, я попробую высечь твою фигуру из камня.

— Не хвастаешь? — засомневался Ифтах. — Ты сможешь сделать мое изображение таким, что каждый меня узнает?

Приготовили глину. Художник поковырялся в ней, и глина ожила. Из неё постепенно поднимался Ифтах, шагая весело и смело, выставив вперед квадратную бородку. Львиное лицо с плоским носом на рельефе Латарака вылепил в профиль. Но на нем прекрасно читалось

присущее Ифтаху хитроумие. Ифтах во плоти осмотрел глиняного Ифтаху с удовлетворением.

Да, это Ифтах, сын Гилеада и Леваны, Ифтах-бастард, Ифтах — младший и самый любимый сын судьи, Ифтах, взявший в плен двоюродного брата, друга и советника короля Мардука... — отметил он.

А в глубине души решил, что когда-нибудь художники вылепят рельефы, на которых князья родов и кланов будут стоять перед ним такие же ничтожные, как в рельефе Латарака царь Абир — перед посланником властелина четырех стран света.

Новая работа Латарака вызвала в душе Ифтаху честолюбивые желания. Он всегда завидовал тому, что у армий Аммона, Моава, Башана есть свои знамена, которые они возили с собой во время войн. Когда в ходе боя наступал опасный момент, люди спасали знамена с древками, увенчанными свинцовыми львами, змеями или изображениями других животных, а порой и изображениями богов, которые принимали участия в битвах. Как только знамя появлялось на поле сражения, вокруг него собирались воины. Нередко случалось, что знамя меняло боевую ситуацию... У Гилеада таких знамен не было.

И Ифтах решил обратиться к Латараку с просьбой.

— Окажи мне услугу, искусный человек! — сказал он. — Сделай из свинца герб на древко знамени моего войска.

Латарак с оттенком насмешки в голосе спросил:

— Какого бога тебе изобразить?

— Моего... — ответил Ифтах. — Мой Бог — молния и облако, облачный и огненный столб.

Художник прикрыл глаза и задумчиво произнес:

— Облако и огонь, сверкающие свинцом... Это необычная идея. Сделав такое, я, наверное, угожу твоему богу, и он укрепит огнем и силой твоих воинов.

— Так ты сделаешь мне знамя? — горя нетерпением, спросил Ифтах.

— Попробую, дикий еврей... — ответил Латарак. — В Канаане можно достать свинец и все необходимое для литья иковки. Если не удастся, я мог бы выполнить твой заказ, когда вернусь в Вавилон.

— Я буду тебе очень благодарен... — вкрадчиво произнес Ифтах.

— Вся благодарность стоит тысячу шекелей... — уточнил Латарак.

— За тысячу шекелей можно купить боевую повозку, — проворчал Ифтах.

— Купи повозку, — смиренно согласился Латарак. Немного подумав и взвесив, что волшебное искусство этого человека стоит тысячи шекелей, Ифтах согласился.

— Я дам тебе тысячу шекелей, художник...

Тем временем в Афеке Пар и представитель Башана пришли к соглашению. Ифтах должен признать царя Абира своим верховным властелином. Он привезет своего гостя, принца Гудеа, в то самое ущелья, откуда его похитил, и снабдит его вооруженной охраной. Со своей стороны, царь Абир подтверждает право Ифтаха на владение западным Башаном и торжественно клянется три года соблюдать мир. Кроме того, он заплатит Ифтаху три тысячи шекелей, которые придется потратить на охрану принца, и ещё тридцать шекелей штрафа компенсацию за уши, отрезанные у посланца страны Тоб.

Царь Абир и Ифтах встретились на границе владений, под деревом, которое было священным — не то для Господа, не то для Бааля. Ифтах оделся просто, и сопровождали его только двадцать один воин его личной охраны. Царь Абир прибыл в сопровождении трехсот человек, с большим обозом и множеством коней. Царь, настоящий эморит, был выше Ифтаха на целую голову. Держался он холодно, надменно, но вежливо и позволил Ифтаху поцеловать себя в бороду. И даже наклонился, чтобы оказать ему честь. Писцы прочитали текст соглашения, Абир и Ифтах скрепили его своими печатями. Затем произнесли клятвы, принесли жертву и, поклонившись богам, Господу с Синая и Баалу из Башана, отправились к трапезе — откусать мяса жертвы и выпить вина, смешанного с её кровью. Поднялись, поцеловались на прощание, пожелали друг другу мира и счастья и расстались. Абир отправился на северо-восток, Ифтах — на юго-запад.

Воины Ифтаха с удивлением наблюдали, как могущественный царь Башана обращается с их Ифтахом, как с равным. Они ликовали. А сам Ифтах держался скромно и старался не выказывать своей безграничной радости.

Вернувшись домой, он продержался так весь первый день. Потом, когда люди отправились спать, он взял Пара за руку и увел его от стана на достаточное расстояние, чтобы никто не услышал, о чем они будут говорить. Тут он дал волю своим чувствам, похлопал друга по плечу и хриплым от радостного возбуждения голосом сказал:

— Ну, разве плохо мы это проделали, Пар?! Я нахожу, что все здорово! Все просто отлично, муж моей сестры!..

Он слова хлопнул Пара по плечу, махнул рукой, громко засмеялся, топнул ногой и закружился в диком танце. Потом обнял Пара и потащил его танцевать. Пар не сопротивлялся... Так праздновали они в ночи радостную, очень важную для них победу над Башаном и Вавилоном.

Писцы и советники убедили принца Гудеа, что он отклонился от намеченного пути в пустыне по собственному желанию, которое, когда он спал, внушил ему Бааль. В конце концов, принц согласился, что пребывание в стане Ифтахы было веселым приключением, и приказал записать всю эту историю в назидание потомкам. Он пришел в отличное расположение духа и даже принял участие в прощальной трапезе.

На следующий день Ифтах лично проводил его до ущелья, на то место, где они впервые встретились. Там их уже поджидали странные животные, одногорбые верблюды, которых до этого момента держали в Афеке. Под радостные крики провожающих процессия принца Гудеа продолжила путь в Заиорданье.

Все это случилось на шестом году пребывания Ифтахы в пустыне.

Глава третья

I

В седьмую весну пребывания Ифтаху в пустыне царь Аммона Нахаш напал на Гилеад.

Гадиель от имени судьи Шамгара призвал всех мужчин, способных носить оружие, прибыть в Мицпе. Костры, которые виднелись в горах, предупреждали об опасности. Гонцы повсюду объявляли строгие приказы Гадиеля. Он сам подгонял медлительных и нерадивых. Однако люди не доверяли ему и не спешили в Мицпе, всем своим видом выражая неудовольствие. Среди способных носить оружие на севере, которому опасность не угрожала, многие нашли причины, чтобы остаться дома. Пусть неубедительные.

Аммониты появились на подступах к городу Иокбеа. Город открыл перед ними ворота без сопротивления. Они подошли к Язеру. Город защищался. Царь Нахаш захватил пруд и родники, и люди Язера оказались без воды. Он приказал уничтожить виноградники и вытоптать поля. И, наконец, разрушил городские стены. Воины Нахаша получили приказ убить всех мужчин, а женщин и детей взять в рабство.

Затем вооруженные отряды аммонитов предприняли наступление на Элеали. Этот город располагался вблизи знаменитого Хешбона. Хешбон был столицей страны во времена эморитов. Израиль, напав на Заиорданье, разрушил Хешбон, и вожди решили, что он навечно должен остаться лежать в развалинах — в знак великой победы. Праотцы Гилеада вместо него построили неподалеку Элеали и окружили его укреплениями. На многие поколения он стал столицей Гилеада.

Итак, царь Нахаш собирался взять приступом эту крепость, дорогую всему Гилеаду. И если он возьмет ее, то, несомненно, направится в Мицпе.

И теперь вся страна от гор Гилеада до горы Нево, от реки Ярмук до реки Арнон, взывала к Ифтаху. Из всех городов в Мицпе приезжали

старейшины и требовали, чтобы сыновья Зилпы призвали его обратно. Особенно бурно настаивали старейшины Маханаима, хотя этому, расположенному на севере, городу, серьезная опасность не угрожала. В конце концов, и старейшины Мицпе потребовали, чтобы Ифтах стал военачальником. Однако Зилпа в бессильной злобе и слышать об этом не хотела. Шамгар же просто молчал.

Священник Авиам, в свое время превратно истолковавший решение Господа, был доволен, что обстоятельства позволили ему исправить ошибку. Последние события показали всем, что Господь отвернулся от сыновей Зилпы. Теперь он явно расположен к Ифтаху. Он, Авиам, поступил правильно, не освятив должность Шамгара и оставив место для человека, которому он сам дал имя: «Господь открывает». Он сухо потребовал от сыновей Зилпы, чтобы они в эту тяжелую годину вызвали Ифтаха руководить Гилеадом. Кроткий Шамгар мрачно спросил:

— Мы не рассердим Господа, если сделаем вождем нашего войска человека, который не отказался от фальшивых богов Аммона?

Зилпа, бледная от гнева, повелительным тоном произнесла:

— Ты хочешь унижить нас, первосвященник Авиам? Нас и себя самого... Повторяю тебе: унижаться мы не станем.

Авиам резко ответил ей:

— Я не требую, чтобы Ифтаха приглашали твои сыновья. Пусть к нему идут бородачи из Маханаима — его друзья.

Так они и сделали.

II

Ифтах не поднимал шум по поводу своей победы над Башаном. Поэтому у принца Гудеа не было причин рассказывать всем о своем приключении. Несмотря на это, слава Ифтаха гремела громче труб, возвещавших о славе великого царя в Заиорданье. Для своих людей он стал героем, полубогом.

Наступила зима. Седьмая зима Ифтаха в пустыне — долгая и жестокая. Однако Ифтах не торопился. Со злобным удовлетворением он ждал событий, которые должна была принести весна.

Прежде всего, она принесла Ифтаху знамя, созданное художником Латаракком. Честный Латарак за тысячу шекелей постарался выполнить работу на совесть. И Ифтах, быстрее, чем ожидал, получил свинцовое изображение. На нем из облака полыхала молния Господа — яркая, прекрасная, внушающая страх. Оно наполнило сердце Ифтаха жгучей радостью. Долго, с зелёными искорками во взгляде, он рассматривал произведение художника. Теперь он видел, что Господь — его Бог. Он принадлежит Богу, а Бог принадлежит ему.

Он держит его в руках, он добился его, пожертвовав многим, и заплатил за него много денег. С тех пор как между ним и Башаном был заключен договор, он уже не скрывал свое местопребывание. Он приказал повсюду, где бы он ни находился, водружать знамя — даже в пустыне перед его палаткой или пещерой. Он никогда не был трусливым, но теперь под защитой своего Бога чувствовал себя уверенным и гордым вдвойне.

Этой же счастливой весной пришли с юга люди и принесли весть о нападении аммонитов на Гилеад. Ифтах выслушал сообщение в своей палатке в присутствии Ктуры.

Ночью Ктура сказала:

— Не могу спать в предвкушении счастья. Я думаю о Мицпе, о госпоже Зилпе. Она наверняка тоже не спит — но не от счастья, от горя. Её сердце ploжет стыд.

Теперь дни Ктуры наполнились страстным ожиданием, а серые глаза на смуглом, худощавом лице сияли счастьем.

Наконец появились отцы семейств из Маханаима. Они не нашли Ифтаха в стране Тоб. Он, и, может быть, это была шутка, поехал в город Афек. Они приехали в Афек, но опять его не застали. Нашли там только его коней и боевые повозки. Увидев снаряжение Ифтаха, они сказали друг другу:

— Неужели человек, которому все это принадлежит — наш Ифтах, сын Гилеада, который ушел к бродягам? Это же царь северных стран...

Ифтах, когда они, наконец, появились перед его темно-коричневым шатром, сердечно приветствовал их.

— Тот прощальный праздник нашего союза был прекрасен, — произнес он, предавшись воспоминаниям. — Вы скучали по мне хоть

немного?.. Как идут дела под началом моего сводного брата Елека? Наверное, он вместе с потом выжимает из вас последний шекель?

— Он умеет считать, твой брат Елек, — ответили старейшины. — Вырвет из-под ног последнюю рогожу, если не будешь начеку. Но с ним можно договориться. Надо отдать ему должное — он знает толк в рытье колодцев, строительстве домов, в разведении овец и крупного рогатого скота... Но мы пришли не из-за Маханаима. У нас — беда. Весь род Гилеада в опасности. На нас напали дети Аммона.

Ифтах задумчиво, с напускной любезностью сказал:

— Я слышал, что царь Нахаш захватил Иокбеху и Язер. Он действительно разрушил город Язер и уничтожил нивы и виноградники?! Правда ли, что он начал осаду Элеале?

— Правда, — горестно вздохнули бородачи. — И, может быть, сейчас, пока мы говорим с тобой, Элеале уже взят. Неужели ты хочешь увидеть, как будет захвачен Мицпе, как Аммон будет властвовать в стране вместо Гилеада? У нас с тобой союз, Ифтах...

— Да, у меня союз с Маханаимом, который находится далеко на севере. Думаю, аммониты вынудят вашего судью Шамгара подписать мирный договор задолго до того, как появится угроза Маханаиму.

— Неужели ты хочешь, чтобы твой меч дремал, в то время как страну Гилеад завоевывает бог Мильком и изгоняет Господа? — увещевали Ифтаха старейшины.

Проявляя нетерпение, он ответил:

— Если Маханаиму будет грозить опасность, я приду и помогу, как обещал. Но с родом Гилеад у меня нет союза. Род Гилеад, как вам известно, изгнал меня. Вы здесь не у одного из князей Гилеада. Вам известно, что я и мои люди — анашим реким, пустые, опальные, бродячие, никчемные люди.

Старейшины снова вздохнули:

— Не издевайся над нами, Ифтах, сын наш и брат! — сказал один из них. — Вспомни, как горела у нас земля под ногами, когда те из Мицпе так плохо поступили с тобой! Ты — умен и прекрасно знаешь, как обстоят дела с Гилеадом. Только пожелай: хочу снова владеть своим домом и пашнями в Маханаиме, и на межевых камнях опять вырежут твое имя.

— Это похоже на моих законнорожденных братьев, — добродушно заключил Ифтах. — Когда приходит нужда, являюсь я с

людьми, конями и повозками и прогоняю для них врага, а когда наступает хорошее время, они пожирают жир, а меня прогоняют прочь.

Он от души рассмеялся. За ним засмеялись его люди и, наконец, засмеялись и отцы семейств из Маханаима.

— Мы приехали не просто поболтать с тобой, Ифтах, — вновь обратился к нему бородач. — Нас прислали твои братья. Они призывают Господа в свидетели, что впредь будут считать тебя законным наследником Гилеада.

— Ешьте и пейте, мои дорогие друзья из Маханаима! — насмешливо, но твердо проговорил Ифтах. — Я устрою для вас трапезу, насколько позволит пустыня. А затем возвращайтесь к сыновьям Зилпы, которые прогнали меня, и скажите им: если хотят вернуть меня, пусть собираются в дорогу. Первосвященник Авиам и госпожа Зилпа могут остаться дома, если для их старых костей дорога покажется трудной. Но мои братья должны явиться сюда. И скажите им: разговор будет резким. Если они не хотят заплатить настоящую цену, пусть лучше остаются дома...

Зилпа и её сыновья мрачно выслушали людей из Маханаима, передавших им устное послание Ифтаха, и с трудом заставили себя выдать слова благодарности. Они послали за Авиамом, чтобы получить дельный совет.

Первосвященник пришел. Проследовал через широкие ворота. Пересек двор. Елек приказал основательно перестроить и расширить дом отца. Вокруг большого двора теперь стояли три строения. В одном из новых домов жил Гадиель, в другом — Елек. К крыше главного здания, оставленного матери и семье Шамгара, вела красивая наружная лестница, защищенная, как и вся крыша, перилами. Первосвященник, поддерживаемый Шамгаром, поднялся по лестнице.

И вот на плоской крыше сидели Авиам, Зилпа и её сыновья. Стоял ясный вечер. Они любовались своим красивым двором — как долго ещё он будет им принадлежать? И видели перед городом шатры сыновей Гилеада. А дальше, до самого горизонта виднелись лишь палатки Аммона. Царь Нахаш взял древнюю столицу Элеале, разрушил её и теперь раскинул лагерь у холмов Мицпе.

— Боюсь, братья мои, что нам нужно брать ноги в руки и отправляться в страну Тоб... — нарушил общее молчание

рассудительный Елек.

Однако Зилпа тихо, но упрямо, оборвала его речь:

— Неужели вы хотите вторично унизиться?! Идолопоклонник издевается над вами. Он предупредил, что плата будет очень высока. И потребует цену, которую заплатить невозможно... Не ходите к нему! Доверьтесь Господу, сыновья мои! Веди свои тысячи в бой, Гадиель, как сделал бы твой отец Гилеад! А ты, Авиам, вытащи из шатра Господа святой ларь, доверь его судье Шамгару, чтобы Бог сопровождал наших людей в бой и оказал помощь там, где у нас мало воинов.

Страстность Зилпы тронула Гадиеля и Шамгара. Они ощутили искушение последовать зову матери. Однако Авиам воспротивился.

— Господь ещё не выдал нас Аммону, — сказал он. — В своей милости Он отдаёт нас в руки Ифтаху, который и в пустыне остаётся сыном Гилеада. Собирайтесь, Гадиель, Елек и Шамгар в пустыню, в страну Тоб, и привезите сюда вашего брата.

В сопровождении одного слуги сыновья Зилпы выехали в страну Тоб. Путешествие было трудным. Северные дороги ещё не высохли, полноводные реки выходили из берегов. Слишком мало было мест, где можно было их пересечь. Лошади ступали осторожно, нащупывая почву под ногами. Но братья не думали возвращаться. Они спешили добраться до пункта назначения.

Когда они появились, Ифтах, казалось, был один в своем тёмно-коричневом шатре. Часть шатра отделялась занавесом. Ктура стояла за ним, прислушиваясь к разговору.

— Мир тебе, Ифтах! — приветствовали хозяина сыновья Зилпы.

— Теперь вы заговорили о мире, — съязвил Ифтах. — А раньше, признайтесь, надеялись больше не увидеть меня. Разве не вы отсекли меня от рода, чтобы я засох, как отрубленная ветвь?

— Все было не так, — степенно промолвил Елек. — Мы не выгоняли тебя. Ты сам принял решение покинуть Гилеад.

— Да, я принял такое решение, — ответил Ифтах. — А ваше — привело вас сюда.

— Давай не будем спорить, — попросил его Елек. — Мы попали в беду. Ты знаешь об этом. И я подтверждаю:

нас пригнало сюда несчастье, и помочь нам можешь только ты.

Ифтах наслаждался унижением Елека. То же самое ощущала и Ктура, стоя за занавесом.

И он продолжал издеваться.

— Ах так, братья мои! Вы оказались в беде? Почему бы вам не поступить также, как я... У меня только семь владений по ту сторону Ярмука, а у царя Башана — семь раз по семь. Я заключил дружеский союз, и царь Абир вынужден был поклясться своим богом Баалем. И вот теперь я прочно сижу в своих владениях. Почему же вы не хотите заключить договор со своим царем из Аммона?

Братья угрюмо молчали. А Ифтах, не переставая, дразнил их:

— Теперь вы видите, кого благословил Господь, вас, законнорожденных, или меня, бастарда? Должен сказать вам, что я расширил границы Израиля. Семь городов в Башане принадлежат мне и Израилю. А вы не можете удержать без меня страну Гилеад, и Аммон господствует на востоке и юге. Господь отвернул от вас свой лик.

Шамгара огорчали насмешки брата, но он был тронут силой его слов и гордостью, которая в них звучала.

— Не таи на нас злобу, Ифтах, — примирительно сказал он. — Я никогда не был твоим врагом и искренне сожалею, что мы оскорбили тебя. Но мы сделали это по велению Господа, потому что ты не хотел отказаться от чужих богов. Тебе дали время раскаяться и вернуться, но ты не захотел остаться с нами.

Елека раздосадовало проявление слабоволия брата, и он вмешался, чтобы тот окончательно все не испортил.

— Не сотрясай понапрасну воздух, Шамгар! — обратился к нему Елек. Нам не устоять против ярости этого человека, которая копилась в нем семь долгих лет... А ты, Ифтах... Хочешь усладить свои уши и сердце? Так вот, я повторяю: мы нуждаемся в тебе, очень нуждаемся. Предоставляю тебе право назвать свои условия. Ты потребуешь от нас, может быть, больше, чем стоит твоя услуга. Что ж, требуй!..

— Хочу, чтобы под мое командование перешли все тысячи Гилеада, сказал Ифтах.

Гадиель стиснул зубы, чтобы сдержать крик возмущения. Однако Елек спокойно ответил:

— Ты сказал, мы слышали... Да, это слишком много. Но будет так, как ты хочешь.

Ифтах был вполне удовлетворен. Негромко, но четко отчеканивая каждое слово, он произнес:

— Если я, придя в Мишей, сумею отбросить от города войско царя Аммона, я буду претендовать на судейское кресло нашего отца Гилеада...

Гадиель уже не мог сдерживаться, но Елек приказал ему молчать.

— Сейчас речь идет о войне, — сказал он Ифтаху. — В военное время твое слово в Гилеаде — закон. О том, что будет дальше, поговорим позднее.

Ифтах рассмеялся.

— В коварных устах моего законнорожденного брата это предложение звучит справедливо. Позже!.. Это — когда враг будет побежден... В таком случае, я не буду помогать вам. Не хочу, оказав помощь, снова стать бастардом и изгнанником.

Теперь вместо Елека ему ответил Шамгар:

— Я не хотел принимать должность судьи. Каждый подтвердит тебе это. С облегчением вздохну, когда Господь снимет с меня этот груз. Но именно Он, Господь, не человек, должен сделать это.

Ифтах сочувственно усмехнулся.

— Благочестивый, задумчивый брат...

И, обратившись к остальным, твердо сказал:

— Я пойду в Мицпе! Без меня Гилеад не спасти. Но я возьму с собой только две сотни. Лишь после того, как вы и первосвященник поклянетесь в шатре Господа, что выполните мои условия, я призову в Мицпе всех своих воинов.

Елек колебался.

— По-твоему, Аммон будет ждать так долго?.. Исполненный гордости и уверенности в себе, Ифтах вспылил:

— Когда царь Нахаш услышит, что приближается Ифтах, он ещё подумает, нападать ему или нет... Впрочем, хватит болтать. Или вы скажете «да» в ответ на мои требования, или — убирайтесь восвояси, и сами справляйтесь с Аммоном!

— Именно этого мы и хотим! — выкрикнул Гадиель и двинулся к выходу из палатки. Однако Елек приказал:

— Успокойся, Гадиель!

И с горечью констатировал, обернувшись к Ифтаху:

— Мы у тебя под пятой.

Но Ифтах уже пришел в себя, и он сказал спокойно:
— А разве вы не переступили через меня тогда, мои братья?
Ктура засмеялась за занавесом.

III

Ифтах передал командование войском и управление своими северными владениями Пару и в сопровождении Эмина отправился на юг. Старый Тола настоял на своем — его он тоже взял с собой.

Ифтах приказал высоко нести впереди своего небольшого отряда знамя с изображением сверкающей из-за облаков молнии. Как и собирався, он повел за собой на юг всего две сотни воинов.

Повсюду его встречали с ликованием и почетом. Старейшины городов выходили ему навстречу, дорогу устилали ветками и цветами, и воздух наполнялся громкими приветственными криками.

Так, героем и победителем, он проехал страну Гилеад. Когда он прибыл в Маханаим, старейшины предложили ему переночевать в доме Гилеада, в котором он провел большую часть своего детства и юности. Этот дом снова принадлежал ему. Но Ифтах отказался. Он не хотел слишком откладывать свой приезд в Мицпе. Однако он осмотрел дом и с насмешливым удовлетворением заметил, что Елек предусмотрительно и со вкусом его расширил.

Тола опять стал старшим слугой и сразу же вступил в свою должность. Осмотрел дом, семена мелкими старческими шажками, приговаривая:

— Там, где нет хозяйского глаза, крошится камень. Но ничего не раскрошилось и не было в запустении.

Тола огорчился. Он проворчал что-то на вавилонском языке, проглатывая звук «х», и отругал дураков, которые его не поняли.

Тем временем Ифтах со своими двумя сотнями проехал по дороге, по которой шел после унижения на рыночной площади Мицпе и в шатре Господа. На подступах к городу его приветливо встретили отцы семейств Мицпе.

— О, Ифтах, сын Гилеада, ты жил в стране Тоб, но на самом деле ты все это время пребывал в наших сердцах, — говорили они.

Старейший из старейших, древний старик Менаше, тоже вышел ему навстречу и сказал прерывающимся, едва слышным голосом:

— Я удостоился дожить до этого момента! Разве не я повторял, что ты очень — удачный сын?.. Теперь я готов спуститься в пещеру и сообщить моему другу Гилеаду, что он может не беспокоиться за любимого сына, на лбу которого сияет благословение Господа.

Но Ифтах сам хотел поговорить с отцом. Прежде чем объявиться перед стенами Мицпе, он с несколькими людьми спустился к пещере Обот, приказал отодвинуть камни, запиравшие вход, и вошел в царство мертвых. В сумеречном свете, вдыхая прохладный, с неприятным запахом, воздух, он пробрался к тому месту, где его отец обрел вечный покой. Он решил вести себя смиренно; ему хотелось увериться в благосклонности отца, получить его благословение перед тем, что ожидало его впереди. Однако ему не удалось усмирить свою гордыню, которая распирала его грудь, когда он заговорил с покойным:

— Я не буду поступать, как ты, отец мой и господин, — тихо, но с триумфом произнес он. — Я не позволю диким страстям овладеть моим разумом. Я обуздаю себя. Смотри, чего я достиг, потому что умел ждать и не удовлетворять свои потребности, когда мне хотелось. Посмотри на меня, мой покойный отец и господин, и благослови своей костлявой рукой. Я был изгнанником; твои злые сыновья, жаждавшие власти и богатства и бедные духом, прогнали меня, твоего любимого сына, самого младшего, к пустым людям. Однако я собрал вокруг себя хорошее войско, и оно стало частью меня — моей ногой и рукой. Я поднялся на огненную гору, где живет Бааль из Башана, объявил ему войну и отобрал у него семь больших, красивых городов вместе с окрестностями. Я перехитрил и принудил к миру гордого царя Башана, заставил злую Зилпу и моих недостойных сводных братьев вызвать меня назад, чтобы я поправил дела, в которых они запутались. Кажется, что между моим отъездом и приездом прошла вечность, но на самом деле это всего семь лет. И ты увидишь, мой любимый отец и господин, что последующие семь лет будут ещё лучше. Имя, которое ты мне дал: «Господь открывает», должно обрести подлинный смысл. Когда я сяду в твое судейское кресло, начнется новое время. Время и годы будут измерять по делам твоего сына Ифтаха. Люди будут говорить: «Это произошло на пятом году судейства Ифтаха в Израиле».

Поговорив с отцом, Ифтах отправился в Мицпе. У городских стен его ждали братья. Они поцеловали его в бороду и спросили, как поживают жена и дочь.

— Вы скучаете по моей Ктуре? — ответил он. — Что ж, вам придется немного подождать. Жена и ребенок только тогда придут в Мицпе, когда подступы к нему очистятся от врагов.

Ифтах окружил ликующий народ. Каждый старался дотронуться до благословенного. Ему предложили жить в доме отца, но он опять отказался. Он предпочел разбить лагерь перед стенами города и расположиться в нем вместе с двумя сотнями своих воинов и жителями Гилеада, способными носить оружие. Перед его шатром сверкало, развивалось на ветру знамя, которое впредь должно было стать знаменем Гилеада.

Прежде всего Ифтах собирался побеседовать с первосвященником Авиамом и заключить клятвенный союз с братьями.

Когда Ифтах вошел, Авиам извинился, что не встал с ложа, не вышел встретить его. Священник остался в памяти Ифтаху маленьким и дряхлым, но был потрясен, когда увидел перед собой кусок старого, сморщенного мяса.

— Наклонись ко мне, Ифтах, сын мой, — сказал старик, и его голос по-прежнему прозвучал громко и звонко, — чтобы я мог поприветствовать тебя...

Ифтах наклонился. Большие, внимательные глаза священника не утратили своего блеска. Авиам подмигнул ему, и Ифтах впервые за долгое время почувствовал себя неуверенно.

Авиам был готов к этому разговору. Все семь лет, что Ифтах прожил на севере, он часто в душе спорил с ним. Тогда он блестяще обрисовал перед этим диким человеком священный план объединения Израиля. Казалось, тот его понял. Однако, едва оставив шатер Господа, вместо великих дел выбрал жену-аммонитку. Господь отказал Ифтаху в высшей милости — в знании, а он, Авиам, много познавший, мог чувствовать себя сильней собеседника. Однако когда Ифтах нагнулся к нему и священник физически почувствовал его близость, его превосходство словно растаяло. В этом Ифтахе присутствовала какая-то двойственность, которая запутывала священника.

— Признаюсь тебе, — заговорил Авиам, — я обманул тебя тогда. Ты был прав. Господь подал знак, что признает тебя законным сыном

Гилеада...

— Я рад, господин первосвященник, — не без иронии ответил Ифтах, — что тебе удалось победить свои сомнения.

Вид человека, некогда предлагавшего ему прогнать жену, раздражал его, и он продолжил, теперь уже с откровенным вызовом:

— Говорю тебе сразу: хотя я не принял в свое войско ни одного человека, не вступившего в союз Господа, от жителей семи городов Башана я этого не требовал. Тысячи людей там признают Бааля и Ашторет, и я не разрушил ни одной святыни Бааля.

Священник взял себя в руки.

— Территория Гилеада простирается до реки Ярмук, — сказал он. — Все, что ты сделал или не сделал по ту сторону реки — твоя забота и Господа. Об этом спорить с тобой я не буду.

Его голос стал мягче, теплей.

— Если бы ты верил, что я по-прежнему твой друг! Тебя благословили бы не только мои руки, но и губы.

Ифтах и не считал священника своим врагом. Более того, верил, что благословения священника принесли ему победу во многих предприятиях. Но предоставить Авиаму возможность поймать его во второй раз... Никогда!..

— Я — не враг тебе, — проговорил Ифтах решительно. — Но ты был более жесток со мной, чем Бог.

— Господь был к тебе милосерднее, чем к другим, — смиренно сказал Авиам. — Сердце мое радуется, что он защитил и благословил тебя...

Пришли братья. Первым взял слово Елек.

— Весь Гилеад, — подчеркнуто вежливо сказал он, — радуется твоему решению помочь нам и выступить против Аммона.

— Я ещё ничего не решил, — лаконично ответил Ифтах. — И ты прекрасно это знаешь, словоблуд. Сначала вы должны твердо поклясться мне здесь, в шатре Господа, как мы договаривались в моей стране Тоб. Только тогда я возьмусь за дело.

— Ты нам не доверяешь, — огорчился священник.

— Я откровенен в словах и мыслях, — отрезал Ифтах.

Но вы научили меня недоверию. И я хочу услышать недвусмысленную клятву, в которой прозвучит признание, что я законный наследник и любимый сын своего отца.

— Повтори свои условия, брат мой, выразив их коротко и ясно, деловито сказал Елек.

— Во-первых, — заявил Ифтах, — клятвой и соответствующей записью вы утвердите меня во владении домом и пашнями в Маханаиме. А также, поскольку я был любимым сыном нашего отца — и во владении родовым домом здесь, в Мицпе.

Елек не терял хладнокровие.

— Мы построили новые, достаточно хорошие, дома для меня и Гадиеля. Построим ещё один и для Шамгара, который сейчас живет в родовом доме Гилеада. Но мы не можем выгнать оттуда Силыгу, прожившую в нем шесть раз по семь лет и родившую там нас.

— Госпожа Зилпа и ты, Шамгар, как гости можете жить в этом доме сколько хотите, — возразил Ифтах. — Но когда Ктура приедет в Мицпе, её должны признать хозяйкой дома.

— Путь будет, как ты сказал. Подпишем и поклянемся, — ответил Елек.

— Во-вторых, — продолжал Ифтах. — Пока Аммон стоит на холмах перед Мицпе, меня удовлетворит звание главнокомандующего. Но когда я прогоню вражеские войска с этих земель, стану претендовать на судейское кресло Гилеада.

Ифтах говорил медленно, тщательно подбирая слова. Однако его выражение «прогоню» показалось присутствующим, а Авиаму — особенно, весьма странным. Но главное они от Ифтаха слышали. Как от него и ожидали, он собирался прогнать врага...

— Хорошо, — сказал Авиам. — Одержжишь победу, станешь в Гилеаде судьей.

Ифтах помрачнел. Сам себе не мог объяснить, как допустил такую оплошность — столь неловко выразил свое условие. Что-то предостерегало его: берегись ловушки... А ловушки ему запросто может расставить его собственное хвастовство. Он жаждал победы над Аммоном, но вовсе не хотел, чтобы его обязали победить.

— Твои слова, Авиам, мне не по душе, — сказал он раздраженно. — Победа — понятие условное и оставляет место для споров. Меня просили спасти Гилеад. Я обещал, и в этом могу поклясться. Да, я хочу спасти вас и прогнать врага от ваших ворот. Большого обещать не могу.

Враждебность по отношению к Авиаму внезапно прорвалась наружу.

— И не надейтесь, я не попадусь на ваши уловки, — гневно проговорил Ифтах. — Скорее, вернусь в страну Тоб.

Перед Авиамом стоял сейчас человек с короткой бородкой и диким взглядом. Он лучше Ифтаху знал, что творится сейчас в его душе. Ифтах никогда не был трусом. Пожалуй, он даже слишком дерзок и смел. И если он отказывал им в клятве победить Аммона, это означало, что его останавливал бог его жены — Мильком. А что, если удовлетвориться соглашением, которое предлагает Ифтах?.. Разве это не победа, если он заставит Аммона отступить?.. Самое главное — удержать этого человека, чтобы он не разгневался и снова не убежал от них.

— Если ты так хочешь, — вкрадчиво заговорил Авиам, — пусть в записях не стоит слово «победа», пусть стоит там то обещание, та клятва, которую ты предпочитаешь. Но об одном должен тебя попросить: перед Богом не подобает клясться неясными словами. Впрочем, может, я их не понял. Ведь я — не воин... Тогда объясни мне, как понимать твоё выражение «прогнать Аммона от ворот»!

Ифтах расстроился. Ему не хотелось выглядеть трусом. Однако, как спасти Гилеад — только его дело...

— Хочу сделать так, — объяснил он нетерпеливо, — чтобы ни один воин Аммона не мог видеть самое высокое здание Мицпе...

— Так и запишем, — согласился Авиам.

— Странно, — проворчал Ифтах. — Я — простой человек. А вот... сам же и усложнил дело...

Потом вдруг рассмеялся и добавил:

— А ведь все это можно было бы обговорить и без ссоры...

IV

Семерки, сотни, тысячи Ифтаху появились перед Мицпе неожиданно быстро. В каждом из подразделений царя строжайшая дисциплина. Вместе с войском прибыли два чиновника, писцы. Последние вели списки, в которых точно указывалось имя каждого воина, срок его службы, успехи и претензии на добычу.

Люди из Мицпе с удивлением смотрели на воинов Ифтах. Многие были эморитами из рода страшных северных великанов. Однако и они шли под знаменем Ифтах и принадлежали Господу.

Что за вооружение было у этих воинов! Мечи, шлемы и щиты — из бронзы. Некоторые виды оружия были так тяжелы, что для боевого наступления требовались специальные носильщики. Часть людей Гилеада сомневалась, правильно ли избирать такие методы ведения войны. Не лучше ли воинам довериться Господу и собственной силе? Многие побаивались боевых повозок... Однако большая часть жителей Мицпе восприняла войско Ифтах с благодарным удивлением. Эти страшные повозки наводили ужас на израильтян. Но здесь они не были так страшны. Они грохотали, скрипели, катились — во имя спасения Гилеада. Люди из Мицпе ощупывали повозки и бурно выражали свою радость. Они славили Ифтах. Покойный судья Гилеад недаром любил его больше остальных сыновей. Ифтах и впрямь был благословенным героем, одним из тех великих людей, которые и раньше появлялись в Израиле в годину несчастий.

Ифтах знакомился с людьми Гилеада, которые собрались в лагере близ Мицпе по призыву Гадиеля — беседовал с ними, прикидывал. Многие привлекали его внимание. Однако встречались и такие, кто всем своим видом выказывал недовольство. Они, земледельцы, родившиеся под сенью законного брака, должны подчиниться бастарду?! Ифтах шутками попытался разбить их сопротивление. Некоторые легко поддались его напору. Упорствующим он показал, кто здесь военачальник. У них не осталось сомнений — этот потребует беспрекословного подчинения. И, наконец, Ифтах ввел воинов Гилеада в состав своих подразделений.

Проверяя списки способных носить оружие из Гилеада, писцы Ифтах обнаружили, что многие из них в лагере отсутствуют. Ифтах спросил Гадиеля, что тот предпринял, чтобы доставить сюда нерадивых. Гадиель ответил, что он напоминал им неоднократно, одним — через гонцов, другим — лично.

— Я доволен, Ифтах, — с искренним облегчением сказал он, — что теперь ответственность за все несешь ты.

Ифтах велел зажечь на горах сигнальные огни — напоминание об опасности. И издал приказ, согласно которому все способные носить

оружие должны были явиться в лагерь в течение пяти дней, а если не явятся, будут строго наказаны.

Большинство не посмело послушаться. Тем не менее, несколько упрямцев все же остались дома. Среди них был один богач по имени Эхуд. Он и раньше смеялся над Гадиелем, когда тот потребовал послать в Мицпе людей, необходимых ему для работы на полях и на пастбище. Когда теперь бастард потребовал у него двенадцать семерок, он отправил гонца назад и просил передать, что ему, Эхуду, на свадьбу дочери требуется лучший остряк в стране. Очевидно, Ифтах вполне может сыграть эту роль и заработать кусок жареного мяса.

Ифтах отправил в усадьбу Эхуда отряд своих воинов. Они схватили ослушника, обрили ему наполовину голову и изрубили на куски его скот. Эти куски Ифтах послал всем, кто противился призыву со словами: «Так будет со скотом каждого, кто к сроку не явится в лагерь».

Никто не помнил, чтобы у кого-то из полководцев в Гилеаде было такое большое войско как у Ифтаха. Однако он бездействовал, не двигался в сторону царя Нахаша и не отдавал приказа воинам воздерживаться от женщин и вина. Здесь, видя вражеский лагерь, он понял, что поступил правильно, не обещая священнику и братьям «победы». Если он даже победит его в открытом бою, Аммон ретируется в свою неприступную столицу Рабат и будет ждать помощи из Башана. Мстительный царь Абир едва ли допустит, чтобы Ифтах усилил свою мощь победой над Аммоном. Хотя царь поклялся Ифтаху соблюдать перемирие, его клятва давалась защитнику семи городов в Башане, а не тому Ифтаху, который стал военачальником Гилеада и воюет в Мицпе.

Итак, победа в открытом бою ввергала Ифтаха в бесконечную и бесперспективную войну с двумя могущественными врагами, которую он не мог выиграть.

Была ещё и другая, более глубокая и тайная причина, удерживавшая Ифтаха от борьбы. Он неохотно вел войну против Милькома, бога его матери и жены. Ещё в шатре Господа он надеялся, что хитроумными переговорами принудит царя Нахаша к отступлению, так же, как добился мира с царем Абиром.

К своему радостному изумлению он увидел, что и царь Нахаш, великий полководец, не рвался сражаться. Правда, он увеличил свой лагерь, приказав царю Моава, с которым породнился, прислать помощь. Он опустошал занятые им земли Гилеада. Однако не нападал на окрестности Мицпе. Обе армии стояли друг против друга и ничего не предпринимали. Люди Гилеада удивлялись бездействию Ифтах, но они доверяли ему и считали, что у него есть на это свои причины. Ни Авиам, ни братья Ифтах ни разу не выразили беспокойства по поводу его сдержанности. Сила его войска привлекла и их внимание. Ненависть буйного Гадиеля вскоре переросла в дружбу и почти детское восхищение братом. Ифтах взирал на это с добродушием, а когда увидел, с какой страстью Гадиель принимает участие в учениях воинов на повозках, подарил ему одну из них.

Нашел он общий язык и с Елеком. Большую часть времени Ифтах проводил в военных лагерях, но находил свободную минуту, чтобы восхититься красотой и величием построенных братом в Мицпе домов. Елек охотно выслушивал похвалы.

Труднее оказалось поладить с Шамгаром. Как и прежде, того привлекала сила Ифтах, его уверенность в себе, но он не видел в его лагере настоящего усердия к Господу. Цилла не упускала возможности разжечь недовольство мужа. Взглядом, полным ненависти, следила она за образом жизни Ифтах, и была среди первых, кто заподозрил его в неверности народу Гилеада. Почему он все ещё разрешал своим людям отращивать волосы, спать с женщинами и пить хмельные напитки? Почему он не освящал их для войны? Это все оттого, уверяла она, что Ифтах наполовину аммонит и не испытывает желание бороться с народом своей матери и жены. Он все ещё не вырвал из сердца бога Милькома.

Постепенно и других людей Гилеада начала беспокоить медлительность Ифтах. Наконец, Гадиель спросил его без обиняков, почему он не принуждает Нахаша к битве. Хотя у Аммона армия больше, чем у Гилеада, рассуждал он, люди Ифтах лучше снаряжены и обучены, а, кроме того, Ифтах поддерживает Господа и его доброе знамя. В конце концов, он будет воевать под защитой крепких стен Мицпе. Чего же он ждет?.. Ифтах задумчиво и рассеянно посмотрел на него и сухо сказал:

— Ты прав.

И, наконец, приказал своим людям святить оружие. Втайне, однако, он послал гонца к царю Нахашу и предложил ему встретиться. Очень скоро пришел ответ. Нахаш принял приглашение. Он предложил встретиться в Элеали, в одном из гилеадских городов, захваченных им и разрушенных. Это казалось унижительным. Ифтах предпочитал встретиться на горе, возвышавшейся между армиями. Тем не менее, Нахаш настаивал, любезно напоминая, что молодой полководец должен приехать к старшему. Ифтах согласился.

V

Ифтах никому не рассказывал о запланированной встрече, однако усиленно готовился к ней. Он хотел доказать царю Аммона, что Гилеад имеет все права на города, захваченные Нахашем. И расспрашивал Шамгара о древней истории страны. Шамгар был удовлетворен, видя, что Ифтах готовит солдат к войне. Он усердно и обстоятельно рассказывал, как войско Израиля победило эморитов и как оно освободило Аммон от угнетателей. Однако победители не потребовали от аммонитов благодарности и великодушно разрешили им владеть землями. Ифтах старательно запоминал его рассказ.

В назначенный день в сопровождении лишь семерки приближенных Ифтах поскакал к месту свидания. Города Элеали и Хешбон находились рядом друг с другом на двух холмах. Хешбон разрушили при вторжении в страну израильтяне. Немым предостережением они оставили его лежать в развалинах. Теперь был разрушен и Элеали. А на развалинах Хешбона шло строительство. Царь Нахаш отстраивал там знаменитую святыню бога Милькома, уничтоженную в свое время израильтянами.

Нахаш ещё не прибыл. По развалинам Элеали бродили старики, пощаженные аммонитами. Они подошли к Ифтаху и принялись рассказывать ему о царе Нахаше. Они почуяли его сильную руку. Их привлекла гордость молодого военачальника. Наверное, он был жесток, но охотно и весело смеялся. Его рассмешило, как старики пытались уползти от его солдат. Он приказал вытащить их из убежищ и велел им ползти быстрее. Потом он смеялся ещё громче, но пощадил стариков, не причинив им вреда.

Ифтах подумал, что с этим царем можно найти общий язык. Впрочем, он должен быть настороже. Нахаша называли «змеем». Некоторые боги имели обличие змей. Змеи были более гибкими, чем люди, и с легкостью могли перехитрить своих врагов. Этим свойством обладал и царь Нахаш.

Однако Ифтах был в себе уверен. Он проявил достоинство перед царем Абиром, не даст себя одолеть и Нахашу.

И вот приехал царь. Тоже в сопровождении личной охраны. Он приветствовал Ифтаха, как дорогого гостя.

— Я много о тебе слышал, — сказал он, — и в основном отзывы о тебе мне понравились. Думаю, что будем говорить между собой откровенно...

Ифтах испытующе посмотрел на царя великого народа, к которому принадлежала Ктура. Нахаш говорил так же, как и он, применял те же выражения и тот же тон. Он мог бы быть старшим братом Ифтаха. Как Ифтах, он был небольшого роста, но широкоплеч и силен. У него было такое же крупное лицо с плоским носом.

Ифтах ответил:

— Ясный и честный разговор — это по мне. Скажи, что ты хочешь, зачем напал на мою страну?

Нахаш прилег на ложе, предложил Ифтаху сесть и ответил:

— Тебе, наверное, известно, что твой отец Гилеад не раз нападал на Аммон. Он потерпел поражение у моего города Рабата, в который уже семь поколений не вторгнулся враг. Почему же мне не сделать то же, что делал он, и не отвоевать часть страны, которая раньше принадлежала нам? Мы и Моав живем здесь гораздо дольше. У нас более древние претензии на страну между Арноном и Ябоком. Мы уже однажды захватывали ларь, в котором живет ваш бог. Правда, твой отец довольно быстро забрал его обратно. Но во второй раз мы не позволим отнять ларь назад. Поверь мне, мой Ифтах.

Ифтах приветливо сказал:

— Поскольку мы говорим откровенно, царь Нахаш, должен тебе признаться, что не верю в это. Приходи как-нибудь ко мне в лагерь и посмотри на мои боевые повозки, на вооружение моих воинов. Мицпе не так хорошо укреплен, как твой Рабат. Но моя армия вооружена так, что сумеет защитить ларь Господа. Ты не сильнее меня, а я не сильнее

тебя... Так зачем нам драться? У меня нет против тебя злобы, и, думаю, у тебя тоже нет злобы против меня.

— Знаю, война с тобой будет нелегкой, — согласился царь Нахаш. — Но я выдал свою старшую дочь за царя Моава, и две тысячи его воинов находятся сейчас в моем лагере. По первому требованию сюда придет ещё больше солдат. Я разобью тебя наголову.

— Ты говоришь, моя страна когда-то принадлежала вам, — спокойно возразил ему Ифтах. — На наших дощечках, в наших свитках написано другое. Там говорится, что эмориты были могущественны и крепко сидели на землях, которые теперь принадлежат нам. Они снова и снова нападали на вашу страну и угнетали вас. Пока мы не пришли из степей. Мы мягко обошлись с вами и со страной Моави не переступили её границы. Но на страну эморитов мы напали, и в кровавой битве разбили их царя Зихона. Это было недалеко отсюда, так что заодно мы освободили и вас от гнета Зихона. Естественно, Господь отдал нам землю эморитов от Арнона до Ябока. Мы могли бы потребовать и от вас земли в благодарность. Но мы не сделали этого, не стали претендовать даже на часть страны, данной вам вашим богом Милькомом. Почему же ты сейчас хочешь вести с нами великую войну?

Царь Нахаш ответил просто:

— Мне нравится воевать. А тебе разве не нравится? Я не вспоминаю старые истории. Если могу взять город и удержать его, значит, он принадлежит мне. И неважно, кто в нём жил раньше. Насколько я слышал, твои поступки мало отличаются от моих. Ты прав в том, что наши силы сейчас равны. Прежде чем победить тебя, я потеряю много воинов. Поэтому я говорю себе: Аммон, Моав, Гилеад... Разве все мы — не евреи? Почему же мы должны убивать друг друга? Он поднялся с ложа, встал перед последовавшим за ним Ифтахом и сказал:

— Послушай, Ифтах, гость мой! Мне пришла в голову идея. Говорят, что у тебя есть совершеннолетняя дочь. Отдай её в жены моему сыну Меша. Он молод, силен и ловок. Они получат истинное удовольствие друг от друга. А нам проще будет заключить мир между Аммоном и Гилеадом.

Ифтах, потрясенный до глубины души, отступил на шаг назад. Ему в голову сразу же пришла нелепая и неприятная мысль. Законная

жена Нахаша родила ему единственного ребенка, принцессу, которую он отдал в жены царю Моава. Принц Меша, которого он теперь хотел обручить с Яалой, был сыном содержанки. Но ведь и его собственная мать была содержанкой Гилеада. И как только он об этом подумал, нелепая мысль отошла на задний план...

Тем временем царь Нахаш ходил туда и обратно, не глядя на Ифтаху и продолжая говорить, будто бы думая вслух.

— ...И, может быть, когда-нибудь Аммон, Моав и Гилеад создадут единую страну, и рука того, кому она будет принадлежать, станет длинной, как у властелина четырех стран света.

Перспективы, которые рисовал царь Нахаш, казались Ифтаху соблазнительными. Когда-нибудь принц Меша и муж старшей, законнорожденной дочери, царь Моава в жестокой битве столкнутся, чтобы унаследовать Аммон... Ифтах взволновался. Предложение Нахаша вступить в эту борьбу явилось для него неожиданностью и показало, что Ифтаху удалось завоевать уважение к его силе. Он правильно поступил, отказавшись клясться священнику, что победит Аммон.

Однако сама идея пришла не от Господа. Это Мильком предостерег его, не позволил воевать против народа своей жены и матери. Это Мильком предлагает ему теперь породниться с царем Нахашем. Если принять предложение, если отдать Яалу принцу из Аммона, ей придется отречься от Господа и служить Милькому. Для того ли он воспитывал в ней верность Господу?! В соблазне, которым манил его Нахаш, был и блеск, и яд. И в то же время его сердце согревала мысль, что за него, Ифтаху, борются Господь и Мильком.

Царь Нахаш, наконец, остановился, заглянул в его лицо и озорно подмигнул — как мальчишка, в голове которого возник план неопасной проделки. Подвижное лицо Ифтаху отражало волнение. Царь помрачнел. Увидев это, Ифтах овладел собой и заставил себя рассуждать логично.

Ни при каких обстоятельствах он не должен обижать Нахаша. Следует спокойно обдумать его предложение. Сейчас важно выиграть время.

— Твоя милость не знает границ, царь Нахаш, — с легким поклоном произнес Ифтах. — Я счастлив, что добился благосклонности такого умного и могущественного господина... Дай

мне время подумать. Сразу трудно решить, могу ли я принять от тебя столь щедрый подарок.

Нахаш засмеялся.

— Ты боишься, — сказал он, — что мы в конце концов проглотим твою страну?

— И близко ничего подобного нет в моих мыслях, — ответил Ифтах. — Твое предложение в самом деле потрясло меня... Послушай! С тех пор как я разбил лагерь перед Мицпе, ты не продвинулся ни на шаг. И я удержал от битвы мое войско. Давай поклянемся перед своими богами поддерживать перемирие. До весны. Я отправлю обратно на север свое войско и боевые повозки. Ты же снимаешь свои палатки, уходишь из окрестностей Мицпе и возвращаешь три города, которые ты у нас захватил. Царь-Змея добродушно рассмеялся.

— Ты мне нравишься, гость мой Ифтах, но не настолько, чтобы из-за этого превращаться в дурака. Слышал ли ты когда-нибудь, что бы царь добровольно отдал завоеванный его мечом город? А ты просишь целых три! И прекрасно знаешь, что год — и то слишком много, чтобы решить, подходит ли мой сын твоей дочери.

— Я привел моих воинов и повозки далеко с севера, — продолжал убеждать Нахаша Ифтах. — Без позора я не могу их отправить назад. Царь, такой опытный в делах управления, как ты, знает это. Прошу тебя, убери палатки из окрестностей Мицпе и отдай мне, по крайней мере, город Иокбеху.

— Иокбеха!.. — все тем же добродушным тоном сказал царь Нахаш. — Его жители — умные люди. Они не стали защищаться и поэтому я пощадил их... Нет, мой Ифтах, я оставлю его за собой. Но чтобы ты понял, что занял место в моем сердце, я подарю тебе год мира, необходимый для твоих размышлений... Мы сделаем так. Ты отпустишь всех способных носить оружие жителей Гилеада, а я сниму лагерь с высот перед Мицпе. Затем ты отведешь твои повозки и воинов на север, а я передам тебе области городов Язер и Элеали.

— Ты великодушен и разумен, царь Нахаш! — обрадовался Ифтах и задумчиво добавил, — во всем этом лишь одно меня смущает — мой Бог Господь рассердится на меня, если я оставлю город Иокбеху Милькому.

— Это не должно стать причиной нашей ссоры, — заявил Нахаш. — Если ты не хочешь, я не буду преследовать в Иокбехе тех, кто поклоняется Господу. Со своей стороны, ты должен обещать не трогать святыни, которые я воздвиг моему богу Милькому здесь, в Хешбоне. И не преследовать людей, почитающих его.

— Да будет так! — сказал Ифтах.

— До следующей весны, — поправил царь Нахаш, — а до этого срока ты решишь, будут между нами родственные отношения и мир или быть войне...

— Всем своим сердцем, всей душой благодарю тебя, царь Нахаш! — искренне проговорил Ифтах, и с лукавой откровенностью продолжал:

— Думаешь, я не понимаю, что ты используешь это время, чтобы заполучить в свой лагерь следующей весной всех способных носить оружие из Моава, списавшись и с другими царями... Но я тоже попробую стать сильнее к следующей весне. Возможно, мне это не удастся. Тогда я перестану тебе нравиться, и ты уже не захочешь, чтобы наши дети заключили брачный союз.

— Ты умный человек, Ифтах, — ответил Нахаш. — С тобой приятно разговаривать. Возможно, следующей весной, если я стану очень сильным, я поддамся искушению и нападению на тебя. Ибо люблю войну. Но сегодня, и это правда, я искренне хочу, чтобы мы соединили твою дочь с моим сыном. Разве мы все — не евреи?..

VI

Ифтах и царь скрепили союз жертвой и клятвой. Затем Ифтах вернулся в Мицпе, собрал под знамя свое войско и объявил:

— Война кончилась. Исполняйте свой долг ещё два дня. Потом — все свободны.

Воины выслушали его речь с недоверчивым удивлением. Битва так и не состоялась. Горы вокруг были усеяны палатками Аммона. Но вот, смотрят они, на второй день царь Нахаш начал сворачивать свои палатки. На третий день горы и окрестности Мицпе опустели. Врага нигде не было видно.

Люди Гилеада восприняли новости с двойственным чувством. С одной стороны, конечно же, радовались, что могут теперь вернуться домой, спать со своими женами, трудиться на своих пашнях, гнать скот на пастбища. Но с другой... Они приготовились подставить грудь для боев, в них проснулась и жажда приключений, доставшаяся им в наследство от скитавшихся предков, возникла неутомимость, и вдруг — опять возвращаться к будничным делам.

Ощущали разочарование и люди Ифтах, воины его армии. Но ещё больше они гордились своим командиром, который, подобно Богу, одними словами сдул врага с занятых им позиций. Со славой они возвращались в страну Тоб и в области, расположенные севернее Ярмука.

Сам Ифтах с небольшим отрядом остался в Мицпе. Братьям он объяснил:

— Напрягите глаза и посмотрите, есть ли хоть один вражеский воин или палатка Аммона в окрестностях Мицпе. Я выполнил обещание. Выполнил вашу просьбу, спас Гилеад.

Гадиель вскипел прежней злобой. Он жаждал битвы. Почему же брат обманул его? Своим мечом этот себялюбец пролил там, на севере, немало крови. Правда, перед Мицпе действительно аммонитов не было, но ему даже не представился случай опробовать в деле боевую повозку, которую Ифтах ему подарил. Гадиель тяжело вздохнул. Придется принимать бастарда таким, каков он есть.

Елек от всей души радовался. Призыв на войну оторвал его от привычных занятий. Женщины запустили хозяйство. Зато теперь можно было вернуться к действительно интересным для него делам. Ифтах не просто смелый человек. Он ещё и очень умен. Он обуздал себя и добился мира, ничем, по сути, не пожертвовав.

Шамгар был смущен. Он восхищался братом, который сумел без сражений прогнать Нахаша от ворот Мицпе. Но душу его грызли прежние подозрения. Воспользовался ли Ифтах силой Господа или объединился с царем под сенью Милькома? Цилла постоянно подогревала в нем эти мысли и натравливала его на Ифтах. Дурной мир заключил бастард. Неужели законные дети Гилеада унижались перед ним ради этого? Город Иокбеха, оплот Господа, принадлежит теперь Милькому! Сын аммонитки снова перехитрил братьев и превысил свои полномочия. Его призвали сюда, чтобы руководить

боевыми действиями. Никто не поручал ему заключать мир. Это право принадлежит только Шамгару. Соглашение Ифтаху силы не имеет.

Шамгар размышлял о тексте договора, который братья заключили с Ифтахом. Да, враг отброшен «от ворот Мицпе». Ифтах сдержал слово. Должен ли он противостоять Ифтаху, благословенному спасителю? Смеет ли он спорить с ним? В душе он разделял сомнения жены. Он чувствовал себя несчастным и искал убежища в ещё большем усердии в служении Господу.

У дороги к Маханаиму стояло дерево, давшее имя горе — Бамат-Эла. Люди Шамгара хотели свалить его, но жители Маханаима, вооружившись серпами и косами, прогнали их. По совету Елека Шамгар отказался от своего намерения. Теперь же он решил проявить жесткость. Он послал к Маханаиму людей и приказал им во что бы то ни стало свалить дерево. Местные жители и на этот раз оказали сопротивление. Пролилась кровь, но святое дело было сделано, дерево пало.

Ифтах примчался к Шамгару и напустился на него:

— Ты слышал, что какой-то сброд срубил священное дерево Маханаима?..

Шамгар испугался ярости Ифтаху, но взял себя в руки. Он отстаивал честь Господа.

— Это сделано по моему приказу, — твердо сказал он. — Дерево не было священным. Господь не живёт на деревьях.

— Это было прекрасное зеленое дерево, — печально произнес Ифтах. Самое красивое и самое зеленое из всех, что я видел. Оно было дорого всем. И Господу, наверное, тоже.

Его голос охрип от гнева, и он бросил брату в лицо:

— Ты сделал это, чтобы оскорбить Ктуру! Шамгару показалось, что в ярости Ифтах может убить его, призвал на помощь Бога и вызывающе ответил:

— Не знал, что жена военачальника Гилеада все ещё поклоняется идолам...

— Следить за благочестием моей жены — не твоя забота, — отрезал Ифтах.

— И моя тоже, — возразил Шамгар. — Пока ещё я — судья в Гилеаде.

Понимая в глубине души, что он избежал войны не только как военачальник Гилеада, но, прежде всего, как сын своей матери и муж своей жены, Ифтах не намеревался садиться в кресло судьи. Однако Шамгар вел себя слишком уж вызывающе. Его охватила безудержная ярость. Они все ещё мелочатся, сыновья Зилпы. Даже самый ничемный из них позволяет себе повышать на него голос.

— Ты судья в Гилеаде?! — сдавленно просипел он. — Ты больше не судья. Я требую расплаты. С сегодняшнего дня судья — я...

Он схватил Шамгара за плечи и потряс.

— Так кто судья в Гилеаде?.. Скажи мне, «господин судья», скажи!..

Шамгар почувствовал дрожь в коленях, но сдаваться не хотел.

— Только Господь может освободить меня от должности. Я не стану называть тебя судьей!

И вдруг честно признался:

— Знаю, что каменное судейское кресло не для меня. Я ничего не смыслю в военных делах, не умею командовать людьми, не умею приказывать. Искренне был бы рад, если бы Господь сделал судьей тебя. Моя мечта — стать священником, читать по плиняным дощечкам будущее Гилеада. Разве ты не в состоянии освободиться от власти фальшивых божков, Ифтах?.. Ты был бы великим судьей!

Он приблизился к Ифтаху и срывающимся голосом спросил:

— Во время разговора с царем Нахашем на твоём теле были колдовские камни?

Разумеется, Ифтах не брал с собой каменные изваяния. Однако в словах ревностного благочестивца была доля правды. В беседе с царем он руководствовался велением Господа, но его уста произнесли и слова, словно продиктованные ему божком его матери — Милькомом.

Гнев Ифтаха улетучился. Он отпустил Шамгара.

— Не беспокойся, благочестивый мечтатель! — сочувственно, но высокомерно произнес он. — Тебе недолго осталось тяготиться своей работой. Твой первосвященник передаст мне в шатре Господа судейскую должность, как предусмотрено в нашем соглашении. А потом можешь облачаться, как Авиам, и записывать все, что я буду делать для Гилеада.

Ифтах отправился в шатер Господа, предстал перед Авиамом и объявил:

— Насколько видит глаз, в окрестностях Мицпе нет ни одного вражеского воина, ни одной палатки Аммона, — торжественно сказал он.

Его голос звучал, как голос победителя, а в сердце таилась неуверенность. Он боялся, что Авиам догадается, почему Нахаш прервал свой военный поход.

Первосвященник действительно выслушал сообщение об отступлении врага не без подозрений. Ифтах, знаменитый воин, согласился отдать врагу город Иокбеху, чтобы не драться с Аммоном!.. Ощущение, которое появилось тогда из-за двусмысленного поведения Ифтаха, снова проснулось в нем. Но вот Ифтах пришел предъявить свои претензии...

— Ты прав, — сухо констатировал Авиам. — Ты выполнил условие. Сделал так, как говорил. Ты пришел, чтобы это от меня услышать?

Ифтах почувствовал вызов в его тоне. Он не собирался оправдываться перед стариком. Однако его самого мучили сомнения, и ему захотелось теперь высказать кому-то свои аргументы.

— Я знаю, — проговорил он, — ты ждал от меня внушительной победы. Но я понял, что силы аммонитов очень велики. И если бы я победил в открытом бою, война не была бы закончена. Нахаш в своем неприступном городе Рабате спокойно подождал бы подкрепления. Моав и Башан прислали бы ему на помощь всех людей, способных носить оружие. И тогда я, может быть, не смог бы удержать Мицпе. Я — неплохой командир, первосвященник. Думаю, я сумел бы показать свою смелость и нелюбовь к сделкам. Я жаждал решительного сражения. И все же счел, что умнее будет сначала спасти Гилеад.

Все, что говорил Ифтах, звучало убедительно. Но усыпить недоверие Авиаму ему все же не удалось.

— Расскажи мне, как ты договорился с царем аммонитов! Что за слова ты подобрал, чтобы он отступил, ни разу не взмахнув мечом? — попросил Авиам.

Священник снова говорил тихо и размеренно. Но на этот раз Ифтах понял всю силу его подозрений. Этот человек знал, по

меньшей мере — догадывался, что в соглашении между царем и Ифтахом было что-то тайное, весьма щекотливое, а, может, даже и непозволительное. Ифтах насторожился. Ему следовало сказать Авиаму как можно меньше, и он ответил с напускным спокойствием, как бы мимоходом:

— Я объяснил царю Нахашу, что его победа в битве ещё долго не решит проблем нашего конфликта. Крепкие слова мне не понадобились. Я подбирал только разумные. Царь Нахаш — прекрасный воин. Но он ещё и вежлив, и обходителен...

— Может, твой Нахаш и обходителен, — не сдержался Авиам. — Зато о Господе такого не скажешь. Он не покровительствует жалким соглашениям. Он Бог войны. И вряд ли ему понравилось, что ты оставил врагу город Иокбеху.

Ифтах почти обрадовался ярости священника. Теперь он чувствовал себя уверенней.

— Не забывай о том, что я завоевал Израилю семь замечательных городов на севере. Они, быть может, лучше Иокбехи. А, кроме того, царь Нахаш поклялся мне, что не будет мешать жителям города поклоняться Господу. Не думаю, что Бог недоволен мной. На то была и Его воля, что бы Аммон отступил, как только я появился у ворот Мицпе. До этого он праздно наблюдал, как Мицпе окружают войска Нахаша.

Бессмысленный спор утомил священника.

— Прекрати, наконец, считать меня своим врагом! — устало махнул он рукой. — У нас общие цели. Мы оба заботимся о Гилеаде, каждый на свой лад... Но объясни мне, что ты выигрываешь, отсрочив решение? На этот раз ты уступил Нахашу Иокбеху. Что будет следующей весной? Отдашь ему другие земли?

На какое-то мгновение Ифтаху показалось, что этот ужасный старик точно знает, как проходил их разговор с царем Нахашем, знает истинную цену, которую он заплатил Аммону, ведомо ему и предложение царя породниться и заключить долгосрочный мир.

— Пойми же, Ифтах, сын мой, — продолжал тем временем Авиам, — даже недолгий союз с Аммоном не сулит нам ничего хорошего. Они остались народом степей и пустынь. А нас Господь собрал вместе, чтобы мы поселились в этой благодатной стране. Мы не принадлежим сыновьям пустыни, наши братья — на другом берегу

Иордана. Ты должен это понять, главнокомандующий Господа! Возьми себя в руки! Будь сыном своего отца и не пытайся ухватиться за юбку матери!..

Ифтах вдруг вспомнил, какие чувства он испытал на вершине горы Хермон. Внутренним взором он увидел громадную неделимую страну Израиль, простирающуюся по обоим берегам Иордана. И тут же лукавые, но разумные слова царя Нахаша пронеслись в его голове — «Разве мы все — не евреи?». Обуреваемый столь противоречивыми мыслями, он предпочел рассердиться на священника. Авиам, вероятно, снова хотел взять над ним верх.

— Мне думалось, что я спас вас от страшной беды, но оказалось, что я предал вас, — сказал он с мрачной усмешкой.

Он окончательно дал волю своему гневу.

— Что, собственно, случилось, священник? — горячился он. — Вы сами пришли ко мне и скулили: «Мы окружены огромным войском врага, приди к нам на помощь!» Я сжалился над вами, обещал прогнать врага. И сделал это. Я сделал даже больше, чем обещал — вернул два города из трех, которые вы не сумели удержать, потому что стали вялыми от жира и корыстолюбия... И где же ваша благодарность?

Его четырехугольная борода почти касалась лица священника, в глазах сверкали зеленые, злые огоньки, и он хрипло сказал:

— Вы срубили святое дерево под Маханаимом. Оно было дорого мне и Ктуре, и отец Гилеад вместе с матерью нередко сидели под сенью его ветвей. А ведь мой отец был судьей в Израиле... И вот пришел благочестивый дурак Шамгар и заявил: «Господь не живет на деревьях». Послал своих людей, и они срубили наше любимое дерево, пока я сидел здесь, в Мицпе, чтобы защитить вас, а ты, Авиам, допустил, чтобы опозорили меня и оскорбили мою жену.

Авиам догадался, что ярость Ифтаха — маска, под которой скрывается растерянность. Он был уверен, что здесь что-то нечисто, но Ифтах не знает, как ему все объяснить.

— Ты сердишься не из-за дерева, — сказал Авиам. — Тебя бесит, что моя проницательность позволяет мне знать, что происходило в твоём сердце, когда ты говорил с аммонитом. Меж вами был нехороший разговор, ты вел себя не по чину главнокомандующего Гилеада. Неведомо мне, что выиграл ты, беседуя с врагом на

развалинах Элеали. Но царь этот, боюсь, не отступил бы, если бы в перспективе ему не посулили ничего, кроме года перемирия. Верю, что ты ратовал о благе Гилеада, однако, какой смысл в пользе на пять минут?.. Знаешь, я всерьез опасаясь, что ты поступился заповедями Властелина нашего Господа.

— Хватит предостережений! — грубо оборвал его Ифтах. — Я не мальчик! Приказывать в шатре Господа — твое дело, а в военном лагере я волен вести себя так, как считаю нужным. Я выполнил обещание, а вы пристаёте ко мне со своими придирками, оскорбляете меня в моем же Маханаиме. Настаиваю, чтобы вы со мной рассчитались... Хорошо, что я не поверил вашим словам, и здесь все записано!

Авиам вдруг как-то сразу постарел.

— Твое требование будет удовлетворено, — сказал он. — Ты сядешь в кресло Гилеада. Но было бы лучше и для тебя и для нас, чтобы ты подождал благословения Господа.

Новый приступ гнева охватил Ифтаху. Снова своей болтовней старик пытается удержать его.

— Господь благословил меня, — высокомерно ответил Ифтах. — Это — мой Бог, он живет в моей груди. Все, чего хочу я — Его желание.

Авиам воспринял его слова, как откровенную дерзость.

— Оказавшись в судейском кресле, ты поймешь, что ошибался, — произнес он. И заключил: «Я обещал и отдам тебе жезл. Но знай, ты добился этого своей хитростью. А потому не собираюсь освящать твою должность. Я спрысну тебя священным маслом только тогда, когда Господь мне это поручит. Не раньше...»

VIII

Ифтаху хотелось превратить свое новое назначение в настоящий праздник. Он отправил гонцов в Башан и в страну Тоб с приглашениями приехать в Мицпе. Он пригласил всех: Ктуру, Яалу, Кассию, Пара. Не забыл и старого Толу, который жил теперь в Маханаиме.

Радостное чувство охватывало его в предвкушении мига, когда Ктура победительницей посмотрит в глаза своему униженному врагу. Это, пожалуй, тешило его самолюбие не меньше, чем назначение на должность судьи.

Сгорая от нетерпения, он сам поскакал навстречу дорогим гостям.

А вот и они... Впереди — жена и дочь. Завидев их издали, он понял, как они ему дороги. Как же он мог так долго жить без них?

Он повез гостей в лагерь и велел сообщить Зилпе и Шамгару, что хочет вступить во владение своим домом. Вскоре они въехали в город. Спустились к дому Гилеада. Постучали в большие ворота, которые вели во двор. Им открыл старый слуга.

Двор казался огромным и пустым. Братья, их жены и дети спрятались где-то в глубине дома.

У дверей его приветствовал Шамгар. Он извинился за мать, которая, как он объяснил, была нездорова. Поскольку Ифтах в сопровождении близких вошел со двора, где ярко светило солнце, ему потребовалось некоторое время, чтобы осмотреться в сумерках внутренних комнат и найти Силыгу. Они поднялись на несколько ступеней и увидели ее. Она лежала на постели в одной из комнат задней части дома. В комнате было совсем темно. У их ног лежала женщина, которая все годы презирала и преследовала Ктуру, женщина, которая выгнала её к диким зверям в пустыню. И вот теперь дом принадлежал Ктуре, она победила. А Ифтах завоевал судейскую должность и жезл отца. Зилпа села на постели, кивнула вошедшим.

— Прости, Ктура, жена судьи Ифтаха, что не встаю. Тебе придется удовлетвориться тем, что ноги тебе будут мыть жена моего сына Шамгара и его дочь.

Ктура стояла перед старухой — легкая, стройная, смуглая, молодая — и держала за руку Яалу. Большими, серыми, глубоко посаженными глазами, она смотрела на женщину, всегда готовую причинить ей зло. Как неожиданно зло обернулось благословением! Она незаметно дотронулась до шрама на шее. След борьбы с волком наполнил её тихой радостью. Этим она заплатила за час победы. Когда она заговорила, её голос зазвучал, как песня.

— У меня и в мыслях не было, чтобы мне мыла ноги жена судьи Гилеада, сказала она. — Просто я верила, что все будут рады нам в

этом доме. Надеюсь, что мир, который принес стране Гилеада мой муж Ифтах, воцарится и в этих стенах.

Они присели на низкие табуреты, и Цилла с дочерью омыли им ноги. Циллу переполняла такая ненависть, что у неё внутри все горело, а во рту появился вкус горечи. Как же Господь допустил такое! Так долго не может продолжаться. Слишком уж тяжкое испытание ниспослано Им своему преданному слуге, её мужу Шамгару. Этот бастард, так беззаботно протянувший ей ногу, никогда не знал, что такое истинное почитание. Он носил в сердце Милькома, а, может, и на теле. Господь убедится, что предпочел бастарда по ошибке. Он повернет свой лик к более достойному, к её мужу Шамгару, а Ифтах празднует свою последнюю победу.

Зилпа наблюдала со своего ложа, как её близкие унижаются перед бастардом. И множество мыслей пронеслось в её голове в этот час позора. Как низко пали перед этим человеком она и её сыновья! Что он принес им? Ничего, кроме дрянного мира. За их унижение он отдал идолам Милькома город Иокбеху и, возможно, подписал с Аммоном тайный договор. Вероятно, он сделал это по желанию Ктуры. Из-за неё он отказался вести войну против Аммона.

Странно, что, думая об этом, Зилпа испытывала непонятную гордость и злобное удовлетворение. Если немного понаблюдать за аммониткой, то видно, что она — полудикарка, в её облике нет никакого благородства. И такая могла подчинить своей воле Ифтаху — умного, смелого человека, а этого у него не отнимешь. Но уж если никчемная женщина может влиять на судьбу рода, то ей, Зилпе, не стоит терять надежды. Она сжала и разжала пальцы. У неё ещё вполне крепкие руки. Ещё могут схватить и удержать. Нет, она не примирится со своим поражением. Настоящий мир не завоеван. Пока лишь прервана война. Придет весна, и Гилеад померяется силами с Аммоном. Она, Зилпа, станет Деборой в этой войне.

На следующий день у ворот Мицпе собралась большая толпа. Люди стояли, сидели на корточках, заполнив залитую солнцем рыночную площадь. Молодежь забралась на крыши домов, а солдаты стражи, оставленной Ифтахом в Мицпе, несли вахту на городских стенах, внимательно смотрели вниз и слушали, как первосвященник читает назначение. Но вот, наконец, Ифтах принял из сухощавых рук жезл в свои сильные руки, сел на каменную скамью...

— Пусть Господь даст тебе силы, Ифтах, наш судья, наш господин! — со всех сторон закричали из толпы.

Солдаты войска, эмориты и гилеадчане, воспринимали триумф Ифтаха, как собственный. Один из них стал судьёй в Мицпе! Теперь эти бродяги, саранча, признаны спасителями оседлых. Перед Мицпе, в палаточном лагере, они устроили пышное празднество, пригласив к себе всех горожан.

Ифтах ходил между своими людьми, ел разные яства, пил вино, а они целовали его в бороду.

Приняли участие в празднестве и женщины. Ктура, все ещё наполненная ощущением своей изощренной мести, была счастлива, что её умный Ифтах достиг всего, не пролив крови её соплеменников. Она не сомневалась, что именно ради неё муж удовлетворился перемирием. Она чрезвычайно гордилась таким подарком.

Яала в сопровождении Эмина ходила по лагерю молча, ни на кого не глядя. Переживания теснили её грудь. Утром, когда она увидела, как отец садится в каменное кресло судьи и приветствует народ своим хриплым, теплым голосом, она по-настоящему оценила, как он красив. Это возвышало её в собственных глазах, а из смиренного почитания и восторга рождалась в ней песня. Пока лишь она одна могла наслаждаться её словами и мотивом, но знала, что должна разделить свои ощущения с другими людьми. Не даром она, отправляясь с Эмином в лагерь, захватила с собой музыкальные инструменты лиру и барабан.

Люди Ифтаха, мужчины и женщины Мицпе разглядывали дочь судьи и понимали, что она отличается от остальных девочек её возраста. Многим пришло в голову, что мужчина, которому удастся положить её на свое ложе, будет счастлив. Может, повезет этому длинному, который идет сейчас рядом с ней? Кажется, его зовут Эмином. Он, вероятно, был слугой северного Бааля. А теперь служит Господу. Как он смотрит на нее! Все это замечают...

В какой-то момент Яала поняла, что больше не может удерживать в груди свою песню. Она взглянула на отца. Ифтах сидел во всей красе рядом со своими воинами. Любовь к отцу, гордость за него переполнили её душу и, неожиданно для себя, она запела, подражая манере вавилонских музыкантов: «...Благословен Ифтах, новый судья! С нами Божья милость... Он поднял молодого человека над старым.

Когда Господь сердится, огонь его гнева сверкает из под бровей Ифтах. И благословение Его сияет на лице Ифтах. Сила Ифтах сокрушает вражеских воинов, будто они сделаны из глины... Благословен Ифтах, новый судья! Его имя: Господь открывает путь. Ифтах, Ифтах, судья в Израиле! Пусть слава нового судьи прогремит на всю страну...».

Яала, смуглая и тонкая, стоя под палящим солнцем, сверкала страстным взглядом офомных глаз, ещё детским, ломким голосом изливала свое ликование, выражая восторг, любовь, уважение. Сначала она сопровождала пение звуками лиры и барабана. Потом, все больше воодушевляясь, продолжала петь уже без музыки, притопывая ногой, танцуя. Это зрелище захватило толпу. Все любили эту девочку. Яала излучала сияние и счастье.

Многие знали Ифтах с детства. И вот он стал властелином пустыни, потом — князем Башана, потом — судьей в Гилеаде. Песня Яалы ещё больше возвышала его в глазах окружающих. Он виделся им героем, сверхчеловеком, наделенным Божественными чертами. Это Господь сошел к народу своему с горы Синай и сверкал теперь на знамени Ифтах, в нем самом. Яала сумела разглядеть это. И передала свое ощущение другим. И толпа, притопывая в такт мелодии, запела вместе с Яалой, выкрикивая — «Слава Ифтаху!»

Ифтах смотрел на свое дитя, слушал её страстную, полную ликования песню. «Господь возвысил молодого над старым...», — пела Яала. И он ощутил в себе молодость и силу, по-настоящему осознал свою власть и победу над священником. Яала — его плоть и кровь. Но в ней было и то, что он так любил в Ктуре. Однако, в отличие от матери, девушка страстно служила Господу. И если Бог действительно благословил его, то во многом благодаря дочери...

Из сыновей Зилпы на празднество прибыл лишь Гадиель. Он так же, как все, был очарован песней Яалы. Вернувшись домой, он рассказал об этом матери. Зилпа радовалась, что аммонитка не родила бастарду сына. Теперь же она испугалась. Возможно, не ей, а этой девочке предназначено стать Деборой народа Гилеада?..

Сразу же после праздника умер старый Тола. Он видел, как его молодой господин получил назначение, походил по лагерю, празднуя и говоря всем, что радость сделала его молодым и свежим, как зеленая

олива. Когда совсем стемнело, он отправился спать, лег в палатке, положив под голову свое платье. Так он и умер.

Ифтах приказал похоронить его в Оботе, чтобы он жил в пещере рядом с господином, которому так долго служил. По его приказу приготовили траурную трапезу. Когда тело слуги упокоилось в пещере, Ифтах почувствовал, что эпоха судьи Гилеада окончилась навсегда. Теперь начиналась эпоха Ифтаха.

С небольшим отрядом стражников он поскакал на север. Впереди развевалось на ветру его знамя.

IX

Когда он достиг страны Тоб, его уверенность сменилась прежними сомнениями. Авиам был прав: спор с Аммоном не закончен, война лишь отложена. Так думали все, даже те, кто лучше всех знал Ифтаха. Пар и Кассия в его присутствии обсудили положение и его намерения. Он многого достиг, большего, чем мечталось. Он стал командиром «пустых» людей, князем Башана, судьей Гилеада. Он был защитником справедливости, а сам переступал через нее. Он жаждал успеха, но опасные приключения его не привлекали. По зрелому размышлению он старался отодвинуть войну до следующей весны. Если как следует подготовиться, он будет больше уверен в победе.

Единственным человеком, уверенным, что Ифтах и в будущем году сумеет избежать войны, была Ктура.

Рано наступившее в этом году в стране Тоб лето стало для неё спокойным и счастливым. Конечно, приятно чувствовать себя победительницей, стоя перед врагом, приятно видеть, как Ифтах возвысился над братьями и всем городом Гилеада. Однако в Мицпе, так же, как в городах Башана, покоренных её мужем, появляться не безопасно. Того и гляди кто-то из не покорившихся убьет победителя из-за угла. Да и весь этот Мицпе со своим богом, священником и сыновьями Зилпы, погнавшими Ифтаха в поход против Аммона, против её народа, отпугивал её даже больше, чем северные города. Хорошо, что сразу после победы они уехали обратно в страну Тоб, в

пустыню. Здесь не было стен, не было и вражеских порядков. Все здесь наполняло её грудь тихой радостью.

Она чувствовала, как близки они теперь с Ифтахом. Знала, что он всем сердцем рвался в бой, на войну. Знала, что ему пришлось сдерживать себя, чтобы отказаться от похода против Аммона. Но он сделал это во имя любви к ней.

Однажды она сказала Ифтаху:

— С тех пор, как ты решил жить в мире с моим народом, меня не покидает чувство, которое я испытала, когда мы поднялись на гору Хермон.

Он был потрясен, как тонко она ощущает движения его души, и насколько — его не понимает. Он оказался в двойственном положении. Его обуревали противоречивые чувства. Он был судьей Гилеада, готовым защищать владения Господа. Но в то же время — сыном Леваны; с Аммоном воевать он не хотел. Он сделался фельдмаршалом Господа, который рвется разгромить врагов своего Бога, и — вождем «пустых» людей, драчуном и авантюристом, стремившимся к захвату земель, неважно чьих, и при всем этом он ещё размышлял, не отдать ли ради достижения своих целей собственную дочь. Для Ктуры все было просто. Она и не подозревала, насколько запутался в делах её муж.

Он ощущал соблазн поделиться с Ктурой своими сомнениями. То, что он держит в тайне от жены содержание бесед с Нахашем, отягощало его душу. Но повторять слова, сказанные им царю Аммона, было очень рискованно. Нет, он не давал обещаний. Но если произнести даже эти полунамеки вторично, они станут осязаемыми, оскорбительными для Господа. Туманное, темное, лучше всего скрыть в собственном сердце.

— Ты считаешь, Ктура, что я — в мире с Аммоном, — ответил он ей тоном, лишенным обычной решительности. — Да, в мире. Но только до следующей весны. Ведь я — фельдмаршал Господа. Если Аммон в споре с ним, я не могу продолжить эту дружбу.

Ктура испугалась, но тут же успокоилась. Он, верно, хочет подшутить над ней, как это часто бывало.

— Не слишком ли ты строг к себе, Ифтах? — улыбнулась она. — Где Господу найти более верного воина? Вы оба сдержали слово: и ты и твой Бог. Ты освободил Мицпе и всю страну, а он вынудил

священника и ту женщину признать тебя законным сыном твоего отца, а меня — первой госпожой в твоём роду.

Она стояла перед Ифтахом и действительно думала, что он, хитростью и пролитой кровью завоевавший страны Тоб и Башан, свершил все лишь для того, чтобы покрасоваться перед братьями и вознести Ктуру над Зилпой. Её речи веселили Ифтаху... Внезапно он понял, что в чем-то она права. Довольно долго он лелеял именно такие мечты. И в самом деле, он переменялся. Ифтах, заботившегося лишь о том, чтобы показать себя тем, в Мицпе, больше не существовало. Сегодняшний Ифтах искренне хотел владеть своей страной.

Ктура почувствовала, как он отдалился от нее, быть может, она прочла его мысли? Без страха, все ещё подшучивая над ним, Ктура спросила:

— ...Или ты теперь жаждешь большего, хочешь стать властелином четырех стран света?

Ифтах неожиданно стал серьезным.

— Не знаю, — ответил он, обращаясь как будто бы и не к ней. — Как приятно было слышать твой голос на нивах Маханаима! Да и в пустыне... А, помнишь, как мы стояли с тобой на вершине Хермона?.. Все это лучи вчерашнего дня. Сегодняшнее солнце пока ещё за горами.

X

К Ифтаху прибыли послы царя Нахаша. Столь представительная делегация казалась странной в глуши страны Тоб. Послы передали подарки и оружие для Ифтаху, материи и пряности — для Ктуры, музыкальные инструменты — для Яалы.

— Нахаш, царь Аммона, велел поговорить с тобой, Ифтах, судья Гилеада! — провозгласил посол. — В городе Элеали речь между вами шла о том, что в течение года ты ответишь, мир будет между вами или вражда. Ночи становятся длиннее, скоро пройдет зима и наступит весна, пора, когда цари выходят на поле боя... Скажи, Ифтах, сын Гилеада, что ожидает нас: союз палатки и ложа или твердость железа?...

Ифтах слушал посланника царя с приветливой улыбкой, но со смутой в душе. До наступления весны он, конечно, не должен принимать решение. Однако требование Нахаша было справедливым. Ведь если мир не возобновится, царю предстояло ещё до весны заключить договор с Моавом и Башаном, чтобы к назначенному времени собрать сильное войско. Глава делегации доверительно сообщил Ифтаху, что имеет поручение, либо вернуться в Рабат-Аммон с изъявлением дружбы, а ещё лучше — с дочерью господина судьи, либо, если господин судья выберет железо, продолжить путь в Башан к царю Абиру. Ифтах сказал ему с напускной шутливостью:

— Здесь, в стране Тоб, я — не судья. Здесь я предводитель войска «пустых» людей. И мне, разумеется, по нраву война. Однако побудь моим гостем три дня. Твой царь мил моему сердцу. Это я хочу сказать своему мечу, если он будет оказывать на меня слишком большое влияние.

Неприятное чувство осело в душе Ифтаха, когда он увидел, что его людей удивляет прибытие посольской делегации. Безусловно, новость уже долетела и до Мицпе — путешествие столь представительной делегации не скроешь.

Он до сих пор не рассказал Ктуре и Яале о разговоре с Нахашем. И это особенно угнетало его. Собравшись с духом, Ифтах сухо сообщил жене, что царь Аммона хочет женить своего сына на Яале. Серые глаза Ктуры засияли восторженным удивлением. Сын царя, избранника Милькома, добивается руки её дочери!..

Сначала Ифтах не понимал, чему она так обрадовалась. Потом догадался и забеспокоился. Долгие годы Ктура без слов знала о его побуждениях. Она жила его мыслями, её волновали его заботы. Теперь же её ослепило предвкушение счастья, которое принесет родство с Нахашем.

Он осторожно попытался объяснить ей, что такой союз принесет войну Гилеаду, быть может, со всем Израилем. Она выслушала и неопределенно взмахнула рукой, будто жестом узкой, сильной руки могла отвести его опасения.

— Пусть будет так. Разве ты однажды не справился с сыновьями Зилпы и родом Гилеада? — сказала Ктура.

Ее боги закрыли дорогу к ней, и Ифтах не стал распространяться о своих заботах.

Он разыскал Яалу. От него не укрылось, как по-детски она восхищалась лютней, подарком людей из Аммона. Ифтах попросил её сыграть на лютне. Только ему одному. Они отправились в просеку. Яала была благодарна отцу за это внимание к ней, и по пути хвалила достоинства своего нового музыкального инструмента.

— Что за редкостный подарок прислал нам этот царь из Аммона! — восхищалась она. — Он, видимо, понял, отец мой и господин, кто ты такой и склоняется перед тобой и нашим Богом.

Ифтах был тронут. Его Яала, очевидно, думала, что подарки царя — не более, чем знаки дружбы. Она была простодушна, и мысль, что за словами и поступками могут скрываться корыстные намерения, просто не приходила ей в голову.

Они оказались в просеке. Сели друг напротив друга на пни. Яала беззаботно болтала. Могут ли муравьи, усердные работяги, обойтись без судьи, и какой судья им нужен? — спрашивала она отца. Такие вещи никогда не занимали внимание Ифтаха. Едва ли он думал когда-нибудь даже о собственных судебных правах. Он просто стремился к этой должности, потому что она сулила ему власть над всем народом.

Яала продолжала болтать, но он её почти не слушал. Он вспомнил, как испугался, когда она заблудилась. И понял, как будет скучать, если отдаст её аммонитам. Он уже сейчас завидовал этому принцу Меше.

Он взял себя в руки. Следует, наконец, все сказать ей. Ифтах заставил себя улыбнуться.

— Что ты сказала бы, если бы я предложил тебе отправиться к царю, который подарил тебе лютню? — спросил он осторожно.

— Мой отец прогоняет меня? — не поняла Яала.

— Никто тебя не прогоняет, — ласково посмотрел на неё Ифтах. — Я просто хотел узнать, доставила бы тебе удовольствие поездка в Рабат к этому царю.

Яала немного подумала и просияла.

— Кажется, я догадываюсь, о чем ты говоришь, — сказала Яала. — Если Господь вступит в Рабат, ты возьмешь меня с собой?..

Ифтах устыдился своей неуклюжей хитрости, убедившись, насколько его дочь наивна. И страх закрался в его душу. В каком она окажется смятении, если он объявит ей, что собирается выдать её замуж за принца из Аммона. Мысль, что такое замужество поссорит

его с Господом, мучила и его. А Яала любила и почитала Бога ещё больше, ещё искренней — всем своим простодушным сердцем. Как это отразится на ней? Может, он добьется от Нахаша для неё разрешения и дальше почитать Господа? Но все её окружение на каждой трапезе будет призывать Милькома и приносить ему жертвы. Он, Мильком, — их бог, наделяющий Аммон благословением и проклятием. Как дитя найдет путь между двумя богами? Ты же сам, Ифтах, сбиваешь её с пути своими дурацкими штучками. Сначала учил поклоняться Господу, предостерегая от подражания матери-аммонитке, и даже Мерибааля превратил в Эмина, а теперь готов посвятить её служению Милькому?

Да, он слишком быстро поддался сумасшедшим мечтам. Ведь, по правде сказать, отдавать Нахашу свою дочь он не собирался. В тот момент он хотел лишь удержать царя от сражений. У Ифтаха нет другого пути — он и впредь будет служить Господу. А значит — продолжит войну.

Но ведь ему будут принадлежать обе страны, которые объединит наследник Нахаша. Должен ли он отказаться от них? Должен ли он отказаться от восточной державы?.. А может, он пришел сюда, в просеку, чтобы просто разузнать, что на сердце у его дочери?..

Терзаясь сомнениями, он произнес:

— Может, не Господь, а дочь Ифтаха победоносно въедет в Рабат...

И тяжело вздохнул. Он сам себе был противен. Надо ли так витиевато говорить с такой простодушной девочкой, как Яала? Она старалась понять его, потом, отказавшись от своего намерения, ответила, преданно глядя на него:

— Все, что делает мой отец — справедливо. И без перехода, по-детски, весело спросила:

— Эмин может поехать вместе со мной? Взвешивая каждое слово, Ифтах сказал:

— Может, конечно. Но ему придется сделать трудный для него выбор: между тобой и мной.

— А ты разве не поедешь? — испугалась Яала.

— Поеду, — ответил Ифтах. — Я буду приезжать к тебе, но не надолго. Ибо, если мы поедem в Аммон, то эта страна должна стать

твоей родиной, а дом принца — твоим домом. А Эмин... Если тебе так хочется, я отдам его тебе.

Яала побледнела, губы её задрожали.

— Но тебя у меня не будет... — едва слышно пролепетала она.

И в этот момент Ифтах понял, что хотел узнать. Она действительно искренне привязана к своему спасителю, но он для неё — не больше, чем товарищ по детским играм. А его, своего отца, она любит. И сделает так, как скажет он. Если он отправит её в Аммон, она поедет — из любви к нему. И даже если она забудет Господа, то его, Ифтаха, не забудет никогда.

С напускной бодростью он попросил Яалу все же сыграть ему на новой лютне. Ведь именно за этим они сюда пришли! Ему и в самом деле хотелось ещё раз услышать песню, которую она пела, когда его назначили судьей.

Яала покраснелась от радости и засомневалась, удастся ли ей ещё раз подобрать столь удачные слова. Что ж, будут похожие... И она запела: «Слава Ифтаху, слава судье Ифтаху!.. С ним — милость Господа... Огонь Господа горит в его глазах...»

Ифтах смутился. Простая душа Яалы лучше, чем он, чувствовала, в чем источник его силы и успеха. В ней жила спокойная уверенность, что Господь благословил её отца. И она не разделяла Ифтаха с Господом, когда она говорила с Ифтахом, она говорила с Богом. Она пророчествовала... А он, Ифтах, собирается послать её на предательство. Болезненное чувство пронзило его: то, к чему он стремился, союз с Аммоном, обернется растворением Гилеада среди чужеземцев, врагов Господа. И сам он, как многие евреи Заиорданья, уже не будет израильтянином. Зилпа и её сыновья по праву проклянут его, ведь он предаст свой род, свой народ и своего Бога.

Тем временем дочь приняла решение.

— Если моему отцу необходимо, — став серьезной, сказала она, — чтобы я поехала в Аммон, я буду счастлива хоть что-то для него сделать. Что я значу, отец мой, без тебя. Если я — часть твоих планов, стало быть, и часть тебя...

Ее преданность и смирение ещё больше смутили его. Нет, он не мог бросить её на произвол судьбы. Он будет воевать с царем Нахашем.

Однако он не мог отказаться от своей восточной страны. И он сказал, наконец:

— Пока ничего не известно, Яала...

Гонцов из Аммона он отправил с дружеским, но двусмысленным посланием: «Ифтах, защитник восточного Башана, обращается к Нахашу, великому царю Аммона, к своему другу. Я далек от того, чтобы сказать тебе 'нет'. Но дай мне ещё время на то, чтобы сказать тебе 'да' и прислать свою дочь. Я должен успокоить своего Бога, чтобы он смирился и не излил гнев на меня и мою страну».

Глава посольской делегации внимательно выслушал его, долго размышлял, затем с достоинством поблагодарил и поцеловал его в бороду. Казалось, он удовлетворен. И делегация выехала назад, в Рабат.

Однако через три дня Ифтах получил известие, что послы по дороге повернули в другую сторону — направились на север, к Эраю, столице Башана.

Глава четвертая

I

Когда первосвященник узнал о послых царя Нахаша, подозрения его усилились. Как знать, какими новыми уступками намерен купить у сыновей Аммона продление мира этот двуличный человек! Старый священник решил не прощать больше Ифтаху отступничество от Господа. Война должна возобновиться. Если Аммон нашел себе могущественных союзников, пусть их найдет и Ифтах!..

По-настоящему помощь им мог оказать только западный Израиль, род Эфраима. Но кто из Гилеада способен обратиться к ним? Когда род Эфраима оказался в беде, братский Гилеад бросил соплеменников на произвол судьбы. Сыновья рода Эфраима добились победы и без Гилеада, но не забыли предательства. Но Ифтах не смел уступать земли Аммону. Ему придется укротить свою гордость и снизойти до поездки через Иордан, чтобы попросить поддержки. И отправляться нужно скоро, сейчас. Ещё до наступления весны у Гилеада должны быть союзники.

Однако пока священник мог лишь предаваться размышлениям. Ни предостеречь, ни строго предупредить Ифтаха он не мог. Ифтаха не было в Мицпе. Он пренебрёг должностью судьи, хотя так дерзко её добивался. И оставался сейчас на своем севере, уклоняясь от советов Авиама. Авиам одного за другим посылал к нему нарочных, напоминал о делах, требовавших присутствия судьи в Мицпе. Но Ифтах давал расплывчатые ответы и по-прежнему пребывал на севере.

Потеряв терпение, Авиам сам решил нанести Ифтаху визит. Путешествие оказалось тяжелым. Ещё неприятнее было унижаться перед этим надменным человеком. Но Авиам пошел на это.

Весть о приезде священника не доставила Ифтаху удовольствия. Он все ещё надеялся заключить с Аммоном союз. В глубине души он знал, что не сделает этого. Не отдаст им Яалу. Но понимал, что Господь и весь Гилеад хотят войны. Он и сам хотел воевать, только даже себе не признавался в этом. К тому же, он не обольщался на свой

счет и осознавал, что без союзников ему не победить врага. Ему следует обратиться за помощью к западному Израилю, к Эфраиму. Все его существо противилось этому. И вот теперь появится священник и будет заклинать его именем Господа и общими интересами, потребует, чтобы он преклонил голову перед Эфраимом. Ифтах ожесточил свое сердце...

Священник стоял перед Ифтахом, опираясь на свой посох — слабый, одряхлевший. Его большая голова смешно сидела на маленьком туловище. Но полные решимости глаза все ещё грозно смотрели из-под густых, сросшихся бровей.

— Шатер Господа и кресло судьи стоят рядом в Мицпе, — начал Авиам свою речь. — Только судья отсутствует вот уже много месяцев.

— Разве не ты отказался окропить мою голову священным маслом? — ответил ему Ифтах. — Но я сам посадил себя в кресло судьи. И теперь позволь мне самому решать, в чём заключается мой долг судьи... Старик опустил на циновку.

— Я приехал не спорить с тобой, сын мой, — примирительно сказал Авиам, — но чтобы ускорить тот час, когда Господь позволит освятить тебя своим маслом. С нетерпением жду я весны, продолжения войны и твоей победы над Аммоном.

— Определить точное время начала военных действий — дело полководца, все так же заносчиво возразил ему Ифтах. — Я разделяю твою озабоченность, уважаю твою старость и хочу посвятить тебя в мои планы. Аммон могущественен. Его поддерживает Моав, а весной он получит помощь и со стороны Башана. Я не собираюсь вступать в неравную войну. Планирую укрепиться здесь, на севере, чтобы царь Нахаш счел разумным продлить перемирие...

— Говорят, — резко оборвал его Авиам, — ты переписываешься с ним. Не собираешься ли ты вновь прельстить его землями Гилеада? Ты что же, по-прежнему считаешь, что мы не имеем права заключать союз против Аммона? Люди Аммона — гости в городах, их родиной остается пустыня. Они жаждут беспорядков, которые у них именуются свободой. Нам же Господь дал земли, чтобы мы поселились на них, сеяли и собирали урожай. Нам не следует связываться с теми, кто и нас тянет назад, в пустыню. Разница между нами и Аммоном слишком велика. И без того слишком многие дали возможность фальшивому богу Милькому проскользнуть в свои души. Боюсь, что

ты сам так и не сумел вырвать его из своего сердца. Разве ты не видишь, что, поддерживая отношения с Аммоном, наносишь себе вред? Господь — честолюбив, Он долго не сможет это терпеть.

Прогони же, наконец, Милькома! Веди войну против Аммона! Этого ждет от тебя Господь!

Ифтах смотрел на человека, произносившего эти слова, и все в нем раздражало его — жалкая фигура, большая голова, наполненные фанатизмом глаза, настойчивый, властный голос. Жажда власти в других усиливала его собственную. Злобно усмехнувшись, он бросил в лицо старику:

— Господь ждет от меня этого?! Ты выражаешь свои желания...

Старик с трудом поднялся. Его взгляд засверкал решимостью. Ифтах увидел это и собрался с силами. Он без сострадания представил себе жалкое тело Авиамы, спрятанное под одеждами. Что могла сделать даже такая мудрая и властная голова, если она сидела на столь немощем туловище?

Авиам уже говорил то, что собирался сказать:

— Ты знаешь, что должен делать, но не хочешь это осознать. Я выражусь предельно ясно. Раз ты не чувствуешь в себе достаточно силы, чтобы победить Аммон, ищи союзников! Поезжай через Иордан. Поезжай в Шило, столицу Эфраима. Попроси помощи.

Ифтаху разозлила деловитость старика. Но он взял себя в руки. Ему хотелось ответить так, чтобы его слова звучали беспристрастно, но ранили священника.

— Если Господь требует войны, — сказал он, наконец, — то войско должен вести не военачальник Эфраима, а я сам. Но если войны хочешь ты, я буду миролюбив. Если Эфраим предложит мне помощь, не откажусь. Ради тебя, старик.

Это была насмешка чистейшей воды. Авиам прекрасно видел это.

— Ифтах, Ифтах! — в предостерегающем жесте поднял руку Авиам. Подумай, если бы ты был Таханом, военачальником Эфраима, предложил бы ты помощь роду, который в решающий час бросил его на произвол судьбы? Ифтах высокомерно солгал:

— Военачальник Тахан не сделает этого, он слишком чванлив. А я, Ифтах, горд. Но я пошел бы на это.

Священник, не в силах противостоять такой дерзости, тихим, но полным страсти голосом, попросил:

— Поезжай в Шило, Ифтах, добудь помощь! Теперь ярость Ифтаха прорвалась наружу.

— Никогда! — закричал он. Авиатом овладела усталость.

— Раз ты не хочешь смирить свою гордыню, — сказал он. — Я сам поеду в Шило и попрошу первосвященника Эфраима помочь нам.

— Что ж, я не могу тебе запретить сделать это, — с напускным безразличием отозвался Ифтах. — Но не смей говорить от моего имени. И запомни: войны не будет. Ни царь Нахаш не хочет войны, ни я. А в союзе с Эфраимом не хочу воевать тем более.

Священник повернулся, чтобы уйти.

— Боюсь, Ифтах, — сказал он, заканчивая разговор, — что ты истощил терпение Господа.

Ифтах был доволен собой, он был прав, ему не следует скулить перед Эфраимом. Ифтах не позволит священнику командовать собой. Сковать себя цепями может только он сам.

II

В город Ифтаха — Афек приехал певец, один из тех, кто в лучшие времена бродил по стране. Почти все певцы были родом с западного берега Иордана, и большинство — из рода Эфраима. Люди Эфраима очень гордились своими героями, героями Израиля — Иошуа и Деборой. Они охотно высмеивали ленивых, трусливых, мужиковатых наследников Гилеада, остававшихся дома в самые тяжкие военные годы. Со своей стороны, гилеадчане платили людям Эфраима тем же — издевались над их высокомерием. А главной мишенью их насмешек были вычурные изысканные имена, которые давали главам семейств Эфраима — к отцовскому имени прибавляли у них имя деда, название рода, местности, клана. Каждый Абиель был сыном Бекера, Афин, Авиэзера.

Певцов любили на восточном берегу, а этот, по имени Яшар, считался одним из лучших. Люди из Афека прощали ему даже то, что он был из рода Эфраима.

Яшар пел во всех семи городах Ифтаха. Пел о делах Господа, о героях старого и нового времени. Люди думали о войне, которую им придется вести весной, и песни проникали в их сердца. В городе

Голане певца слушал Пар. Пар предполагал, что песни понравятся Ифтаху и его людям, и предложил Яшару посетить Ифтаху.

Люди Ифтаху радовались. Лицо Яалы сияло счастьем. Сам Ифтах приветствовал Яшара с двойственным чувством. Он любил певцов, их песни о воинской славе отвечали его настроению, но ему было неприятно, что этот человек пришел из земли Эфраима. Когда Яшар рассказал, что поездку в страну Тоб предложил ему начальник Пар, Ифтах смутился. Очевидно, даже близкий друг считал само собой разумеющимся, что Ифтах будет воевать вместе с Эфраимом. Ифтах с насмешкой спросил певца об его именах, деланно удивился, что у Яшара только четыре имени, и со злой иронией поинтересовался здоровьем Тахана, военачальника Эфраима. Певец, старый человек, не обиделся на насмешки и непринужденно отвечал на вопросы.

Ифтах, недовольный собой, пригласил его, как подобало, к трапезе. После трапезы Яшар пел.

Это происходило в горной долине, которую окружали лесистые горы. Желтая луна плыла по темному небу. Люди с хорошим зрением видели вдали сверкающий Хермон. Человек двадцать-тридцать сидели на корточках вокруг Яшара, и он в своих песнях рассказывал им о делах Господа, свершенных во благо предков и ныне живущих людей. Он, Господь, был проводником в пустыне — то в образе огненного столба, то в виде дождевой тучи. Он говорил с ними приветливо, но порой, когда был недоволен, гремел громами и сверкал молниями. Он шутил с ними и поддразнивал их. Он водил их по пустыне разными дорогами, например, в Египет, где необычайно высоко вознес прародителя Иосифа. Тем не менее, Он допустил, чтобы фараон поработил их, но вскоре снова сжалился над ними и вывел их из злой страны. Египтяне преследовали их, но Господь, радуясь великолепной шутке, расколол перед израильтянами море на две части, а затем снова соединил его, так что египтяне утонули вместе со своими конями и колесницами.

Затем Бог решил сделать своих возлюбленных израильтян оседлыми. Он нашел для этой цели Заиорданье, благословил её и приказал им завоевать эти земли. Но перед почти безоружными людьми появился народ эморитов вооруженные железом великаны на лошадях и колесницах, люди, до сих пор разрушавшие все, что встречалось на пути. Яшар громко пел о могуществе эморитов и их

царя Зихона, победившего Моав и Аммон. Но как могла помочь царю Зихону вся его сила, когда на их земли пришли дети Израиля и их Бог?

«Но тогда пришли мы, сыновья Господа, — пел Яшар. — И что осталось от царя Зихона?.. Собирайтесь же все, кто хочет, посетите его столицу Хешбон, и посмотрите, что там осталось! Пламя охватило город Хешбон и уничтожило города и селения царя Зихона. Мы опустошили их. И никто не сможет их восстановить. Мы разрушили страну, предали огню города и поля...».

Слова песни разжигали в душах людей божественный огонь Господа, Бога, который вел свой народ в бой и насылал страх на его врагов. Когда Яшар пел, мужчины тяжело вздыхали и мысленно испытывали свое оружие — натягивали луки, точили мечи. А женщины уже мечтали о том, как они будут ждать своих мужей.

Ифтах, однако, думал о городе Элеали, воздвигнутом на месте разрушенного Хешбона. Его разрушил царь Нахаш, как в свое время израильтяне. Тем не менее, Нахаш вернул его Ифтаху — как еврей еврею. Так должен ли Ифтах воевать против такого царя?

Старый певец заметил, что Ифтах задумался, и не был захвачен его пением, как остальные. Он решил спеть другую, более вдохновенную песню. Таких песен было много. Они рассказывали о кровавой мести Ламеха или о никогда не прекращавшейся войне с коварными потомками Амалека. Но самой лучшей, самой известной, самой прекрасной и самой страстной песней, которую издревле пели в Иорданских странах, была песня о славной победе под руководством Деборы. Эта победа, правда, была завоевана в войне, в которой Гилеад бросил братский род на произвол судьбы. Люди Гилеада вспоминали о ней неохотно. До сих пор здесь, на востоке, Яшар эту песню не пел, но Ифтах посмеялся над его происхождением, а ведь его самого ожидала война, в которой он будет вынужден принять помощь Эфраима. И вот он сидит рядом, равнодушно слушает песню Яшара... Это обидело певца. Ему и так стоило больших усилий таить в груди песню о Деборе. Теперь ему захотелось посмотреть, будет ли судья из Гилеада сидеть также, слушая лучшую песню Яшара.

Яшар тронул струны и запел о Деборе. Сначала он пел, как царь канаанский угнетал Израиль. В те времена в Израиле купцы не могли заниматься торговлей, крестьяне перестали сеять и убирать урожай, никто не осмеливался ездить по большим дорогам, люди тайком

пробирались окольными путями. В Израиле было сорок тысяч способных носить оружие, но никто не брал в руки ни щиты, ни копья. Люди лениво потягивались под своими одеялами, рассиживались на толстых коврах, ездили на белых ослицах... А сердца их наполнял черный страх.

«И тут поднялась Дебора, судья, мать Израиля, — пел Яшар. — Она поставила Барака военачальником и разослала гонцов по всей стране. На рынках затрубили в трубы, на водопоях — в бараньи рога. Мужчины Израиля услышали призыв и взялись за копья. Они спустились вниз — всадники, тяжело и легко вооруженные князья, вожди кланов и крестьяне. В долине собрались люди Эфраима, Биньямина, Махира, Нафтали. Однако род Реувена остался на пастбищах, слушая, как мычат и блеют стада. И Гилеад остался на своем берегу, лениво думал и предавался мечтам. И пришли цари Канаана, и начался бой у Таанаха и у вод Мегидоса. Они не добыли ни серебра, ни рабов. Появился Господь. Могущественный, он спустился с Сеира. Земля задрожала, небо зашаталось, тучи столкнулись, и горы закачались перед ликом Господа... Наступило утро. Ещё бледнели звезды, но своим угасающим огнем они воевали против Канаана. Струился ручей Кишон и воевал против Канаана, затопив страну Канаан. И мелькали копыта убежавших лошадей. Лошади ржали, потеряв своих всадников.

И побежал с поля боя военачальник Канаана Зиссера. Он пришел в лагерь бродячих кенитов и укрылся в палатке одной из женщин. Благословенна будь Яэль, благословенна среди всех женщин! Он потребовал молока, она дала ему жирное молоко в красивой чашке. „Приляг, — сказала она, — не бойся“. И он лег на постель. Её рука потянулась за кольшком палатки, за кольшком и молотком. Она ударила Зиссеру и раздробила ему голову... Он лежал у её ног; там, где собрался отдохнуть, теперь он лежал мертвый.

Мать Зиссеры ждет у окна. Смотрит сквозь решетку. Почему не возвращается домой его повозка? Почему не слышно цокота копыт его упряжки?.. Её утешает мудрейшая из женщин: „Они делят добычу, они богаты... По одной, а то и по две наложницы на каждого, дорогие одежды для Зиссеры, драгоценные платки — два, три для нашей госпожи...“. Пусть так погибают все твои враги, Господи!»

Затаив дыхание, мужчины и женщины слушали песню, сгорая от стыда за Гилеад, оставшийся на своем берегу, стыд, впрочем, вскоре сменился восторгом. Они восхищались кровавым величием Господа и не могли больше сидеть тихо, их сердца рвались в гущу битвы и смерти. Вслед за Яшаром они повторяли строфы, в которых звучали страх и великолепие. Они громко выкрикивали слова, в которых слышались дробные звуки скачки, испуганное ржание лошадей: «Дахарот, дахарот абирав...».

Песню слушал Эмин. Взволнованный близостью существ, которых он почитал больше всех — Ифтах и Яалы, он растворялся в ощущении предстоящей битвы. Мысленно, хриплым голосом Ифтах, он отдавал приказы своему отряду, летел на своей боевой повозке и так же, как Ифтах, задира л вверх подбородок... Песню слушала Ктура. Пение Яшара доставляло ей удовольствие, хотя она знала, что эти стихи оторвут от неё Ифтах, бросят его на страшную войну с Милькомом. Но против её воли предчувствие битвы рождало в ней необъяснимое радостное возбуждение... Песню слушала Яала. И воспринимала ее, песню во славу Деборы, так, будто бы она посвящалась отцу. Ей виделся образ Ифтах: вот он — в судейском кресле, он — властелин пустыни... Вот он сражается с врагами в битве... Перед ней возник образ Бога, великого в своем триумфе. Он вселяет страх в сердца врагов, объаты ужасом мощные тела вражеских коней... Все смешалось в её воображении, складываясь в единую героическую картину. Песня терзала её душу. Она подпевала, неистово что-то выкрикивала, пританцовывала, притопывала...

Восторг охватил всех. Захваченные песней люди стали как одержимые. Все участвовали в действии: кричали, вскакивали, танцевали.

— Не хотим больше сидеть в горах без дела! — выкрикнул кто-то громким голосом. — Хотим померяться силами с Аммоном! Веди нас против Аммона, Ифтах!

— Веди нас против Аммона, Ифтах! — подхватили остальные.

Толпа, включая женщин и детей, была охвачена единым порывом. И крики людей отзывались в горах эхом. Лес ожил, закричали птицы, им вторили разбуженные громкими звуками звери. Вся страна Тоб зывала: «Веди нам против Аммона, Ифтах!»

Сначала Ифтах сопротивлялся песне. Он не хотел, чтобы его одурачили красивые стихи, тем более такие, в которых воспевалось торжество Эфраима. Нет, он не боялся раствориться в воинственном восторге... Ифтах увидел, как слушает песню его дитя, его Яала. Её переполнял Господь. Она была одержима Богом... Ифтах почувствовал, как сжалось его сердце от безграничной нежности, он словно стал с ней единым целым.

А певец пел о том, как Яэль убила Зиссеру колышком палатки. Яэль и Нала... Обе — дикие козы, газели. Родственные души. Яала — мягче, но суть их обеих — одна. Ифтах чувствовал, как таял холод его рассудка, как возникали в его голове смутные картины. Были ли Яала и Яэль единым целым?.. Он содрогнулся. Смогла ли бы Яала ударить своего Мешу колышком палатки?..

Певец запел новую песню. Прежние образы исчезли. Теперь Ифтах всей душой жил в песне. Его поплотило чувство боевого триумфа. И не легендарный герой Гидеон, известный драчун и вояка, выходил на поле сражения. Это Ифтах стал Гидеоном... Он слышал голос Господа, который кричал ему вслед: «Благословляю твой меч!»

«Веди нас против Аммона, Ифтах!» — бушевала толпа. Ифтах широко улыбнулся. «Я сам хочу этого», — пела его душа.

Он был очень одинок в последнее время. Его обуревали думы и сомнения. Теперь холод одиночества отступил. Он стал единым целым со своим войском и племенем. В нем возникло чувство благодарности к певцу. Ифтах восхищался им, высказавшим то, что наполняло его грудь.

Однако ночью к Ифтаху вернулись сомнения. У него ещё был выбор. И он не хотел оказаться обманутым. Должен ли он оставлять без внимания град бесстыдных насмешек, которыми осыпал его певец, человек из рода Эфраима? Нет, Ифтах не позволит шарманке и старой песне дурачить себя. «Разве мы все — не евреи?» — снова услышал он вкрадчивый голос царя Нахаша и почувствовал, что Нахаш ближе ему, чем кровные братья... Но тут в ушах опять зазвенели строфы песни, прозвучали крики его людей: «Веди нас против Аммона, Ифтах!..» Он не мог уснуть. Стихи и возгласы толпы сменялись в его голове трезвыми доводами рассудка.

На следующий день он подарил певцу Яшару красивый кувшин, дорогое одеяло и сказал:

— Ну, а теперь убирайся скорее из моего дома, ты, человек, воспевающий позор моего рода. Ты — великий певец, твоя песня тронула меня. Но... Ещё немного, и я ударю тебя, твоя борода покраснеет от крови...

III

Авиам лежал на циновке в темном, затхлом шатре Господа. Он был болен, изнурен тяжелым путешествием и с неприятным чувством позволил Шамгару ухаживать за собой.

Он снова и снова обдумывал итоги поездки. Он был готов к сопротивлению, но не ожидал, что Ифтах был так связан преступным союзом с Аммоном. Богохульные речи этого гордеца сначала внушили ему мысль самому поехать с просьбой в Эфраим.

Но, чем больше он об этом думал, тем труднее казалась ему эта поездка. Просить о помощи священника из Шило, высокомерного Элиада, главного врага! Священники из Шило и с ними, к сожалению, весь западный Израиль смеялись над его, Авиама, святыней. Они не признавали шатер Господа здесь, в Мицпе; они хвалились, что владеют ковчегом Господа, сопровождавшим сыновей Израиля по степям и пустыням. Но этот ковчег в Шило был поддельным, а истинный знак союза рода Иосифа с Богом стоял в шатре Авиама. И теперь он должен был ехать в Шило!

Время шло. Авиаму нужно было срочно собираться в дорогу. Чтобы предотвратить новый сговор Ифтаха с Аммоном, важно ещё до зимы уверить его, что Эфраим окажет поддержку. Однако священник чувствовал, что не осилит вторую трудную поездку. Стоит, пожалуй, доверить щекотливую миссию надежному послу. Но где найти авторитетного человека, бесконечно преданного Авиаму?.. И он выбрал прежнего судью, сына судьи Гилеада, ученого, наивного, твердого в вере Шамгара.

Он разжевал и вложил ему в рот точные слова послания. Дал указание рассказать первосвященнику Шило обо всех бедах Гилеада, но прямо не обращаться к нему за помощью. Просьбу послать в Мицпе способных носить оружие людей Авиам хотел сформулировать сам. Он взял глиняную дощечку, свиток и начал писать. Он писал как

священник священнику, без обиняков рассказывая о проблемах, возникших из-за своевольного характера Ифтах. А в конце попросил у мудрого господина и брата из Шило помощи и совета. Он обстоятельно наносил на поверхность листа знаки, перечитал написанное, вздохнул, свернул дрожащими руками свиток и поставил печать.

Шамгар собрался в дорогу. Он скакал на белой ослице в сопровождении одного слуги. Пересек Иордан и направился в Шило.

В Шило Шамгар пробыл три дня. Авиам приказал поторапливаться, и он через короткое время был уже в Мицпе, потрясенный тем, что увидел, со скрепленным печатью посланием Гилеаду. Авиам старался не показать, с каким страхом он ждал ответа, и сначала выслушал подробный доклад Шамгара. А тот без устали рассказывал о множестве пластинок и свитков, которыми обладал священник из Шило, о том, сколь богаты их знания о жизни отцов и праотцев. В конце концов, он изложил то, что думал о первосвященнике Элиаде. Это был человек быстрого ума и глубоких знаний, он задал Шамгару разумные вопросы, однако, насколько Шамгар понял из его слов, ему недоставало благочестия и смирения перед Господом.

Наконец, Шамгар ушел. Авиам остался один. Он с нетерпением погрузился в чтение свитка. Элиад выражал понимание и сочувствие трудностям, которые принес священнику Авиаму, брату из Мицпе, дикий нрав господина судьи Ифтах. Несмотря на это, замечал он, лучше, если бы участие в войне Эфраима на стороне Гилеада обсудили не священники, а военачальники, Тахан и Ифтах. Он полагал, что подобающая настойчивость Ифтах в обращении к фельдмаршалу Тахану может иметь положительный результат: Тахан согласится помочь и отправит в Мицпе большое, хорошо вооруженное войско. Если Ифтах не станет обращаться к Тахану, он, Элиад, со своей стороны, в случае непосредственной угрозы Мицпе, мог бы прислать на помощь лишь несколько сотен воинов.

Авиам уставился на послание, злобно рассмеялся. У них в Шило приятный тон и хороший грифель. Писать умеют. Но по содержанию это послание низость. Несколько сотен... Как на основании столь жалких обещаний опровергать доводы Ифтах против войны? Авиам зря унижался. Он злился на себя, на Шило, на первосвященника. Тот

посмеялся над ним. Обычно смеялись над людьми Эфраима из-за их странного произношения. Они не выговаривали букву «ш», заменяя её звуком «с», то есть сюсюкали.

Авиам перечитал послание Элиада, теперь — вслух, имитируя произношение сыновей Эфраима, и развеселился. Этот Элиад никогда не мог правильно произнести даже название своего города. «Сило, Сило», — смеясь передразнил Элиада Авиам — «Господин первосвященник из Сило»...

Однако, когда он спокойно ещё раз обдумал послание Элиада, в нем прозвучало для него больше «да», чем «нет». Эфраим обещал немного, но за долгое время это было первое дружеское послание, пришедшее из Западного Израиля. Это был добрый знак. Господь размягчил сердца надменных сынов Эфраима. Господь хотел войны. Он, слугитель Господа, имел теперь право заставить упрямого военачальника вести войну. Авиам ожил. Добродетели, данные другому — физическая сила и воинские качества, с годами ослабевали; дар, которым благословил его Господь — необычная хитрость, оставался всегда. В беде, к которой привел народ Гилеада странный характер Ифтаха, этот дар становился двойным благословением. Он страстно мечтал придумать предлог, который сделал бы невозможным мир между Гилеадом и Аммоном. Он рассчитывал, взвешивал, одобрял свои мысли и отвергал. Мастер уловок и интриг, он вскоре придумал смелый, искусный план.

IV

На холме у Хешбона с незапамятных времён жили боги. Древних богов прогоняли, приходили новые, но и они должны были уйти. Семь поколений назад на холме поселился бог Мильком. Сыны Израиля разрушили его дом, когда захватили город. Но затем царь Нахаш вновь взял холм и сразу же начал возводить своему богу новый дом. Это была святыня, которую Нахаш защитил торжественным договором с Ифтахом. Строение было очень простым. На открытом среднем дворе стояло главное изображение бога — статуя быка. Она была снабжена двумя дверцами, внутри неё можно было зажечь огонь. Царь Нахаш сам освятил дом торжественной огненной жертвой и передал его под

защиту трех священников. При принесении жертвы не присутствовал ни один израильтянин. С тех пор прошло много месяцев. И вдруг разнесся слух, что тогда был принесен в жертву не зверь, а человек, израильский ребенок. Известно было даже его имя. Говорили, что в жертву принесли мальчика Бен Халила, одного из тех, кого Нахаш взял в плен при захвате Элеали, а потом привел в свою столицу.

Гилеадчане вокруг Хешбона были возмущены. Разумеется, со времени создания Богом солнца и луны, когда Он жил на горе Хешбон, иногда приносили дорогие огненные человеческие жертвы. Но это происходило во времена несчастий или необычных побед. Царь Нахаш принес такую жертву без особого повода, из чистого высокомерия, чтобы опозорить гилеадчан и их Господа. Гилеадчане не хотели больше терпеть в своей стране враждебного бога, во внутренностях которого сожгли мальчика Бен Халила. Наиболее благоразумные напоминали, что Ифтах строго запретил трогать святыню, он поклялся в этом аммонитам. Горячие головы отвечали, что клятва устарела, ибо Нахаш не сдержал своей клятвы. Так же думали и священники в Мицпе. Темной ночью толпа разгневанных людей ворвалась в святыню, избива священников, обрезала им бороды, разломала стены дома, свалила статую бога, измазала её навозом. Когда вошло солнце, приверженцы Милькома, призванные опозоренными священниками, увидели оскверненную святыню. Все вокруг было испачкано навозом, бог Аммона и его царь — неслыханно опозорены, договор, заключенный Ифтахом, грубо нарушен.

Когда весть об этом достигла страны Тоб, Ифтаха охватила безудержная ярость. Благочестивые дураки разрушили всё, чего он добился хитроумными переговорами с царем Нахашем. В его сердце закрались горькие подозрения. Он сразу же собрался в Мицпе.

Ктура никогда не имела привычки давать ему советы; но на этот раз не удержалась.

— Я знаю, — сказала она, — что ты отомстишь за преступление против Милькома. Но нужно примириться не только с богом, но и с царем Нахашем. Отдай ему Ялу. Сейчас...

Ифтах признавал, что Ктура права. После того что произошло, другого средства предотвратить войну не было. Но даже если бы он мог подавить чувства, которые поднимались в его душе при мысли о

союзе с Аммоном, чувство, что он предает свой народ, чувство страха перед гневом Господним, он никогда не заставил бы себя отдать Яалу. Пусть Нахаш приносит жертвы Милькому, он, Ифтах, не принесет в жертву свое дитя.

Ктура не понимала, насколько противоречивы его ощущения, она была уверена, что породнится с Нахашем. Никогда за все годы она не была так далека от него. Ему стало жалко ее, и он дал ей пустые, ничего не значащие обещания. И поспешил на юг, в район Хешбона. Созвал людей, разрушивших святыню, расспросил. Это были простые люди, которые верили в свою правоту. Да, они знали о его запрете. Но разве не преступление царя-идолопоклонника заставило их нарушить этот запрет? К тому же и в Мицпе говорили, что Милькома теперь навсегда изгонят из Гилеада.

Ифтах поспешил в Мицпе и, полный холодной ярости, в присутствии Циллы привлек к ответу Шамгара. Он грубо набросился на него.

— Это ты совратил людей из Гилеада, — грубо набросился на него Ифтах. — Ты подстрекал их пренебречь моим приказом! Ты сделал меня клятвопреступником перед царем Аммона!

Шамгар удивился не меньше, чем ревнители веры из Хешбона.

— Но, Ифтах, — ответил он. — Нахаш принес в жертву всеожжения своему богу израильского ребенка! Разве я мог запретить людям мстить за Господа?!

Ифтах увидел, как тонкие губы Циллы растянулись в злобной усмешке.

— Вы умышленно сделали это! — закричал он. — Вы готовы погубить весь Гилеад, лишь бы разрушить то, что я создал. Не притворяйся, ты, запачканный кровью дурак!..

Не помня себя от гнева, Ифтах отвесил Шамгару звонкую пощечину. Цилла громко завывала. Ифтах отвернулся от брата.

— Ты даже не представляешь, что ты наделал, — сказал он.

В Мицпе прибыло посольство Аммона. Послание гласило: «Нахаш, царь Аммона, обращается к Ифтаху, судьеклятвопреступнику из Гилеада... Ты вероломный, страшный человек! Разве мы скоты, что ты посмел так опозорить моего бога?!» Однако у главы посольской делегации было второе, тайное и неофициальное, послание к Ифтаху. И в нем говорилось: «Подумай о предложении,

сделанном тебе. Я — не враг воину Ифтаху, мое предложение остается в силе. Отдай моему послу свою дочь, и между нами будет дружба. Если ты этого не сделаешь, мой бог Мильком принесет много бед тебе и Гилеаду». Это послание взволновало Ифтах. На месте Нахаша он сразу же после дерзкого нарушения договора напал бы на Гилеад и уничтожил всех мужчин, которые жили вокруг Хешбона. Он был благодарен царю, который пересилил себя и снова предложил союз. Но при всей дружеских чувствах, которые он испытывал к умному, смелому человеку, он не мог с ним породниться. И если бы он отдал Яалу чужеземному богу, он предал бы себя и весь Гилеад. Он ответил царю: «Обманутый судья Гилеада говорит оскорбленному царю Аммона: мне жаль, что мои люди обидели твоего бога, и я собираюсь выдать тебе злоумышленников, чтобы ты поступил с ними по своему усмотрению. Но дочь мою отдать тебе не могу. Понимаю, что весной ты начнешь против меня войну. Знаю, что ты этой войны не хотел. Поверь, я тоже её не хочу. Но войны хотят боги».

Ифтах пошел в шатер Господа.

— Ну вот, получай свою войну, старик! — сказал он Авиаму. — Если она уничтожит Гилеад, в этом будет и твоя вина.

Гнев бушевал в нем, и в то же время он восхищался Авиамом. Священнику удалось сломить волю Ифтаху и принудить его к войне. А люди из Хешбона, да и Шамгар, и сегодня ещё не знали, кто натравил их против Нахаша.

Авиам хранил спокойствие.

— Я никогда не скрывал, что хочу войны против Аммона, — невозмутимо ответил он. И по-отечески добавил:

— Испытай себя! В глубине души ты сам рад, что отправишься на поле боя.

— Да, не буду лгать, я люблю войну, — согласился Ифтах. — Но эта война не входила в мои планы, и я никогда не забуду, что ты принудил меня к ней. Я тебе не союзник.

— Мне тоже пришлось кое-что взять на себя, чтобы подготовить эту войну, — возразил Авиам. — Честь священника — нечто иное, нежели честь воина. Едва ли она стоит меньшего. Мне нелегко было обращаться за помощью к людям Эфраима. Я — старый человек, а Элиад, их священник, полон сил и высокомерен. Но я обдумал все, что ты сказал мне о силе Аммона и его союзников, поборол свою гордость

и обратился к Эфраиму за помощью, как и обещал тебе ещё в стране Тоб.

Ифтах бросил на священника недружелюбный взгляд, но промолчал.

— И просил я не напрасно, — продолжал Авиам. — Элиад сможет прислать через Иордан только часть сил Эфраима; он — священник рода, а не военачальник. Возьми себя в руки и сам поезжай в Шило. Поговори с Таханом.

— Не раздражай меня, Авиам, — мрачно ответил Ифтах. — Это твоя война. Правда, воевать придется мне, и вы все устроили так, что это будет делом нелегким... Вы очень не вовремя опозорили бога нашего врага, так что теперь против нас — весь восток, в том числе, и Башан. Все это сделал ты, старик, своей благочестивой хитростью.

— Это — не твоя война и не моя, — сказал Авиам, — это — война Господа. Тебе стоит только поговорить с фельдмаршалом Таханом, и в твоём в лагере окажется весь великий Израиль. Если Аммон и Башан заключат союз, разве мы не сможем укротить свою ревность к Эфраиму?

— Я не смогу, — сухо ответил Ифтах.

— Не ожесточайся, — попросил священник. — Справься со своим тщеславием. Ты хочешь, чтобы победа досталась тебе одному. Но эту войну без содействия Господа ты проиграешь.

Ифтах признавал, что ему хотелось бы рассчитывать только на свои силы, такой уж он был человек. Он вспоминал, как стоял на склоне Хермона, а по скале, прыгая по выступам, поднимался баран с мощными рогами — «каменный» баран Акко. Он почувствовал себя тогда единым целым с этим гордым, упрямым зверем, согнать которого с гор не мог ни холод, ни ветер. Он, Ифтах, не поедет в Шило.

— Как я буду воевать — моя забота, — сказал он. — Мне не нужна помощь Тахана. Сам справлюсь с Аммоном.

— Совсем недавно в стране Тоб ты не был так уверен в своих силах, проговорил Авиам... — Вырви из своей груди честолюбивые грезы, Ифтах. Может быть, именно я взрастил в тебе эти мечты. Вероятно, мне не следовало говорить, что твое предназначение — создать единый великий Израиль. Я думал, что говорю с человеком, который готов принять на себя выполнение нелегкой миссии —

веления Бога. Ты же просто честолюбив и хочешь из стран Востока сколотить себе царство. Не желай этого, Ифтах! Союз Аммона и Гилеада не будет долгим. Господь связал Гилеад с другими родами Израиля. Но не с теми, что странствуют по пустыне. Похорони дерзкие мечты! Не думай о создании царства Ифтаха. Поезжай в Шило, веди войну вместе с Израилем и Господом.

От слов священника мечты Ифтаха расцвели с ещё большей силой. Старик был ревнив. Своим доверием он хотел уменьшить его могущество. Пусть он пробует на других людях. Он, Ифтах, заключит союз с Аммоном. Однако не предаст Господа, но подчинит Аммона своему Богу. Хитростью и смелостью он добьется для Гилеада господства над восточными берегами Иордана. И тогда он станет верховным властелином над восточными князьями, и вся страна, от Дамешака до египетского моря будет называться Гилеад, страна Ифтаха.

— Мои речи достигают лишь твоих ушей, — с грустью констатировал Авиам. — Но война научит тебя. Ты увидишь Господа, как увидел Его твой отец. Ты победишь. Я доживу ещё до того времени, когда смогу помазать тебя на царство.

— Я пойду на эту войну не для того, чтобы ты помазал меня, священник, — грубо ответил Ифтах и вышел.

VI

Воспоминания об этой беседе не давали Ифтаху покоя. Как человек, который против воли слышит стук капель ночного дождя по крыше, так и он снова и снова слышал предостерегающие слова священника: «Поезжай в Шило, поговори с фельдмаршалом Таханом».

В душе он продолжал спорить с ним. Когда он отказывался просить у фельдмаршала Эфраима о помощи, он делал это не из глупого самолюбия, у него были на то веские причины. Разумеется, Тахан согласится пойти на войну, но после победы хвастливый, воинственный Эфраим станет властелином на восточном берегу Иордана. Нет, никакой помощи от Эфраима!

С яростным усердием он начал подготовку к войне. Уже теперь, осенью, он послал гонцов во все кланы, сообщая, что они должны, как только затвердеют дороги, собраться в Мицпе. Установил расположение лагерей для родов восточного Израиля, — Реувена, Гада и Менаше. Собрал часть армии, чтобы защитить приграничные районы от неожиданного нападения Нахаша. Эти отряды он подчинил Гадиелю. Тот с удовольствием занялся военными вопросами и с прежней сердечностью стал относиться к Ифтаху.

— Хорошо, что у нас есть ты, — неуклюже сказал он Ифтаху.

Люди из Мицпе, увидев, с каким старанием Ифтах занимается военными приготовлениями, перестали огорчаться по поводу перемирия. Они решили, что Ифтах намеренно отложил на год военный поход, надеялись на своего военачальника и радовались предстоящей весне и войне.

Даже Шамгар забыл о своем недоверии и обиде, нанесенной ему Ифтахом. Как и прежде, он чувствовал привязанность к брату, над которым, несмотря ни на что, витало благословение Господне. Ифтах заметил в нем перемену.

— Ну, вы, наконец, довольны мной, ты, твой первосвященник и Бог? — спросил он добродушно, но грубовато. — Забудь о том, что мне пришлось подергать тебя за бороду. Когда будешь сопровождать меня весной на войну, неся ларь, открой пошире глаза и посмотри, как я веду сражение. Ты увидишь кое-что из того, что знаешь наизусть из своих дощечек.

Когда наступила зима, Ифтах приготовился к возвращению на север. За день до отъезда люди из Мицпе дали в его честь прощальную трапезу. Все чувствовали себя уверенно. Вино возвысило их души. Гадиель сказал:

— Весной ты завоюешь к западному Башану кусок Аммона и Моаба. Тогда многие встретят тебя приветствием: «Мой господин, судья Израиля!».

Ифтах посмотрел на него задумчиво и немного насмешливо, хотел что-то сказать, но промолчал.

Однако Эмин, научившийся читать по лицу своего господина, вспомнил о планах, открытых ему Ифтахом, когда, он раненый лежал в его палатке.

— Почему судья Ифтах должен удовлетворяться куском Моаба и Аммона? Отчего бы ему не перейти через Иордан и не завоевать там города, которые люди Эфраима и Менаше отдали в руки канаанитов? — произнес он. Все удивленно смолкли.

— ...И тогда, наконец, возникнет настоящая страна Израиль, — не смутившись, продолжал Эмин, задрав подбородок в точности, как это делал Ифтах. — Она будет, как Вавилон под владычеством властелина четырех частей света.

Мужчины растерялись. Израиль гордился тем, что его народ подчинялся старейшинам и судьям, а не царям. Они презирали невольников, гнувших спины перед царями. И Шамгар дал отпор эмориту Эмину. В наступившей тишине он строго сказал своим тонким голосом:

— В Израиле не может быть царя, непонятливый юноша. Царь в Израиле это Господь.

В Мицпе как раз приехал певец, некий Едидия. Он присутствовал на трапезе, и мужчины попросили его:

— Спой нам, Едидия, песню о шиповнике!

Эту песню знал каждый певец и каждого, кто её исполнял, награждали аплодисментами. Едидия не заставил себя долго просить, поднялся и запел:

«Деревья искали царя. Они сказали оливковому дереву: „Будь царем!“ Однако оливковое дерево ответило им: „Стоит ли мне лишаться моего доброго масла, восхваляемого Богом и людьми, и вместо этого суетиться, защищая деревья?“

Они сказали фиговому дереву: „Будь нашим царем!“ Но фиговое дерево ответило: „Стоит ли мне лишаться сладости моих вкусных плодов и суетиться, защищая деревья?“

И они сказали виноградной лозе: „Будь ты нашим царем!“ Но виноградная лоза отказалась, говоря: „Стоит ли мне лишаться своего вина, которое веселит Бога и людей, и вместо этого суетиться, заботиться о деревьях?“

Тогда они, наконец, обратились к шиповнику и сказали ему: „Хорошо, будь тогда ты нашим царем!“ Шиповник согласился, говоря: „Хорошо, помажьте меня на царство и спрячьтесь в моей тени“...»

Люди шумно выражали свое удовольствие. Едидия не был великим певцом, но песня о шиповнике приятно звучала из его уст, и

каждый понимал значение притчи: порядочные, разумные люди поступают мудро, когда ставят царем другого, только неразумные, «колючие» люди стремятся к трону. Все смеялись, радуясь свободе Израиля и своего племени.

Однако Ифтах не одобрял Эмина за то, что тот выдал его мечты. Он не знал, смеются люди над песней, над певцом или над ним, Ифтахом. Их смех был ему неприятен.

VII

Большую часть зимы Ифтах провел в принадлежащих ему землях Башана. Его семь городов процветали. Между западным Башаном, подчиненным ему, и восточным, где господствовал царь Абир, велась мирная торговля. Несмотря на это, во всей стране ощущалось беспокойство. Царь Абир вооружался. И если от него можно ждать разрыва союза и нападения на города Ифтаха, то, спрашивали себя люди, что произойдет, когда Ифтах будет вести войну в Гилеаде? Не используют ли его отсутствие эмориты, чтобы напасть в его городах на приверженцев Господа?

Ифтах посоветовался с Паром о том, сколько воинов он мог бы забрать из Башана. Пар считал, что сумел бы удержать города с двумя тысячами солдат. Но Ифтаху и эти две тысячи были нужны для военного похода. Следовало вербовать новых воинов. Это было дорогостоящим делом, тем более что царь Абир тоже снаряжал армию. Казны Ифтаха не хватало. Но существовала казна, накопленная Паром для Господа, причем весьма значительная. Разве Ифтах не имел права воспользоваться ею, если он готовился к войне Господа? Пар после некоторых раздумий согласился. Казна Господа воплотилась в воинов, коней, боевые повозки. Кассия и Пар, сидя как-то ночью с Ифтахом у костра, обсуждали, сколь велика армия Ифтаха. По сравнению с армией врага она была слишком мала.

— Если бы добавить восемь тысяч воинов Эфраима, — сказала Кассия, положение в значительной степени выровняется.

— Они высокомерны до отвращения, эти сына Эфраима, — добавил Пар, — но они — расчетливые люди и смелые бойцы. Они знают, что победоносный Аммон на этот раз нападет и на западный

Израиль. И определенно пошлют все свои восемь тысяч нам в поддержку.

Ифтах был ошеломлен. Очевидно, они оба думали, что он давно попросил помощи у Эфраима. Они должны были так думать. Человек, потребовавший казну Господа, был обязан, не колеблясь, обратиться к Эфраиму.

— Ты не был тогда мечтателем, открыв нам свой план, — продолжала Кассия. — Теперь видно, что ты не бросал слов на ветер. Ты шел по своему пути шаг за шагом точно, как рассчитывал. Сначала ты укрепил семь округов против Башана, затем сел в судейское кресло в Гилеаде, а теперь, отразив угрозу Аммона, перешагнешь через Иордан, и племена Запада признают тебя судьей Израиля.

— Да, теперь мы видим, с какой благословенной хитростью ты соткал свой план, — окрыленный надеждами сказал Пар. — Нахаша ты удержал, и теперь Эфраим сам придет в твой лагерь. Я разгадал тебя?.. Не угрожая, не прося, ты станешь военачальником и западных родов. Весь Израиль соединится в одно государство. Когда ты об этом сказал мне тогда, я в душе струсил, так рискованно это мне показалось. А теперь все получается само собой, как на тщательно подготовленной охоте.

Ифтах должен был сделать вид, что он доволен восторгами своих близких. Он отвечал неопределенно, односложно и сам стыдился своего лицемерия. Позднее в одиночестве на своем ложе он обдумал этот разговор. Они были правы, Пар и Кассия, не могло быть другого спасения, и все сходились на этом. Он должен был ехать в Шило и просить Тахана о помощи. На мгновение он представил, как кланяется Тахану и ждет его решения, и чуть не задохнулся от ярости. Было бы очень плохо, если бы Тахан вспомнил о предательстве Гилеада и отказал в помощи. Но было бы ещё хуже, если бы он высокомерно сказал: «Мы не такие, как вы», — и предоставил бы помощь. Нет, Ифтах не пойдет в Шило на поклон. Он обязан придумать что-то, что-то такое, что поможет ему победить одному, без Эфраима. Господь должен послать ему вдохновение.

Ифтах, сильный, здоровый человек, хорошо спал даже в эту ночь, полную забот. И во время сна его разум породил столь необходимый ему план.

Без всякого сомнения, вспомогательные силы Башана будут стремиться соединиться с Нахашем в начале года. Итак, они свернут с главной дороги фараона на более короткую, западную, и пересекут Ябок вброд у Пенцеля. Единственная дорога к броду ведет через ущелье Нахал-Гад. Именно там Ифтах окружит войско. Если ему удастся уничтожить эти сильные вспомогательные отряды, Нахаш не рискнет на генеральную битву, и исход войны будет предрешен прежде, чем начнутся военные действия. Ифтах сможет навязать аммонитам свои условия мира.

Разумеется, этот план вызывал некоторые опасения. Для того чтобы перехватить воинов Абира в ущелье, Ифтах должен выступить в период дождей, а марш по бездорожью, по тропам, отнимет много сил. Кроме того, удар мог оказаться удачным только в том случае, если поход будет скрыт от врага. Поэтому Ифтах должен был взять с собой только самое необходимое число воинов и искать путь через незаселенную местность. С другой стороны, враг, конечно, не будет готов к атаке, а Ифтах мог усилить свою армию отрядами гилеадчан из лагеря под Мицпе. Путь к Ябоку с юга был значительно легче.

Он сообщил свой план только Эмину. Тот провел всю свою жизнь в глуши и был человеком, пригодным для авантюрного похода суровой зимой. Эмин поставил перед собой задачу во всем походить на своего командира. Он поднимал подбородок, как Ифтах, старался сделать свой тонкий голос хриплым, как у Ифтаха, так что это иногда вызывало улыбку у Ктуры и Яалы. Но он также научился думать мыслями Ифтаха. Он понял план до последних тонкостей и сразу же увидел его преимущества и недостатки. Ещё никогда полководец не вел своих воинов так рано по тяжким дорогам. Люди Ифтаха привыкли скитаться по пустыне, и если кто-нибудь и останется лежать на дороге, большинство своевременно достигнет Ябока. Он удивительно быстро рассчитал, по каким тропам могут пройти те или другие отряды, предусмотрел, сколько нужно взять с собой стрелков из лука и метателей копий. Он уже видел, как люди крались по диким тропам, представлял себе, как разделяет отряд на две части и прячет их по обе стороны ущелья. А потом отдает приказы голосом Ифтаха. Ифтах с удовлетворением отметил, какой зрелости достиг его юный друг в искусстве войны.

Они ещё раз взвесили все «за» и «против». Эмин высказывал Ифтаху его же собственные сомнения, Ифтах опровергал их аргументами Эмина. Ифтах убеждал Эмина, Эмин — Ифтах. Младший все больше увлекался планом, бурно восхищался отдельными деталями и, наконец, ликуя, вскричал:

— Это, мой господин и судья Ифтах, среди всех твоих великих планов самый величайший. Ты победишь!

— И без помощи Эфраима... — добавил полный злобной радости Ифтах.

Он направил Эмина в Мицпе с посланиями Гадиелю и Авиаму. Гадиель должен был послать несколько отрядов на Ябок, да так рано, чтобы они достигли места назначения до новолуния Адара. А первосвященнику предстояло дать с собой Гадиелю ларь Господа. И все это — в глубокой тайне.

Гадиель, гордый доверием Ифтах, обещал, что он будет на месте в срок. Авиам был готов выдать ларь. Однако ему не хотелось доверять драгоценную вещь Гадиелю и его воинам; дотрагиваться до неё и охранять мог только священник из шатра Господа. Сам он был очень стар, чтобы сопровождать его, да ещё в столь неблагоприятное время года. Привезти ковчег к Ябоку поручили Шамгару.

Ифтах выслушал эту новость с неудовольствием. Ковчег нужно было тащить по тяжелым, скрытым дорогам, причем — в большой спешке. Он боялся, что неуклюжий, неловкий Шамгар не прибудет к тому времени, когда возникнет особая необходимость в благословении.

Период дождей в этом году был коротким. Ифтах готовился выступить в месяце шват.

Он предложил Ктуре сопровождать его. Она охотно была бы рядом с ним в этом великом военном походе, её подмывало принять предложение. Однако это был поход против её бога Милькома, ревнивого бога, и он, разумеется, предостерег Ифтах, требуя, чтобы она осталась на севере, в стране бога, смягчая его ярость. Она поборола свое желание и отклонила предложение Ифтах. Яала доверчиво, важно и гордо сказала Ифтаху перед самым его выступлением:

— Мне кажется, отец мой и господин, я разгадала твои намерения. Нахаш не должен отдать меня за своего сына. Ты забереешь

у него царство, посадишь его сына своим наместником в Аммоне, а потом отдашь Мешу мне в мужа.

Ифтах был потрясен и взволнован — с детской прямоотой Яала ясно выразила то, что он в душе планировал. Ибо он все ещё мечтал о том, чтобы после победы обручить свою дочь с Мешей, но так, чтобы не Яала поклонялась Милькому, а Меша поклонялся Господу.

Ночью перед выступлением Яала навестила лошадей войска. Их было много, и Яала часто приходила утешать животных. Она восхищалась их быстротой, чувствовала сострадание к укрощенным животным. Она жалела их. Для этих существ счастьем был быстрый бег, а они страдали под тяжестью всадников...

Она подошла к загону лошади Ифтаха, подождала, когда лошадь приблизится к ней, придвинула лицо к её ноздрям, почувствовала её дыхание и попросила её шепотом быть верной Ифтаху и помогать ему во всем.

Ифтах выступил на рассвете. Ему предстоял рискованный, полный трудностей поход. Он был уверен, что Эмин приведет людей на место к намеченному сроку, и они своевременно появятся перед врагом. Но не окажутся ли они истощенными? Сколько людей придется оставить по пути? И будет ли на месте Гадиель с гилеадчанами? Не случится ли так, что, несмотря на все старания замаскировать движение, лазутчики врага узнают о передвижениях его и Гадиеля? Довезет ли неуклюжий Шамгар к нужному времени ковчег Господа?.. Гораздо больше, чем во всех прежних делах, ему требовалась теперь помощь Бога.

И если уж не ковчег, то у него есть теперь знамя, которое несли прямо перед ним. Медное изображение волнующе сияло в лучах утреннего солнца. Молния Господа пылала в облаке ярко, мужественно, жутко, пугая врагов. А сердце Ифтаха она наполняла уверенностью.

VIII

Переход людей Ифтаха был труден, как он и предполагал. Некоторые отстали. Но Эмин оправдал надежды. Ифтах прибыл со своим войском к Нахал-Гаду в срок, который себе наметил.

В тот же день прибыл и Гадиель и привел с собой сильный отряд воинов, как и надеялся Ифтах. Ифтах боялся, что переход такого большого отряда скрыть не удастся. Однако Гадиель позаботился о том, чтобы в лагере Мицпе царило деятельное передвижение людей, кроме того, он приказал делать набеги на районы Аммона, так что враг не смог раскрыть, что многие в лагере отсутствуют.

Лазутчики докладывали о передвижениях воинов Башана. Войска врага тянулись сначала по большому тракту фараона; но затем, как рассчитывали Ифтах и Эмин, большая часть легко вооруженных воинов и даже отдельные группы всадников свернули на короткую дорогу к броду Ябока.

Войско, выделенное Башаном царю Нахашу, оказалось сильным сверх ожидания. Его сопровождали крупные обозы. Продвигалось оно очень медленно. Ифтах и Эмин получили возможность спокойно и осторожно сделать необходимые приготовления. Они заняли горы по обеим сторонам Нахал-Гада таким образом, что в короткое время могли заблокировать вход и выход из ущелья. Большое войско, которое Гадиель привел Ифтаху, позволяло ему расположить сильный отряд на другом берегу Ябока — с тем, чтобы перехватить при переходе через брод тех, кому удастся вырваться из ущелья. Все шло так, что лучше Ифтах не мог себе представить. Отсутствовало только одно — ковчег Господа; неловкий, неуклюжий Шамгар не прибыл в назначенное время.

На рассвете того дня, когда враг должен был достигнуть ущелья, Ифтах с Эмином и Гадиелем стоял на горе, с которой он собирался руководить битвой. Все дни шли грозные дожди. Теперь же дождь прекратился, из-за туч показалось яркое солнце. Однако Эмин, разбирающийся в погоде, заметил, что теплый, южный ветер принесет с собой сильные дожди, а может быть даже грозу, и это не облегчит людям Башана путь к ущелью.

Итак, они ждали в кустарнике на горе, хорошо скрытые от постороннего взгляда, и наблюдали. Показался отряд врага. Он был очень длинным, сведения разведчиков подтвердились. Ифтах со злобным удовлетворением заметил, как беззаботно двигался враг. Он хорошо понимал эту беспечность. Самая длинная, труднейшая часть пути была позади, им оставался только один трудный участок — проход через ущелье Нахал-Гад и переход через Ябок. По сравнению с

тем, что им пришлось перенести, это будет довольно легким делом. «Но в этом, мысленно обратился к ним довольный Ифтах, — и заключается ваша ошибка. Немногие из вас увидят конец дня». Он посмотрел на свое знамя и воззвал к Богу: «О, Господи, признаюсь Тебе, я хотел ради Тебя избежать этой битвы. Но, если ты справедлив, одобри меня! У меня есть на это все основания. Будь как будет, я борюсь за Тебя теперь всем сердцем, дыханием и кровью! Дай мне свое благословение!»

Вражеский авангард уже достиг ущелья. Они вошли внутрь. Ущелье поплотило их, и Ифтах больше их не видел. Внутренним взором он видел их смертный путь. Период дождей превратил ручей Гад в реку, несмотря на это, течение вряд ли могло кого-нибудь унести. Воины весело пробирались по извилинам реки, а некоторые из них, прыгая с камня на камень, добрались уже до её середины. Теперь в ущелье вошли всадники, и Ифтах, наконец, должен был дать знак закрыть вход. Он медлил. Отряд оказался почти бесконечным, многие ещё были вне северной части ущелья. Но Ифтах не хотел позволить уйти всадникам. Он дал знак. Отряд его тяжело вооруженных солдат бросился вниз на врагов, рассек их цепь и занял вход в ущелье. Такой же отряд появился у выхода, где Нахал-Гад впадал в Ябок. С холмов, окаймлявших стороны ущелья, лучники Ифтаха посылали во вражеских воинов свои стрелы, метатели копий бросали копья. В ущелье царили смятение и смерть. Люди Ифтаха имели приказ целиться сначала в лошадей. Раненые животные, ища спасения, били копытами, их громкое ржание перекрывало крики сражавшихся людей; страх животных усиливал смятение воинов. И вот сам Ифтах и его бойцы напали на объятых ужасом врагов, они рубили их своими острыми мечами. Сердце Ифтаха трепетало от радости.

Люди Ифтаха, опытные воины, перекрыли вход в ущелье таким образом, что никто из оказавшихся там не мог выйти. Но солдат Башана, не достигших ущелья, было очень много, они имели численное преимущество и не бежали, как предполагал Ифтах, они приняли бой и угрожали одолеть людей Ифтаха при входе в пещеру. Ифтах должен был помочь им, ему следовало поручить своим стрелкам из луков и метателям копий справиться с теми, кто заперт в ущелье; самому же надо было занять северную холмистую местность и обратить врага в бегство.

Воздух стал тяжелым. Эмин не обманул. Приближалась весенняя гроза, нависла блеклая, желтоватая туча, видимость ухудшалась. Но насколько мог видеть Ифтах, когда достиг северных холмов, враги были не только впереди него, они шли со всех сторон, ими кишели все холмы справа и слева.

Сердце Ифтаха на миг остановилось. Он увидел, что с востока наступают новые войска. Это не были высокие воины Башана и не эмориты. Прямо на отряд Ифтаха двигались люди Аммона, солдаты царя Нахаша. Не Ифтах перехитрил Нахаша. Это Нахаш перехитрил его. Очевидно, он раскрыл его замыслы и обошел его войско с востока. Теперь Ифтах понял, почему так медленно приближались отряды Башана. Нахаш дал им приказ задержаться, чтобы у него хватило времени окружить Ифтаха.

Упали первые, тяжелые дождевые капли, ударили первые порывы ветра. Если бы речь шла лишь о том, чтобы уничтожить тех, в ущелье, гроза была бы на руку Ифтаху. Но теперь она помогала врагу.

Вот появился бог врага, чтобы принять участие в битве. Бааль из Башана, крылатый бог-бык! Ифтах все время удивлялся, где он мог так задержаться. Неужели и у врага случилась такая же неловкость, и он должен был воевать без своего бога? Но теперь все стало ясно: Бааль просто умно держался позади войска и терпеливо ждал своего часа. Но время пришло, и сейчас он возвышался над Ифтахом, чтобы отомстить человеку, стоявшему на его горе, крыше его дома, и насмежавшемуся над ним. На руках у четырех гигантов-воинов он парил посреди толпы солдат — неуклюжий, с тяжелыми медными крыльями... Ну просто чудовище! А его, Ифтаха, Бога нет рядом! Они бросили его на произвол судьбы — старый, самолюбивый священник и Шамгар, его брат, полное ничтожество. От них требовалось лишь доставить ковчег Господа в минуту нужды, и они, беспомощные люди, не смогли этого сделать.

Вдруг на мгновение сквозь низкие тучи пробилось солнце. И Бааль заблестел страшным, наводящим ужас, блеском. Но Ифтах не испугался. Он не побежит, он схватится с хвастливым богом-быком, возьмется за его крылья, сбросит его в грязь, и ноги его воинов затопчут Бааля в навозе. Густая толпа защитников окружала Бааля. Ифтах сначала не имел намерения овладеть богом. Самым умным было бы, если бы он проскочил обратно к своим главным силам у

Нахал-Гада. Но его дикое, яростное желание схватить вражеского бога и бросить его в грязь оказалось сильнее разума и военного опыта, оно погнало его навстречу Баалю из Башана. Опьянение битвой, которое иногда бросало его отца вперед, охватило Ифтаху. Он закричал: «За Гилеад и Господа!» И рядом с ним закричал Гадиель: «За Гилеад и Господа!» И тут же послышался крик Эмина: «За Господа и Ифтаху!» Горнисты затрубили в рога. Они играли Торуа Гедова, великий призыв к атаке; знаменосец Ифтаху высоко поднял знамя — облако и молнию; старые товарищи Ифтаху из страны Тоб прокричали свой военный клич: «Гедад, гедад!» и бросились в гущу врагов, прикрывавших изображение Бааля.

Медь статуи оказалась тяжелой. Какими бы гигантами не были носильщики, они шли вперед медленно; казалось, что их бог тонет в желтовато-тёмной туче. Ифтаху засмеялся хриплым, довольным мальчишеским смехом, выставил вперед бороду, подбодрил людей, высмеяв бога-быка Башана:

— Ты уходишь, теленок из Башана, — закричал он, — прячешься от нас, но мы все равно вытащим тебя.

Однако враги увидели знамя Ифтаху, и оно раздражило их не меньше, чем Ифтаху — изображение Бааля. Их было гораздо больше, они напирали, теснили Ифтаху и его воинов. Знаменосец упал. Другой схватил древко и поднял его вверх, но и он упал, сраженный. И вот чужие, вражеские руки схватили древко. Люди Ифтаху вырвали его, но и их убили. Теперь уже без сопротивления эмориты захватили знамя — молния и облако Господа переходили из одних вражеских рук в другие. Знамя потеряно. Господь отвернулся от Ифтаху. Теперь ему придется сражаться без Его защиты.

Их оставалось слишком мало. Они поняли, как далеко ушли от своих главных сил. Маленький островок в море врагов... Однако они вели себя так, будто не замечали опасности. Это была клятва без слов. Опьяненные битвой, они кричали, пели, размахивали мечами — яростно, упрямо, радостно.

Гадиеля захватил восторг. Он смеялся, орал, болтал какие-то глупости, которые мог понять только он сам. Он участвовал в одиннадцати сражениях. Но ни одно не было похоже на это. Сейчас он дрался с четырьмя частями света.

— Это ты замечательно придумал, Ифтах! — выкрикнул он буквально перед тем, как вражеский меч рассек его шею.

Он упал, клопоча, держась за соседа и увлекая его за собой. Ифтах позавидовал ему. Гадиель умер в разгар битвы, своего любимого занятия, сражаясь, как истинный солдат Господа.

Тучи сгустились. Началась буря. С неба обрушился на землю проливной дождь. Такой сильный, что ничего вокруг не было видно. Эмин дрался рядом с Ифтахом и казался по-прежнему беззаботным. Он все ещё верил в победу. Наступил момент, когда можно было избавиться от врага. Это не составляло труда, ибо люди под проливным дождем перестали различать друг друга. Натренированный глаз Эмина и в непогоду сумел различить покрытую кустарником гору, до которой преследователям не добраться. Там можно будет сделать привал, отдохнуть, собраться с силами.

Они отправились в путь. Впереди — Эмин и Ифтах. Ифтах рубил вокруг себя ветки, как заправский дровосек. В минуту опасности он думал только о предстоящей ночи, только о том, как подняться наверх, на холм.

Они достигли вершины. Опустошенные, тяжело дыша, под непрекращающимся дождем, они упали на грязную землю. Они были спасены.

Эмин громко выражал свою радость. Господь спас их, наслав непогоду. Ифтах не возражал ему, хотя знал, что это не так. Гром и молнию послал Бааль, они исходили не от Господа. Господь послал им пядь земли, где они могли обдумать свое положение. Потом он прикажет им спуститься на верную погибель. И поделом. Бог предостерегал его через Авиама, певца Яшара, через Яалу и его друга Пара. Он должен был послушаться их и отправиться к сыновьям Эфраима. Но он понадеялся на свои силы. Принял за могущество жажду власти. Ему не удалось стать полководцем и судьей, а он хотел ещё быть властелином большого государства. Он подумывал даже о том, чтобы отдать свою дочь аммонитам и их богу Милькому. В действительности, единственным богом был для него не Мильком и не Господь, — а он сам, Ифтах. Поэтому сейчас Господь отвернулся от него, держал в стороне свой ковчег, забрал у него его знамя. Победили враги, а он подохнет здесь, в грязи.

Течение его невеселых мыслей прервал Эмин. Он тронул Ифтаху за плечо и указал на восток. Ифтах поднял глаза и увидел, как сквозь струи дождя промелькнуло то, что было так дорого ему теперь, так желанно. Он не смел поверить своим глазам. Но, очевидно, и Эмин узнал это издали. Значит, ему не почудилось: на мгновение промелькнул перед ним ковчег Господа.

Но ковчег отделен от них бесчисленной гущей врагов. Как соединиться им, Шамгару с ковчегом, и ему — со своим мечом?.. И тут он понял, что непогоду наслал всё-таки Господь. Это Его лик сверкал в молниях... К Ифтаху вернулась прежняя энергия. Он проложит себе путь к ларю. Он должен сделать это, он хочет этого, и сделает все, что необходимо.

Он поднялся с земли, медленно, но снова полный сил. Теперь он окончательно вырвал из своей груди то, что оставалось от Милькома. Все самое дорогое сконцентрировалось в его душе. И он воззвал к Господу:

— Ты вправе наказывать меня, ибо я был к Тебе равнодушен! И даже хуже: я предавал Тебя... У меня есть дочь, которой Ты благословил меня. Я и её хотел отдать Милькому... Но не наказывай меня! Ты послал нам непогоду, и твоя молния открыла мне глаза. Я вижу Тебя, узнаю и почитаю. Горы Синая, Ливана и Хермон — пальцы твоей ноги. Что я перед Тобой? Червь... Смирю свою гордыню и признаю это. Выслушай и не наказывай меня! Встань и помоги мне, борись за меня, как ты делал это, вступаясь за моего отца Гилеада, который был не лучше меня и верил в тебя не крепче, чем я. Не навлеки позора на мой род в глазах Аммона и западного Израиля. Убей меня, если хочешь, но прежде дай мне увидеть победу! Как добраться мне до твоего ларя? Дай моим людям объединиться с остальными! Нашли дикий страх на наших врагов! Я раскаиваюсь во всем, что сделал! Не надо мучить меня, впредь я хочу быть твоим верным сыном...

Ифтах стоял и шевелил губами. Он говорил лишь сердцем, а если даже какое-нибудь слово срывалось с его уст, буря и проливной дождь уносили его прочь. Его соратники видели, как он обращался к тучам и непогоде, они видели его сосредоточенное лицо, понимали, что он в последнем усилии, моля и заклиная, протянул руки к тому, кто мог

достичь этого места на облаке. Они видели его протянутые вверх кулаки, которые вдруг разжались, как будто он получил дар свыше.

Он же беззвучно, настойчиво взывал к буре:

— И если Ты меня услышишь, Господи, я принесу тебе жертву, достойную спасения от страшной беды, такую жертву, которой Тебе ещё не приходилось пробовать. Если Ты меня послушаешь и поможешь мне победить, я убью на твоём жертвенном камне лучшего из врагов, будь он хоть царем Нахашем, с которым я дружен. А если его не будет среди тех, кого я поймаю, я принесу Тебе в жертву всесожжения того, кто первым в моих владениях попадетя мне навстречу, даже если он очень дорог мне. Я принесу его в жертву Тебе, а не Милькому, только послушай меня и не дай погибнуть побежденным!

Так взывал Ифтах всем своим сердцем. И видел вдали покачивающийся ковчег Господа. Он то поднимался, то исчезал из поля зрения, то поднимался снова. Ифтах охватила радость. Он почувствовал: Бог услышал его. Он закричал, и теперь его хриплый голос заглушил барабанивший дождь и потрескивание деревьев:

— Видите ковчег Господа? Пробьемся к Богу!..

Он побежал вниз, громко топая и сбиваясь с тропы. Ветки деревьев хлестали его по лицу. Его силы удесятерились. Он рубил, бил, стремясь к ковчегу. Люди последовали за ним. Его сила и уверенность передавалась им, они пробивались сквозь неразбериху, непогоду, темень. Многих ранило, они падали. Слышались крики, стоны, призывные звуки горнов. Они продвигались вперед и приближались к ковчегу. Ход боя изменился. Враги, хотя их и было гораздо больше, дрогнули, их ряды открылись Ифтаху. Его имя «Господь открывает» приобрело для него теперь новый смысл. Охваченный восторгом боя, он не мог понять, почему эмориты, без сомнения, смелые люди, развернулись и разбежались в разные стороны. Вероятно, это Господь вызвал панику в их рядах, наполнил их души ужасом.

И вот, наконец, Ифтах достиг ковчега. Он блестел от влаги, его коричневатое, старое дерево казалось свежим, а носильщики, несмотря на опасность и непогоду, стояли счастливые и улыбались. Здесь же был Шамгар. Мокрое платье развевалось, хлопало и прилипало к его жалкому телу, но он, довольный, тоже улыбался

Ифтаху. Ифтах ощупал ларь своими грубыми руками. Это был он, ковчег. Ифтах нежно погладил его поверхность и поцеловал. Приказал носильщикам: «Поднимите его выше!» Его повелительный тон будто вселил в измотанных долгим путешествием людей новые силы. Они подняли ковчег.

Все увидели его. Господь явил чудо — ковчег прошел через вражеский заслон. И вот он оказался в стане сражавшегося Гилеада, он парил в воздухе, и все чувствовали: он был так лёгок, взмыл так высоко, потому что Бог в буре и тучах воевал теперь за Гилеад. Его дыхание подгоняло Гилеад вперед и вперед, а Аммон и Башан продвигало обратно. В смятении превосходящие силы противника бежали. Люди Ифтахы и Гилеада славили победу, топая ногами. Гортанные звуки горнов, яростные крики «Хедад!», «Ифтах!», «Гилеад!» заглушали гром и бурю. И случилось так, что прав оказался Эмин: непогода была делом Господа. Ибо реки Гад и Ябок воевали за Гилеад. Ущелье и берег Ябока стали непроходимыми. Врагу осталось лишь бежать на север. Но там, как казалось им, кто-то невидимый гнал их обратно. Они пришли в отчаяние. Некоторые натягивали плащи на голову и гибли без борьбы. И только немногим воинам Башана и Аммона удалось скрыться.

IX

После победы Ифтах не вернулся в Мицпе. Он остался на реке Ябок и собрал остатки своих войск внутри и вокруг укрепленного города Пенцеля.

С этим древним поселением на Ябоке были связаны счастливые и неприятные воспоминания. Здесь у Пенцеля бог реки вступил в борьбу с прародителем Иаковом и боролся с ним всю ночь. Прародитель ранил его в бедро и не отпустил до тех пор, пока тот его не благословил. С тех пор прародителя стали называть «Израилем», то есть человеком, который способен драться с Богом и побеждать его. Позднее в этой местности бил врагов Израиля полководец Гидеон. Правда, он убивал и жителей Пенцеля, израильтян, ибо они ему не помогали, и разрушил их крепость. Теперь гилеадчане восстановили город и крепость, и его жители, ликуя, приветствовали Ифтахы. Ифтах

чувствовал себя легко и уверенно, как тогда на вершине Хермона. Он доказал это победой: он, как и прежде, оставался любимцем Господа; что бы он ни делал, ему сопутствовало благословение Господа. Шамгар рассказал ему о долгом, трудном пути ковчега. Ифтах добродушно посмеялся над медлительностью брата.

— Во всяком случае, ты прибыл достаточно рано, — сказал он, — чтобы увидеть мою битву собственными глазами. Я думаю, что ты расскажешь о ней на своих дощечках.

— Приложу все старания, — заверил скромный Шамгар. — Если бы только мне хватило умения! — вздохнул он. — Священники в Шило — лучшие писатели. Они так опишут чудо своевременного прихода воинов Эфраима, что даже потомкам будет приятно это читать.

Ифтах помрачнел. Его не заботило, как Шамгар представит течение битвы: он был слеп даже тогда, когда широко раскрывал глаза. Но факт оставался фактом, что после победы к его войскам примкнули воины Эфраима. Очевидно, люди Эфраима вспомнили просьбу Авиама и послали войска за Иордан. Теперь эти назойливые люди будут хвастаться, что он нуждался в их помощи. Его расстраивало также, что он, Ифтах, потерял свое знамя, а его неловкий брат в то же самое время целым и невредимым провез ковчег через сумятицу боя.

— Можешь, если хочешь, увезти свой ларь назад в Мицпе, — сказал он ему без всяких объяснений. — Я больше не нуждаюсь в его защите.

К Ифтаху явился представиться Еран, командир эфраимитов, которые примкнули к его войску. Еран пришел без большой свиты. Взял с собой только семь человек телохранителей. Он держался вежливо и совсем не кичился. Поздравил Ифтаха с победой, которую тот добыл для Гилеада и всего Израиля и порадовался, что и Эфраим внес свой вклад в эту победу.

— Мы взяли только около трехсот пленных, — сказал он. — Сначала мы убивали всех подряд. Только, когда увидели, что побеждаем, стали брать пленных. Но мы добыли другое, и тебе это очень понравится.

Он сделал знак одному из своих людей. Человек принес знамя Ифтаха и поставил его перед ним. Древко знамени было расщеплено,

щит поцарапан и продырявлен, облако и молния потеряли свой блеск. Ифтах не испытал радости, увидев отвоеванное знамя. Своим быстрым умом он сразу сообразил, как его поражение превратилось в победу. Врагов заставило бежать известие о приближении эфраимитов. Но он противился этой мысли. Это было не так, не могло быть так. Он, Ифтах, призвал Бога, заставил его выйти из ковчега и нагнать страх на врагов. А здесь стоял этот бессовестный негодяй и хотел украсть у него победу. Хриплым голосом он спросил:

— Когда вы перешли через Иордан? Сколько вас? Вы дрались или люди, бежавшие от меня, просто попали к вам в руки?

Еран, любезный и спокойный, как прежде, ответил:

— Когда я услышал, что вражеские войска в огромном количестве идут с севера по дороге на Рабат, я рискнул перейти через Иордан прежде, чем предполагал. Нас немного, только тринадцать сотен, и некоторые мои люди погибли при переходе через реку, но нас всё-таки было достаточно, чтобы помочь вам.

— Благодарю за знамя, но его нашли бы и без вас, — сказал ему Ифтах. Впрочем, не припоминаю, чтобы я звал вас.

Теперь Еран помрачнел.

— Неужели в Гилеаде такие раздоры, что судья не знает, что делает первосвященник? — спросил он.

— Священник Авиам мог вести переговоры со священником из Шило, — сухо произнес Ифтах. — Я не имею к этому никакого отношения. В Гилеаде вопросами войны священники не занимаются.

Еран все ещё сдерживался.

— Кто бы ни просил нас о помощи, — вежливо отразил он выпад Ифтаха, не представляю, как бы ты сумел спастись без меня. Когда мы приблизились к району Нахал-Гад, Аммон и Башан продвинулись вперед, и многие из твоих людей были убиты. Мы пришли, и враги побежали. Я не претендую на долю в добыче. Эфраим никогда не был корыстолюбив. Однако я требую свою долю славы. Израиль должен знать, что мы пришли, когда Гилеад попал в беду, в то время как Гилеад не помог нам в трудную минуту.

Ифтах возмутился. Этот человек, его гость, шепелявя, на смешном наречии Эфраима, произнося «с» вместо «ш», осмеливался здесь, в его палатке, напоминать ему о позоре его рода. Он вспомнил

хвастиливый обычай эфраимитов прибавлять к своим именам имена отца, деда, рода и насмешливо сказал:

— Послушай Еран, сын Шутелаха, сын Береда, сын Сабада, сын Я-не-знаю-кого, мы тоже не жадны к дарам, и, по мне, ты можешь делать с вашими пленными и добычей, что хочешь. И вам нужна награда за проделанный вами путь и переход через реку, вы можете получить по четыре шекеля за голову. Но я не позволю из-за вашего хвастовства портить себе радость победы и уничивать благословения Господа! Вы желали добра, и я благодарю тебя. Вы нашли моё знамя, и за это я тоже тебе благодарен. Ешь и пей, будь моим гостем сегодня ночью! Но потом уходи назад через Иордан... Ты говоришь, путь был труден. Я даю тебе время хорошо отдохнуть. До полнолуния. Но если ты к тому времени не уйдешь из Гилеада, ты и твои люди, ты перестанешь быть моим гостем, и я буду считать тебя одним из тех, кто с коварными намерениями вторгся в мою страну, как Аммон и Моав. Ты поймешь тогда, что меч Гилеада не затупился в этой битве...

— Израиль рассудит тебя и твоего спасителя, — сказал Еран и вышел.

Ифтах, оставшись один, презрительно фыркнул. Этот много воображавший о себе эфраимит, очевидно, всерьез думал, что повлиял на ход битвы.

Вошел Шамгар, важный, полный решимости. Еран пригрозил, что Эфраим мобилизует все свои войска, чтобы отомстить за позор. Но если Эфраим нанесет Гилеаду удар, Аммон почерпнет в этом новые силы. Гилеаду придется одновременно воевать против Аммона и Эфраима. И все победы Ифтаха окажутся тщетными.

— Какое счастье, — заключил он, — что я ещё не отправился с ковчегом в путь. Я поговорил с разгневанным Браном и немного его успокоил. Возьми себя в руки и ты, Ифтах! Разреши мне привести к тебе Ерана и окажи ему подобающие почести.

Разум подсказывал Ифтаху, что Шамгар прав. Ни один воин не потерпит оскорблений, которые он нанес Ерану, и тем более — надменные люди Эфраима. Если он сейчас не спадит ситуацию, без причины и нужды спровоцирует новую войну, войну с гораздо более могущественным союзом врагов, войну против Господа. Но если он теперь унижится перед эфраимитом, его слава и победа будут

запачканы также, как лежавшее перед ним его измятое, искривленное, исцарапанное знамя. Он попросил Ерана обратиться из страны и не отменит свое решение.

— Прекрати важничать! — негромко, дрожащим от гнева голосом оборвал он Шамгара. — Разве я вам приказывал приводить через реку хвастливых эфраимитов? Ты и твой Авиам своими хлопотами все мне только испортили!

Удивленный Шамгар с трудом владел собой.

— Ифтах, брат мой, — продолжал заклинять он, — не подвергай опасности свою победу! Предотврати междоусобную войну детей Израиля! Не допусти, чтобы эта ссора переросла в войну с Эфраимом!

— Хватит! — окончательно потерял терпение Ифтах. — Всем известно, что ты — трус! Замолчи и не раздражай меня!

Шамгара действительно переполнял страх. Вот он стоит перед Ифтахом, и не может противостоять неукротимой самоуверенности этого человека. Но он не должен думать о себе, сейчас важно предотвратить братоубийственную войну в Израиле. И он справился с собой.

— Ты должен поблагодарить Ерана, — упрямо твердил он. — И ты сам это знаешь. Он пришел сюда как посланец Господа, чтобы принести тебе победу. Оскорбив его, ты оскорбляешь Господа.

В предупредительном жесте Ифтах вытянул руку.

— Мне следовало бы наказать тебя, как я это однажды уже сделал, горячился он. — Но ты привез ковчег на поле боя. И я пощажу тебя.

Ифтах поднял с пола свое знамя, угрожающе помахал им перед Шамгаром.

— Убирайся прочь! — закричал он.

В эту ночь Ифтах с самим собой держал военный совет.

Если уж он не попросил прощения у Ерана, он должен был бы, по крайней мере, вернуться на юг, чтобы принудить царя Нахаша, на стороне которого больше не было никакого Башана, к битве и заставить его подписать мир. Эфраимитам потребуется месяц или даже больше, чтобы подготовиться к нападению, и до этого срока ему надо было покончить с аммонитами.

Но он чувствовал, что-то мешает ему. Ифтах не снялся с места и оставался на берегу реки Ябок у Пенцеля. Единственное, что он

заставил себя сделать — послал гонца к художнику Латараку с просьбой изготовить ему новое знамя.

X

Еран разбил лагерь у Бет-Набы, маленького местечка к югу от Ябока, по дороге в Мицпе. Очевидно, он не думал возвращаться до тех пор, пока Ифтах не признает его доли участия в победных торжествах. Шамгар тоже оставался в районе Ябока. Он продолжал вести переговоры с эфраимитами. Еран объявил, что готов забыть нанесенное ему оскорбление, если Ифтах пригласит его вместе с ним прибыть в Мицпе.

Разум Ифтаха требовал принять условие Ерана. Оно не было дорогим искуплением за допущенную Ифтахом грубость. Гнев и досада разъедали рассудок Ифтаха. Он ничего не ответил на предложение Ерана. Наоборот, вопреки всем военным соображениям, решил остаться на Ябоке до полнолуния. Тогда истечет срок, установленный эфраимитам. Он и сам не знал, что сделает, если они не покинут страну. До полнолуния оставалось три дня.

— Эфраимиты ещё не выступили? — поинтересовался Ифтах у своих людей.

— Нет, господин судья и главнокомандующий, — ответили ему.

Ифтах снял лагерь, возможно, с намерением двигаться в Мицпе. Но остался в районе Ябока и поселился в палатке на плоской, высокой вершине холма у Цафона, возвышавшегося над дорогой на Мицпе и бродом через Иордан. За день до полнолуния он в присутствии Эмина снова спросил у своих людей:

— Эфраимиты ещё не ушли? И получил тот же ответ:

— Нет, господин судья и главнокомандующий... Оставшись наедине с Эмином, он забегал взад и вперед, полный бессильного гнева.

— Я обещал им защиту до полнолуния, — сквозь зубы процедил Ифтах. — Но что я буду делать потом?.. Их надо убить, как диких зверей, которые угрожают стаду.

Ифтах словно не видел Эмина, он метался, как тигр в клетке и разговаривал как будто бы сам с собой. Однако Эмин заметил в его

глазах маленькие зеленые огоньки и почувствовал — Ифтах обращался к нему, Эмину, своей «правой руке», Ифтах дал ему это почетное имя... «Их нужно убить, как диких зверей»... Эти слова застряли в груди юноши.

Утром после полнолуния многие палатки в лагере Ифтаха на холме у Цафона опустели. Опустела и палатка Эмина. Ифтах видел это. Прохаживаясь по лагерю, он никого ни о чем не спрашивал. С высоты холма он смотрел на дорогу в Мицпе, на брод через Иордан.

Между тем Эмин в ночь полнолуния вызвал из лагеря Ифтаха надежных людей, большей частью тех, которые состояли в войске с первых лет его формирования. Быстрым маршем отряд прошел к Бет-Набе, лагерю Эфраима. Когда рассвело, он вошел в палатку Ерана.

— Тебе приказано, — сказал он и выставил вперед подбородок точно, как Ифтах, — оставить страну. Установлен срок. Он прошел.

— Я подчиняюсь только приказам моего командующего Тахана, — ответил Еран. — Он послал меня спасти вас от аммонитов. Я сделал это. Когда я смогу отвезти моему командующему причитающуюся от вас благодарность, я вернусь назад за Иордан.

— Если ты немедленно без разговоров не снимешь свои палатки и не перейдешь через реку, — сказал Эмин, — причитающуюся благодарность получишь от меня.

— Убирайся вон, болтун! — рассердился Еран. — Иначе я покажу тебе, как мы расправились с аммонитами.

Вскоре люди Эмина и люди Эфраима встали друг против друга, грозя кулаками и мечами, обмениваясь оскорблениями. Эмин собирался выгнать эфраимитов за Иордан без кровопролития. Но вскоре пролилась кровь, а перестрелка превратилась в битву. Противники были равны по силам. Еран командовал тринадцатью сотнями. У Эмина людей было не больше, он не хотел иметь преимущество. И в военном искусстве его люди не превосходили врага. Но эфраимиты, растерявшись, не успели подготовиться к бою. Они храбро защищались, но многих убили. Опьянение битвой охватило обе армии. Они яростно сражались, убитых было без числа. Самого Ерана вскоре не стало. Его люди испугавшись, что он убит, пришли в замешательство и побежали. Воины Эмина преследовали их, а эфраимиты бежали на север, к броду через Иордан у Цафона. Ифтах со своего холма видел, как они приближались. Их было уже

немного. То, что происходило внизу, больше не было битвой. Преследователи убивали бежавших.

Ифтах радовался, сопереживал своим людям в их яростной и счастливой погоне. Но в то же время понимал: все, что происходит сейчас внизу, недостойно и вообще глупо. Там, внизу, сеяли семена зла. Он должен встать перед своими людьми и защитить побежденных. «Не будь сыном своего отца, Ифтах! — кричал его внутренний голос. — Не позволяй своему самолюбию властвовать над собой! Положи конец этой бессмысленной и опасной затее!..» — Но где-то ещё глубже в душе копошился не покидающий его червь: «Дай волю своей радости! — сладко нашептывал он. — Будь свободным, будь человеком пустыни!»

Ифтах не потерял рассудок. Трезвый разум подсказывал ему: если он не остановит преступные действия своих людей, Эфраим потребует искупления. Ему придется выдать Эмина и терпеть унижения.

Он остался на холме...

Вскоре вернулся Эмин. Его, сейчас совершенно мальчишеское, лицо светилось улыбкой.

— Твоим стадам больше не будут угрожать дикие звери, мой господин, судья и главнокомандующий! — разгоряченный битвой, весело сообщил он.

Эмин исполнил желание Ифтаха, хотя приказа от него не получал. Он был чист — перед людьми и перед Богом. Ему оставалось лишь нахмуриться и строго спросить: «Что произошло там, внизу? Что вы там натворили?» И ответственность за содеянное перед Гилеадом и Израилем ляжет на Эмина. Прошел один миг, другой. Но не мог же он отрицать, что действительно выразил такое желание! Не мог он бросить на произвол судьбы Эмина, ради него рисковавшего собой!

— Спасибо тебе, Эмин! — сказал Ифтах, наконец. — Ты все сделал правильно...

Эмин поскакал вниз, к броду через Иордан. Его люди хорошо поработали, но и дорого заплатили за победу. Многие полегли в битве, и теперь оставшимся полагалась награда. Несомненно, кому-то из эфраимитов после поражения удалось уползти, затаиться. Они, конечно же, попытаются пересечь Иордан, чтобы вернуться в свою страну. Люди Эмина приготовят им отличное купание.

Одну сотню Эмин поставил в караул у брода. Из его тринадцати сотен погибло больше половины. Воины не забыли своих мертвых товарищей и теперь предвкушали новую встречу с эфраимитами.

И вот появились первые сыны Эфраима. Сначала — трое. Они были без оружия. Один из них хромял.

— Мир вам, люди! — приветствовал их караульный. — Какого вы племени и что вам нужно?

Эфраимиты ответили, что они принадлежат роду Авиэзов из города Офры. Узнав, что на Гилеад напали аммониты, они забеспокоились, как обстоят дела у их родственников. А теперь возвращаются домой.

— Так-так! — ухмылялись люди Эмина. — Вы, стало быть, из рода Авиэзов и собираетесь перейти через реку.

Однако, вместо слова «река», караульный употребил слово «шиболет», что означало «небольшой, мелкий водоем», что было оскорбительным для Иордана.

— Да, мы хотим перебраться через Иордан! — повторили эфраимиты.

Караульные настаивали:

— Вода сошла, и здесь, у переправы, Иордан превратился в шиболет...

Расчёт был прост. Караульные добивались, чтобы люди Эфраима называли Иордан шиболетом, произнеся вместо «ш» звук «с». И добились, наконец.

— Да, мы хотим пересечь «шиболет», — подтвердили эфраимиты. Бойцы Эмина обрадовались.

— Ну, попробуйте ещё раз, скажите слово правильно: «ши-болет»! издевались они.

Безоружные воины Эфраима предприняли вторую попытку. Но их снова постигла неудача.

— Вы — воины Эфраима. Вы пытались обмануть нас! — заключил караульный.

Он подал знак, эфраимитам раскроили черепа, и бросили их тела в Иордан.

Эмин, рассказывая Ифтаху, что происходило у брода, смеялся. Вместе с ним смеялся и Ифтах.

Глава пятая

I

Весь день Ифтах не покидало радостное чувство. Утром он проснулся с ощущением, что одержал великую победу.

Он обдумал дальнейшие планы. Сначала он должен рассчитаться в северных областях с теми, кто оказался недостаточно преданным его делу. Однако вместо этого он отдал приказ выступить на юг, в Мицпе. Удивленным командирам отрядов он объяснил, что прежде, чем покончить с Башаном, хочет принудить к заключению мира царя Нахаша, пока ещё царь не успел объединить свои силы с Эфраимом. Но в глубине души он знал, что от марша на север удерживает его совсем другое. На севере жили Ктура и Яала, а он поклялся Господу, что принесет в жертву первого, кого встретит в своем имении. Тогда он выразился неясно. Что означали слова «мое имение»? Его лагерь или палатку в стране Тоб? Однако разумнее сейчас идти в Мицпе и, тем самым, избежать марша на север, где он мог первыми встретить дорогих ему женщин. Его душу наполнило мрачное, нездоровое любопытство: кого из его людей вышлет Господь ему навстречу в Мицпе, чтобы он мог исполнить свою клятву?

На всем пути его встречали с ликованием и почетом. Правда, некоторые сомневались, правильно ли сделал Ифтах, напав на эфраимитов, и боялись гнева Господа. Большинство, однако, безгранично доверяли ему и радовались великой победе. Вся страна восхищалась смелой шуткой людей Ифтаха у брода реки Иордан. Люди из Гилеада были серьезны, горды и смеялись сдержанно, но когда думали о происшествии у Цафона, толкали друг друга в бок и оглушительно хохотали. Они то и дело повторяли: «сиболет» и «салом», все что начиналось на букву «ш», и потешались над глупыми, неуклюжими эфраимитами, которым в жизни не выговорить такие простые слова.

Ифтах в этом марше к Мицпе запретил нести впереди себя знамя. Он ждал новое, которое должен был изготовить художник Латарак.

Однако, приблизившись к Мицпе, он свернул к горе Обот и там, на кладбище, вытащил старый стяг. Он приказал отодвинуть камни и вступил в пещеру, чтобы показать измятое, изогнутое знамя с облаком и молнией — свидетельство его несчастья и его победы своему отцу.

Медленно двигаясь в сумерках, ощущая дурно пахнущую прохладу, он приблизился к телу отца и положил рядом с ним свое знамя.

— Твой сын Ифтах, — начал он свой рассказ, — добился такой победы, которой не добивался никто со времен победы Барака и Деборы над канаанитами. Аммон и Моав долгие годы не отважатся нападать на Израиль. Я принес тебе знамя, чтобы ты увидел мою беду и мою славу. Сообщаю тебе, что я не испытываю радости. Ибо в гневе своей гордыни я убил тех, кто пришел, чтобы помочь мне. Знаю, это плохо, боюсь, что оскорбил Господа. Когда я был у тебя в последний раз, я хвастался, что не буду поступать, как ты, сумею себя обуздать. Я переоценил себя, не смог стать господином своих диких страстей. Помоги мне, если можешь, чтобы от этого не вышло зла. Во всяком случае, сегодня все хорошо. Сегодня я — победитель и говорю тебе: имя твоего рода обрело блеск благодаря твоему сыну Ифтаху...

Когда он вышел наружу, у него снова стало легко на сердце. Переполненный счастьем победы, он направился к стенам Мицпе мимо Ремет-Хабоним, горы умерших детей.

В Мицпе царило всеобщее ликование, подтверждавшее, как велика его победа. Навстречу ему из ворот города неслись песни, крики, громкая веселая музыка.

Среди звуков арф, флейт, цитр послышался ему странный, но родной звук литавр Яалы. Что это? Он ведь в Мицпе, а не в своем лагере в стране Тоб. Или он все перепутал? Ифтах смутился. Неужели он в плену своих грез?.. Но нет, он определенно находился в Мицпе. И его дочь, Яала, танцуя, шла впереди процессии девочек.

Его душу охватил ужас. «Кто первый выйдет навстречу, — хвалился он перед Господом. — Пусть даже это будет дорогое мне существо». Тем временем Яала танцевала перед ним свой неистовый танец и, ударяя в литавры, пела: «Самый сильный воин — это Господь, Он утопил врагов. Он благословил Ифтаха, который сражался его мечом. Велик среди всех героев Ифтах! Его отец, судья Гилеад, в великой битве убил четыре тысячи вражеских воинов, но судья Ифтах

острием своего меча заколол четырнадцать тысяч... Празднуя возвращение Ифтах, перед его домом расстилают красные, праздничные ковры. Люди и камни города Мицпе превозносят Ифтах, судью и полководца, победителя...» Так пела Яала.

Лицо Ифтах омрачилось. Ему хотелось крушить всё вокруг себя, рвать на себе бороду и платье. Женщины растерялись. Яала хотела быть здесь, в Мицпе, чтобы отец, как обещал, взял её с собой и гордым победителем вступил вместе с ней в Рабат-Аммон. А Ктура, когда Яала попросила её поехать торжественно встречать отца в Мицпе, без колебаний согласилась на это. Они хотели ошеломить его радостью, но, очевидно, сделали что-то не так.

Сделав усилие над собой, Ифтах взял себя в руки. Хриплым голосом, более хриплым, чем всегда, он воскликнул:

— Спасибо тебе, Ктура! Спасибо тебе, Яала! Спасибо вам всем! Но не время расхаживать мне по красному ковру. Война ещё не окончилась. Я должен ещё раздавить Аммон, чтобы он поклялся мне в мире и платил дань.

Он не вступил в Мицпе. Не расположился лагерем вне его стен, как сделал это перед битвой. Ифтах объявил день отдыха для отрядов, с которыми пришел. Спать он не мог. В его голове крутились строфы, воспевавшие Яэль. Яэль убила Зиссеру, полководца канаанитов, кольшком палатки. Мать ждала Зиссеру победителем с богатой добычей, а он лежал убитый... Яала тоже ждала напрасно. Он пришел победителем с богатой добычей, но он пришел, чтобы убить ее.

Ему не спалось. Вскоре после начала третьей ночной вахты он отправился прогуляться по погрузившемуся в сон лагерю. Он поднялся на холм. Глубоко сидевшая в небе половинка луны бросала на землю слабый свет. Страна лежала перед ним — пустая, древняя, мертвенно-молчаливая и неподвижная.

Ифтах стоял на холме — широкоплечий, крупный, одинокий, выставив вперед подбородок и сжав зубы.

Господь одурачил его, сыграл с ним злую шутку. Он вдохнул в Нахаша требование отдать Милькому его дочь и, так как он не выдержал это испытание, Бог потребовал себе его дочь. Он — лакомка, этот Бог. Дитя Ифтах, Яала, дорогая дань. Она чувствовала сильнее остальных, её глаза устремлялись дальше, её лицо была красивее, чем у других. Поэтому Господь хотел забрать её.

Сладострастный Бог хотел её попробовать. Но Ифтах не позволит командовать собой даже Богу. Он думал об Акко, каменном баране. Он силен, у него большая армия, и он объединил под своим началом немало земель. Если он сейчас, после победы, обручит дочь с аммонитом, он сможет царствовать над великой страной, которую он видел с Хермона. И без Господа, против Господа.

Он дерзко засмеялся в ночной тишине. «Если Мильком за меня, вызывающе громко заявил он, — я буду прав. Если за меня Господь, я тоже прав. Но если я буду один за себя, я тоже буду прав...»

Он сам испугался своего громкого голоса. Его тело пронизала дрожь. Он вспомнил о духах, блуждающих ночью, и о Господе, самом сильном духе. Он был беспомощен перед Господом. Выхода не было. Если он не пожертвует дочерью, бог заберет обещанное, а его, клятвопреступника, уничтожит. Ифтах опустил на корточки. Снова пережил позор и поражение в горах Нахал-Гада. Снова услышал свою клятву. В глубине души он точно знал, что ценой за спасение он обещал Господу свою дочь. Он только хотел обмануть Бога двусмысленностью слов, как в свое время обманул царей Башана и Нахаша. Но Господь — не какой-нибудь царёк, Он не позволит обманывать себя.

Бог облегчил своему любимцу выполнение клятвы, послав навстречу любимого слугу. Но он, Ифтах, в высокомерии, в упоении победой, снова вызывающе вел себя перед Ним. Он поддался радости битвы и убил помощников, которых послал ему Бог. И то, что Господь послал ему потом навстречу дочь, было не шуточной проделкой, а наказанием.

Так сидел на корточках на горе Ифтах, судья и полководец Гилеада, победитель в Нахал-Гаде, охваченный раскаянием, и смотрел вниз на серую, сумеречную страну.

II

Люди из Мицпе считали, что Ифтах, используя свою победу, сразу же отправится в поход против царя Нахаша, все ещё удерживавшего город Иокбеку. Но шли дни, а Ифтах ничего не предпринимал. Рассудительный Елек пришел в лагерь и прямо

спросил у брата, почему тот не принуждает Нахаша к миру. Поля ждут пахарей, в домах и стадах не хватает мужчин, проводящих время в лагере. Ифтах отвечал, что дело командующего знать, как и когда вести войну. Он говорил так резко, что Елек замолчал. Ифтах подумал, что брат прав. Но знал: что бы он ни предпринял, это окончится неудачей, пока он не заплатит долг Господу. Он должен исполнить клятву, и — немедленно.

Однако он не делал никаких приготовлений, его словно парализовало. Внутренним взором он ясно видел, как его дитя, его Яала, связанная лежит на камнях жертвенника Господнего. Он видел её перехваченное веревкой горло, видел нож в своих руках, видел, как рука с ножом приближается к её телу, как тело дергается и замирает, как кровь вытекает на камни. И у него, сильного мужчины, не раз равнодушно смотревшего на смерть во время боя, кружилась голова от бессильной злобы.

Он раздумывал над тем, как уклониться от исполнения клятвы. Тот, кто давал клятву, требовал от Бога наказания, если её нарушит; это была плавная её часть. Он пропустил её. Значит, его клятва не была обязательной?.. Но он знал, что пытается обмануть себя. Господь принял клятву, он вылетел из ковчега и боролся за него. Он выполнил свою часть клятвы; теперь дело — за Ифтахом.

Из Башана, обеспокоенный слухами о нападении на эфраимитов, приехал Пар.

— Получается так, — сказал он, — что они пришли, чтобы помочь, а затем были убиты. Якобы, нашими. Так не могло быть. Думаю, что-то здесь поняли неправильно. Наши люди были опьянены битвой, а люди Эфраима, как всегда надменны. Они, вероятно, что-то требовали... Бывает, люди в упоении победой совершают необдуманные поступки. Но... Весь западный Израиль переполнен гневом. Эфраим собирается напасть на Гилеад. Прошу тебя, Ифтах, скажи мне, что произошло в действительности.

Ифтах, рассеянный и задумчивый, смотрел на озабоченно и доверчиво стоявшего перед ним друга.

— Отрядами, дравшимися с сыновьями Эфраима, — промолвил он, наконец, командовал Эмин. Он тебе и расскажет, что там случилось.

Пришел Эмин.

— Главнокомандующий, — гордо, ничуть не смущаясь, рассказывал он, приказал тем из Эфраима очистить страну Гилеад до наступления полнолуния. Но за день до полнолуния они все ещё располагались лагерем перед Бет-Набахом. Тогда главнокомандующий сказал, что их нужно убить, как диких зверей. Ещё он сказал: «Кто освободит меня от этой чесотки?». Поэтому я взял тринадцать сотен, ибо столько же было у командира Эфраима. Я не хотел иметь преимущества. И вот мы отправились к эфраимитам, и я напомнил их командиру, что срок истекает. Однако он говорил со мной дерзко, ругал нашего главнокомандующего. Тогда я сделал так, как он сказал, и освободил его от чесотки.

В палатке повисла тишина. Широкоплечий, массивный Пар тяжело дышал, и его дыхание походило на стоны. Он сел.

— Ты прекрасно изложил ситуацию, Эмин, — сказал Ифтах. — Именно так я выразился. Ты понял меня правильно.

— Ну, теперь ты знаешь, как это произошло, — обратился к Пару Ифтах, когда они остались наедине. — Не думаю, что из эфраимитов спаслось больше двух сотен. Из наших тоже погибло около восьмисот человек.

Пар молчал. Затем — Ифтах впервые видел такое — этот спокойный человек разразился рыданиями.

— Зачем ты это сделал, Ифтах? — наконец, спросил он.

— Вряд ли ты сможешь это понять, честный муж моей сестры, — ответил Ифтах. — Я и сам все это плохо понимаю.

— Ты потребовал казну Господа, — совсем тихо проговорил Пар. — Я выдал тебе деньги. Ты победил в честь Господа у Нахал-Гада. И во мне радовалась каждая капля крови...

— ...А потом я убил эфраимитов, друзей Господа, — подхватил, ухмыляясь, Ифтах. — На это я истратил его казну. Я ограбил святилище Господа. Ты это хотел сказать? Не хочешь ли ты обвинить меня у Авиама?

— Я вспоминаю день, когда ты лежал в палатке и открывал перед нами свою душу, — ровным голосом продолжил Пар, но в его речи сквозило обвинение. — И Господь вдохнул в тебя свою силу, и ты стремился объединить все племена Израиля в один народ. Но теперь дыхание Бога обошло тебя стороной, и ты расколол Израиль на части. Я хотел возвратиться в страну Господа. Но ты превратил Израиль в

пустыню, в которой каждый может делать все, что хочет. Я потерял тебя, мой друг Ифтах. У меня теперь ничего и никого нет, кроме Кассии и северной пустыни.

— Ты хочешь уйти от меня, Пар? — спросил Ифтах. Ошеломленный, он опустил голову.

— Тогда в пустыне, — задумчиво сказал он, — когда я убил камнем парня, требовавшего назад своего слугу Дардара, ты понял меня сразу.

— Расскажи мне, что ты сделал, Ифтах! Скажи мне, зачем!.. — снова потребовал Пар.

Ифтах знал: если он расскажет другу об ужасном искуплении, которое наложил на него Господь, Пар останется с ним. Но он не хотел сочувствия от людей. Даже — от Пара. Он сам справится со своей клятвой и с Господом. Он приказал Пару уйти.

III

Он должен был, наконец, найти в себе мужество и сообщить Яале свою тайну. Ифтах назначил ей встречу в ущелье северных гор. Её угнетало, что он рассердился, когда у ворот Мицпе она вышла ему навстречу. Теперь, взволнованная, полная доверия к нему, она ждала, что он скажет.

Он видел, как уверенно она шла рядом с ним и понимал, как сильно он её любит. Больше, чем Ктуру, больше, чем себя самого, больше, чем власть и всю славу на свете. Он не мог поднять на неё нож. Он возьмет её за руку, её и Ктуру, и уйдет в самую далекую пустыню. Но и в пустыне не спрячешься от Господа. Бог поднимется со своей горы Синай, догонит его, где бы он ни был, и скажет: «Я услышал твою клятву и даровал тебе победу, а ты клятвопреступник. Где твоя жертва?» И Господь задушит его и всех его близких.

Здесь, в окрестностях Мицпе, повсюду были поля, пастбища и загоны для скота, и им пришлось идти очень долго, пока они добрались до леса, где могли спрятаться и поговорить. Ифтах видел безмятежное, светившееся внутренним светом лицо своей дочери, видел, как она всей душой наслаждалась его близостью, и понимал, что и она любит его не меньше, чем он ее. Ему в голову пришла

поговорка, услышанная когда-то от старого Толы: «Нельзя убить льва, если он тебя не любит».

Яала обстоятельно рассказывала о своих маленьких тайнах. Победа отца её не ошеломила. С тех пор как он спросил, хочет ли она ехать с ним в Рабат, она знала, что он будет вести войну против Аммона и что он побьёт врага тогда и там, где захочет. Поэтому она сложила стихи в честь его победы ещё до битвы.

Ифтах вслушивался в её детский, немного ломавшийся голос. Видел её глаза. Сколько жизни было в них! Внезапно из его груди вырвался стон, он начал рвать на себе платье, бить и царапать грудь.

— О, дочь моя, — вымолвил он, наконец, — сколько горя ты приносишь мне своей красотой и любовью! Твоя любовь погнала тебя мне навстречу, ты пела для Господа и для меня, и вот теперь Бог хочет заполучить не только твою песню. Что за страшный Бог — этот Господь!

Яала растерянно посмотрела ему в глаза. Она слышала его слова, но не понимала их смысл. Затем до её сердца дошло, что он оплакивал её и ей предстоит что-то ужасное. Бывало, она жадно наблюдала за ранеными, умиравшими животными, видела, как из зверя вытекали кровь и жизнь, и испытывала сострадание к ним. На этот раз она сама стала таким животным. Её охватило страшное, мучительное чувство. Смертельно бледная, она сползла с пня, на котором сидела, и закрыла смуглые веки.

Ифтах гладил её руки до тех пор, пока к ней не вернулось сознание. Она посмотрела на него с улыбкой, сжавшей его грудь, и попросила:

— Дай мне еще немного полежать, отец, а потом скажи мне все, если хочешь.

Он сидел рядом с ней и держал её за руку. А её снова охватило то страшное, мучительное чувство, которое только что опрокинуло её на землю. Но к нему уже примешивалось смутное чувство радости, ожидания чего-то приятного. Она ещё не могла подобрать слова, чтобы выразить его, но была уверена, что они будут страстными, торжественно-возвышенными. Ифтаха тоже охватило какое-то ужасное и сладостное переживание. Оно было туманным, призрачным, и он точно знал, что ему никогда не выразить его словами.

— Теперь говори, отец мой, прошу тебя, — нарушила молчание Яала.

И Ифтах, как мог, рассказал ей о битве, о том, как она сначала склонялась к победе, затем обернулась поражением и бедой, о том, как он дал клятву, а Господь её принял, и как Бог вылетел из ковчега, вдохнул в него и его людей удесятёренные силы...

Яала внимательно слушала. Она задумчиво качала головой, взвешивая, соглашаясь, понимая. Торжественная, чудесная радость светилась на её лице, и она сказала:

— Всем своим существом восхваляю Господа! Он очень милостив ко мне, потому что благосклонен к тебе, а я — твоя плоть и кровь.

Она доверилась отцу и открыла ему то, что до сих пор скрывала в своем сердце. Эмин был её очень хорошим другом. Бог послал Эмина, чтобы спасти ее. Однако он хотел, чтобы она пришла в его постель, и если и не говорил об этом, то взгляд и все его поведение выражали это достаточно ясно. Это пугало ее.

Когда она высказывала тайны своего сердца, в ней нарастало возвышенное чувство. Она не была о себе высокого мнения. Она по-настоящему жила, когда пела. Или когда могла ощущать себя частью своего отца. Но если она окажется в постели с мужчиной, если она своим дыханием и жизнью будет питать его радость, то тогда, — она твердо это знает — она потеряет свой дар. И теперь Господь в своей милости посылает ей спасение от этого страха. Она счастлива, что объединяется с Богом, что её кровь вольется в его кровь и придаст Ему новые силы.

— Господь наградил тебя способностью волновать людей голосом и взглядом, — промолвил Ифтах, — а теперь Он хочет ограбить меня и забрать тебя к себе... Да ещё лишает тебя того, что присуще каждой женщине и доставляет ей радость!

— Мне не нужно это, — ответила Яала. — Я этого боюсь. Я довольна и горда, что приняла участие в этой победе. Сделай со мной то, о чем ты сумел мне сказать!

Они долго сидели рядом. Ифтах видел, что любит эту девочку больше и иначе, чем жену, он ревновал к Господу и чувствовал себя глубоко оскорбленным. В её голову, однако, приходили дикие, приятные мысли. Она видела камень, на котором ей предстояло

лежать, нож Господа и содрогалась. Тем не менее, одновременно она чувствовала гордость и радость, ибо это содрогание являлось высочайшим счастьем, истинным и справедливым. Она заранее чувствовала свое единение с Господом, отец и Господь объединились в ней в единое целое. И она была полна умиротворения.

IV

Ифтах и дочь скрыли от Ктуры свою страшную беседу. Ктура не задавала вопросов. Когда она перед Мицпе снова увидела Ифтаху, её неприятно поразила его растерянность. Но другого она и не ожидала. Ифтах победой над народом своей матери и своей жены оскорбил бога Милькома. Мильком сразу же отомстил ему, помрачив разум изменника и направив его меч против братьев-эфраимитов. Тем временем Ифтах уже осознал свою вину, и если он не вступил победителем в Мицпе, то потому, что боялся вызвать ещё больший гнев Милькома. Она, Ктура, должна была помочь Ифтаху. Ей нужно было снова повернуть его к Милькому.

— Ты выполнил свое обещание, — сказала она, — спас Гилеад и усмирил свой дерзкий клан. Но давай уйдем от этих людей, которые по-прежнему остаются твоими врагами. Вернемся в страну, которую ты завоевал своим мечом и без Господа, где фанатичный, чужой бог не имеет над тобой власти. А там, — хитро и доверительно прибавила она, — тебя, разумеется, простит и Мильком.

Ифтах со страхом понял, как она отдалилась от него. Она действительно думала, что он выступил на Аммон, чтобы покрасоваться перед Зилпой и братьями. Она не видела разницы между великой войной Израиля с врагами и мелкими вылазками, которые он предпринимал против городов Башана. Как же она поймет то страшное, что им предстоит?

И, несмотря ни на что, он должен ей сказать. Теперь же. Он не мог допустить, чтобы она услышала об этом от третьего лица. И, говоря как бы сам с собой, короткими фразами он все ей рассказал.

Ктура дико уставилась на него, широко раскрыв глаза. Человек, который стоял перед ней и произносил слова, противоречившие природе, не был Ифтахом. Настоящего Ифтаху, её Ифтаху, злобный

бог втокнул в пещеру к покойникам. А тот, кто стоял перед ней, был духом мертвого Ифтах — злым духом, пришедшим, чтобы принести ей зло.

Она очнулась. Поняла значение его слов. Он хотел убить Яалу. Он хотел уничтожить её плоть и кровь, дочь, ради которой Ктура должна была жить дальше! И зачем?.. Во имя врага, во имя Господа, чтобы он стал сильнее! Она всегда знала: когда-нибудь враждебный бог нападет на нее, как тогда волк... Она не могла говорить.словно кусок камня сдавил ей грудь и горло.

— Тебя, если хочешь отлучиться от Господа, я могу спасти. Дитя спасти не могу, — резюмировал Ифтах.

Ктура освободилась от скованности. Разразилась криком.

— Дурак!.. Кровопийца! — кричала она. — Мильком смилостивился над тобой и потребовал Яалу для Аммона, чтобы мы продолжались в роду царей. Ты не согласился. Ты хочешь убить её ради твоего Господа, чтобы получить ещё больше власти! Ты — ненасытный! Разве ты не видишь, что вместе с ней ты уничтожишь себя и меня? Твой бог помутил тебе разум! Я этого не потерплю! Я заслоню собой своего ребенка!

Ифтах посмотрел на нее, полный сострадания и печали, но как на чужую.

Она вдруг резко изменилась, сделалась совсем молодой и вернулась к своей прежней мольбе, бессмысленно и настойчиво повторяя:

— Ифтах, муж мой, мой любимый, я возьму тебя за руку, за другую возьму свое дитя, и мы уйдем прочь из владений этого коварного, вероломного Господа. В окрестностях Хермона кончается его власть.

Она схватила его руку, прикоснулась ею к шраму, оставшемуся после битвы с волком, и зашептала с несвойственной ей настойчивостью:

— Я заслужила, чтобы мы жили в стране радости. Мой бог — это твой бог, он ничего тебе не сделает.

Ифтах не был нежным мужем, но он притянул её к себе и, утешая, погладил. Она была прекрасна в своей беспомощности. Он ощутил её красоту, прикасаясь к её гладкой коже. Его охватила страсть.

Его рука наткнулась на чужих, маленьких идолов, которых она носила под одеждой. Он всегда снисходительно, сам наполовину веря, относился к тому, что она считала эти талисманы своими защитниками. Но теперь вдруг эти колдовские творения вывели его из себя. Отсюда происходило то страшное, что на него нагрянет. Ему вспомнилось, как давным-давно он отрезал ей волосы, чтобы она стала иной. Она действительно сделалась тогда другой. Она выглядела смешной с голым черепом. Он смеялся, но новая Ктура ему нравилась. Теперь он понял, что она не обновилась тогда, в ней не оказалось ни одной искры Господа. Росли её волосы, и она возвращалась к своему прежнему состоянию, пока окончательно не стала прежней Ктурой.

Она почувствовала, что в нем происходит. Ифтах, её муж, снова превращался во враждебного духа из пещеры мертвых, в убийцу её дочери. Она оттолкнула его, повернулась и пошла прочь. Остановилась, оглянулась, посмотрела на него ещё раз большими испытующими глазами. Он шагнул к ней, приблизился. Она испугалась и побежала. Помчалась от него, полная ненависти и страха.

Ифтах пошел в шатер Господа, чтобы сообщить служителю Бога о клятве и готовности её исполнить. Он мог бы, как хотел, построить алтарь из неотесанного камня и принести на нем свою жертву; он не нуждался в священнике, ибо знал, что враждебный ему Авиам получит удовлетворение от кровавого обета, к которому он себя принудил. Но вопреки разуму, он лелеял тайную надежду, что священник укажет ему выход из трудной ситуации.

Авиам долгие ночи в душе спорил с Ифтахом. Он, Авиам, достиг цели, он заставил Ифтаха воевать с Аммоном и обеспечил помощь Эфраима. И Ифтах победил, но в кровавой страсти напал на пришедших ему на помощь и истребил их, превратил сияющий день в позор и тьму. Когда Ифтах вошел, священник, несмотря на свою дряхлость, поднялся с почти юношеской быстротой. Он открыл рот, чтобы объявить преступнику о гневе Господнем. Но разве перед ним стоял Ифтах? Разве это был тот Ифтах, от которого исходило обычно такое сияние бодрости, что веселым становились взгляды самых серьезных людей? Разве мог этот издерганный человек, изнуренный горем и гневом, победить под Нахал-Гадом? Строгие, злые слова священника застряли у него в горле. Ифтах, помолчав, сказал:

— Ты победил, первосвященник Авиам! Священник не знал, как понимать эти слова. Неужели этот гнусный человек осмелился требовать помазания?

— Не думаю, — строго сказал Авиам, — что смогу тебя помазать. Ты одержал великую победу. Но боюсь, что ты побеждал не ради Господа.

— Ты боишься?.. Возможно, ты и прав, — неожиданно спокойно и миролюбиво ответил Ифтах.

Такой ответ показался Авиаму насмешкой. Как он ни старался приглушить гнев, он все слышался в его словах:

— Иордан — река Господа, добрая река, которая никогда не была границей между западным и восточным Израилем. Ты превратил её в страшный непроходимый поток. Ты гнусно расколол великий Израиль. Единение братьев вот план Господа. Ты же убил своих братьев.

В словах Авиама заключался глубокий смысл. Но все в нем — большая голова, жалкое тело, назидательный, священнический тон, было противны Ифтаху. Он слегка улыбнулся, показав белые зубы.

— Разве не ты, — спросил он с горькой, дружелюбной усмешкой, — погнал меня на эту войну?

— Мы были народом бродячих пастухов, — продолжал Авиам. — Семь поколений мы мечтали стать оседлыми и превратить завоеванную землю в страну, где каждый мог бы спокойно сидеть под фиговым деревом, мог предложить страннику еду и кров. Мы — из западных племен и любим порядок. Я думал, что ты — настоящий воин и будешь воевать против сыновей Аммона, которые пытаются оттеснить нас в Тогу, в пустыню. Но тебе самому нравится отвратительная свобода в пустыне... Я добился того, чтобы Эфраим отплатил добром за зло, а ты убил союзников. Своим высокомерием ты разорвал связь Гилеада с Израилем.

Все было именно так, как он говорил. Ифтах совершил ещё большее зло. Он планировал отдать дочь Милькому и, возможно, он должен был и за это держать ответ перед хранителем ковчега. Господь давно знал об этом. И если бы он открылся Авиаму, ничего не изменилось бы. Ифтахом овладела усталость. Он сел на корточки и сказал:

— Побереги слова, первосвященник! Они пусты и мелки перед той долей, что уготована мне.

Авиам смолк перед тихим отчаянием Ифтах. Должно было произойти что-то необычное. Но задавать вопросы он не посмел.

— Я принес клятву, — продолжал Ифтах. — Она росла и стала громадной. Превратилась в гору, которая давит на меня.

— Что за клятва? — осторожно спросил Авиам, выдержав паузу. — Ты отказался от помазания и кресла судьи?

— Неужели это самое необычное, что могло прийти тебе в голову? — горько усмехнулся Ифтах. — Нет, дружище, столь незначительным унижением не удовлетворишь Господа. Слушай, Авиам-первосвященник — друг мой и враг! Слушай, что придумал Бог, чтобы меня уничтожить!

И он рассказал о клятве.

Авиам, потрясенный, закрыл глаза. Он отдавал себе отчет в собственном невежестве и собственной незначительности. Некогда он собирался подвергнуть этого человека простому испытанию, требуя, чтобы он изгнал свою жену. Нет, Господь придумал для своего любимца другое испытание — единственное в своем роде.

Он посмотрел на Ифтах. Вот он — здесь, победитель в сражении при Нахал-Гаде. Он сидел на каменном троне судьи и готовился к помазанию. А теперь — съёжился на земле, придавленный горем. Может, был какой-то путь облегчить исполнение клятвы?..

— Прошу тебя, повтори ещё раз слово в слово, как ты клялся тогда! — сказал Авиам.

Ифтах поднял глаза на священника. Он, очевидно, хочет ему помочь. Ифтах и ожидал от него помощи. Однако сейчас он уже изменил свое решение и полагал, что пришел сюда напрасно. Договор, заключенный с Господом, ясен и однозначен. За словесные неточности Авиаму не ухватиться.

— Я не ищу сострадания, священник, — сказал Ифтах тихо, но твердо и безнадежно. — Я не хочу, чтобы ты обсуждал слова моей клятвы, пытаюсь помочь мне. Это дело мое и Господа. Я сам предложил Ему Яалу, дурак, а Он не так глуп, чтобы отказываться от столь дорогого подарка. Он забирает у меня моего ребенка, мою плоть и кровь... Всем богам нужна кровь, правда?..

Авиам увидел, что противоречивые чувства раздирают этого человека. Он был слишком горд, чтобы ухватиться за указанный ему выход, но одновременно — ждал, что Авиам что-то придумает. Самолюбие Авиам было удовлетворено. Во всем Гилеаде только он один мог помочь Ифтаху, и это возвышало его в собственных глазах.

— Ты считаешь, что жертва должна добровольно отдаться Богу, если Он готов принять ее, — снова заговорил священник. — Только врага Господь может забрать помимо его воли. Сейчас ты должен сделать так, чтобы твой порыв перешел в жертвенное животное. Господь не примет жертву, если она не готова отдаться Ему всем своим существом до последней капли крови.

Ифтах медлил с ответом. Затем повернул голову к собеседнику и мрачно сказал:

— Моя дочь согласна и готова к этому. Не бойся, священник!

Авиам почувствовал сострадание к Ифтаху, увидев, как гордость в нем борется с любовью к своему ребенку. Он снова протянул ему руку, во второй раз предложил спасение от клятвы.

— Знаешь ли ты, что клятва потеряет силу, если тот, кто дал ее, преобразится? — спросил он.

Ифтах, не понимая, о чем идет речь, посмотрел на священника.

— Некоторые, — объяснил Авиам, — меняют или теряют свое имя. Смена имени — результат твердого решения. Человек становится совершенно другим, как будто он только что родился. Он теряет все достигнутое им, но освобождается и от долгов. Господь не требует от обновленного человека, чтобы он выполнял клятвы прежнего.

— Я должен прятаться от Господа? — удивился Ифтах. — Отказаться от своего имени? Я не должен быть больше Ифтахом?

Он засмеялся своим громким, хриплым смехом.

— Ты впадаешь в детство, старик! Может быть, мне зватья Толлой? Или ты придумашь для меня какое-нибудь другое красивое имя? Или пусть мои любимые братья, называвшие меня бастардом, не считают меня больше законным сыном Гилеада? Ты подготовил для меня хитрую ловушку. Но Ифтах так просто не поймашь.

Он снова погрузился в свои горестные думы.

— Может быть, ты действительно хочешь помочь мне, Авиам. Но это, к сожалению, невозможно... — сказал он.

Авиам сделал то, что должен был сделать. Он отказался от поиска путей спасения дочери Ифтах, и подумал о том, какие последствия может иметь это событие для рода Гилеад и всего Израиля. Возможно, ужасная клятва обернется благом для всех. Сыновья Эфраима не останутся равнодушными к судьбе человека, которого Господь возвысил до такой великой победы только затем, чтобы с ещё большей силой низвергнуть его. Возможно, оскорбленный Эфраим не потребует возмездия, узнав, что сам Бог отомстил Ифтаху. Авиам нащупал путь к примирению.

Однако вскоре политик Авиам опять превратился в священника. Ему захотелось утешить убитого горем, запутавшегося в самом себе человека.

— Когда Господь требует на свой алтарь кого-то из нас, — открыл он Ифтаху, — Он хочет, чтобы избранник подготовился к ритуалу с подобающей торжественностью. Итак, дай твоей дочери несколько недель, чтобы она превознесла свою судьбу и оплакала её с подругами.

— Яjala — дочь своего отца, — ответил Ифтах неуверенно. — Она готова и не нуждается в отсрочке.

Но в глубине души он был рад промедлению.

VI

Когда Ифтах предложил дочери пожить некоторое время в одиночестве в горах, чтобы подготовиться, она испытала разочарование.

— Надеюсь, мой отец не считает меня трусливой, — сказала она. — Я не испугаюсь. Моя кровь насыщена радостным смирением, достойным Господа. Я не нуждаюсь в отсрочке и подготовке.

Однако по лицу отца она поняла, что он хочет промедления. Ведь это он соединил её с Господом, а значит его желание — желание Бога. Она перестала сопротивляться. Старалась понять ход мыслей отца. В одной из песен музыкантов Вавилонa пелось, что проситель должен предстать пред Богом очищенным и торжественным, как перед царем. Она поклонилась и сказала:

— Слушаюсь и повинуюсь.

Но все же попросила отца сократить срок пребывания в горах. Они договорились, что она останется там две недели.

Когда Ктура услышала, что Яале дана отсрочка, она вновь обрела надежду. Яала останется в горах вдалеке от отца. Она заберет ее, и они убегут вместе. Она спрячет её в северной пустыне или среди бродячих племен Аммона, а дальше ей помогут Мильком и Бааль, пока Ифтах не вылечится от своего помешательства.

Но Яала не хотела, чтобы кто-то еще, кроме подруг, провожал её в горы, она была приветлива и спокойна, но слишком возвышенна и далека от остальных. Яала, казалось, не страшилась будущего, она, очевидно, не понимала, о чем идет речь. Ктура почувствовала себя одинокой. Муж и дочь были слепы, она была единственной зрячей в их семье и взывала к своему богу Милькому, чтобы тот вдохнул в Яалу свое дыхание и спас ее.

Эмин заметил, что Яала отдаляется от него, в их отношениях возникло что-то новое, но он не понимал что. Когда смысл происходящего, наконец, дошел до него, он впал в яростное отчаяние. Он чувствовал, что Яала боялась соединиться с мужчиной, и сдерживал свое неистовое желание, возмущаясь, что её получит этот ненасытный Господь.

Его герой и образец Ифтах ужасно разочаровал его. Эмин думал, что Ифтах — на треть бог и может помогать другим богам, и вот он оказался вовсе не вождем рода, он просто продал свою дочь за победу. А сам Господь, использовавший таким способом своих приверженцев?.. Разве он был настоящим Богом войны и огня? Эмин раскаивался, что сменил своего Бааля на Бога, который вел себя, как торговец. Эмин снова превратился в человека пустыни, такого же, каким был раньше — в Мерибааля. Его мысли не воспринимали больше еврейские фразы и складывались теперь в угаритские слова.

Ифтах вызвал его к себе. Они стояли друг против друга, оба смущенные. Эмин, увидев лицо столь уважаемого им человека, не мог противостоять ему, его душу охватило прежнее восхищение, смешанное с состраданием.

Ифтах же старался по выражению лица Эмина понять, может ли он доверить молодому другу свою тайну.

— Я хочу, — произнес он, — выделить Яале и её подругам сторожевой отряд. И возглавить его должен надежный человек. Я

выбрал тебя. Это задание не будет трудным; Господь, которому теперь принадлежит моя дочь, знает, как её защитить. Взять на себя смелость бороться с Господом может только безумец.

Эмин внимательно посмотрел на него. Тогда в лагере под Цафоном, когда Ифтах говорил о спасении от козней Эфраима, Эмин понял его правильно. Ну, а сейчас?.. Неужели Ифтах хотел, чтобы он, Эмин, силой отнял у Бога его дочь?

— Были времена, когда я мог вступить в борьбу с любым богом, продолжал Ифтах. — Но я в долгу перед Господом. Он много сделал для меня. И я не могу забрать назад слова, которые слетели с моих уст.

Итак, Ифтах не вступал в сделку с Богом. Наоборот, этот Господь вложил в его уста необдуманные слова. Эмин, как прежде, ощутил, что безгранично предан этому человеку с властным, львиным лицом. Медленно, тщательно подбирая слова, он ответил:

— Я ничем не обязан Господу.

Ифтах подошел к нему совсем близко и тихо сказал:

— Тебе недолго осталось пребывать на службе у Господа. Не принимай никаких скорых и смертоносных решений, Эмин, друг мой! Пойми: тот, кто хочет забрать что-то у Бога, совершает кражу Его собственности, а Господь не позволяет себя грабить. Он очень честолюбив и очень силен, на его вооружении — не только железо, но и молнии.

— Что ты будешь делать, если Яалу все же украдут? — спросил Эмин.

— Я заберу её назад, а грабителя убью.

— А если он унесет её туда, где ты её не отыщешь?

— Её найдет Господь, — ответил Ифтах.

— А если он унесет её туда, где ты не сможешь её найти? — возразил Эмин.

— Её найдет Господь, — ответил Ифтах.

— Есть страны, где Господь бессилен, — сказал Эмин. Ифтах промолчал.

Эмин гордился тем, что Ифтах доверил ему спасение дочери и был готов принять на себя гнев Господа. Но — не гнев Яалы. Он не мог ничего предпринять без её согласия.

Он сказал Яале, что Ифтах поручил ему сопровождать ее. Она попросила, чтобы он следовал за ней на некотором расстоянии. Она

хотела в этом путешествии побыть со своими близкими подругами, без мужчин. Эмин должен был открыть ей суть своей миссии, теперь или никогда, но он не находил слов; стоял перед ней, и не в силах выговорить то, что хотел, перешел на угаритский.

— Среди твоих близких есть человек, — неуклюже сказал он, — который из дружеских чувств к тебе был бы рад, если бы ты отправилась дальше гор.

Яала сначала подумала, что неправильно поняла его. А когда до неё дошло, что он ей предлагал, возмутилась.

— Тот, кто поступает так, сам предаёт свои же желания, — ответила она.

— Иногда даже Боги меняют намерения, — сделал новую попытку Эмин. Может, Господь ещё одумается...

— Господь не откажется от своих намерений! — гордо и решительно оборвала его Яала.

Эмин понял, что она воспринимает предстоящее всем своим существом. Он не сможет помочь ни ей, ни себе, ни Ифтаху. Это было самым большим огорчением в его жизни.

VII

Яала взяла с собой в горы трех подруг: Шимрит, Тирцу и Шейлу. Они были однолетками и познакомились с ней во время первого приезда Яалы в Мицпе. Девочки увидели, что в Яале есть что-то особенное и скоро привязались к ней. Первосвященник позвал их в шатёр Господа, объяснил, что предстоит Яале, и поручил им скрасить её последние дни. Девочки жалели Яалу, восхищались ею. Она стала им ещё дороже и одновременно — ещё больше отдалилась от них.

Они выехали из Мицпе. Яала скакала на светлой ослице Ифтаха. Они везли с собой только самое необходимое, однако среди вещей было и дорогое платье из тонкого материала цвета шафрана, которое Яала должна была надеть для жертвоприношения.

В некотором отдалении за ними следовал Эмин со своей семеркой. Его переполняли противоречивые чувства. Он восхищался твердостью воли Яалы и возмущался, что она разделила гордыню отца: никто не годился ей в женихи, только — сам Господь. Порой ему

не верилось, что она навсегда оттолкнула его от себя. Когда он со страхом смотрел на неё издали, его охватывала страсть и ревность к Господу, надменному сопернику. Он готов был бороться за неё с Богом, но все попытки вызвать Господа на ссору ни к чему не приводили — Бог не являлся.

Яала, хоть и не знала, куда едет, двигалась по дороге с необъяснимой уверенностью. На второй день она остановилась в высокогорной долине, окаймленной горами, поросшими буком. Люди Эмина разбили для девочек палатку, а потом удалились за гору, чтобы оставить Яалу наедине со своими подругами.

Стояла весна — короткая, буйная весна Гилеада. Зазеленели горы, далекие степи расцвели яркими цветами. Со всех сторон, расплескиваясь и журча, текла по горным склонам вода. Воздух наполнился запахом трав, из которых готовили бальзам в Гилеаде.

Три подруги подсели к Яале, чтобы оплакать её судьбу, они кричали и стонали, потом смолкали, словно для того, чтобы оттенить величие горя, затем снова начинали стенать, оплакивая подругу детства, которой суждено умереть девственницей, не познав мужчины и не продолжив род.

Они были молоды — Шимрит, Тирца и Шейла, и радовались своей молодости, радовались весне, и, оплакивая Яалу, вдвойне ощущали радость своей молодой жизни. Они, три подруги, увидят ещё много весен, будут лежать рядом с мужьями, родят детей, а, попав в свое время в пещеру, будут иметь продолжение в сыновьях и в сыновьях сыновей.

Вскоре, однако, жалобы и стоны им надоели. Их манила к себе разноцветная степь. Они рвали цветы, наслаждались их запахом, бегали на спор до дерева или до горы, загадывая — кто быстрее добежит, та первой будет с мужчиной. Потом они вспомнили, зачем приехали сюда, устыдились своего легкомыслия и прервали игры.

Пока подруги плакали, Яала смотрела на них, слушала их со спокойным, чуть надменным, выражением лица. Что они знали, Шимрит, Тирца и Шейла, о муках, которые ожидали Яалу, о величии судьбы, избранной ею? Девочки ждали женихов, таких, как они, в Гилеаде — тысячи. Их заученные стенания — пустые жесты и слова.

Она не рассердилась на них, когда они устали от плача и обратились к своим мелким будничным делам. Она сама приняла

участие в их играх. И тут произошло нечто странное. Увлечшись играми, Яала забыла город Мицпе, в котором провела последние недели, забыла ужас предстоящего и снова превратилась в прежнюю Яалу, девочку пустыни. Она шумно радовалась победе в беге наперегонки, показывала подругам то, что было от них скрыто — следы диких зверей, птичьи гнезда. Руками она ловила птиц, вытаскивала из ручьев рыб и раков. Она показала подругам ужа, заглатывающего лягушку. Ноги лягушки торчали из раскрытого рта ужа — плотал он очень медленно. Яала смеялась над подругами, которые испытывали отвращение и страх перед этой неприятной картиной.

Девушки с удивлением заметили перемены в Яале. А она подсмеивалась над горожанками, ставшими здесь, в степи, слепыми и беспомощными.

Она рассказала подругам об опасностях, которые подстерегали её в стране Тоб, о том, как мать сцепилась в схватке с громадным волком. Когда она думала о матери, на душе у неё становилось тепло. Она рассказала, как мучились они целый год из-за львов, повсюду, где они ночевали, приходилось разжигать большие костры. Ночи были наполнены рычанием зверей, напуганные крестьяне и пастухи не знали, как им защитить свой скот; они не осмеливались выходить из своих домов. Яала, не ведавшая страха, удивлялась, отчего так боятся другие.

Игры становились все более бурными. Мимо тек ручей, который высыхал летом. Но теперь, весело журча, быстро спускался с гор. Она вошла в воду. Подруги закричали, звали её назад, но она увлекла за собой самую маленькую, Тирцу, и потащила её в самую глубину, смеясь над робостью девчонки. Она превратилось в дочь своего отца — нетерпеливую, грубую, тащила упиравшуюся Тирцу все дальше и дальше, не отпуская на берег. Несколько минут показались девочке вечностью.

Однако, когда наступил вечер, Яала уединилась. Вечер был временем подготовки.

Она точно знала, какой подготовки требовал от неё Господь: она должна была найти слова. Яала взяла цитру и трубу и вышла наружу в пустоту окружавшей горы степи, она не запрещала другим следовать за ней, смотреть на неё и слушать.

И вот она стояла в наступивших сумерках, смотрела невидящим взглядом перед собой, пытаясь забыть шумный день, и старалась осознать величие своей миссии. В ней зазвучали строфы Вавилона, мрачно и ясно воспринятые её умом, строфы о радости жертвоприношения и смерти. Высочайшее наслаждение смерть. Она никогда по-настоящему не понимала этих стихов, и сейчас тоже не понимала их до конца, но теперь догадывалась об их значении.

Она вспомнила старый рассказ, распространенный в Израиле. Господь в брачную ночь напал на одного человека, Моше, который привел народ в Заиорданье; ибо, когда Бог желал невесту, невеста принадлежала ему. Однако эта невеста, Ципора, примирила Бога кровью мужа, с тех пор Бога называли кровавым женихом, Хазаном Дамином. Яала была горда и счастлива, что теперь она избрана кровавым женихом, и в её голове роились буйные, смутные мысли, полные стремления и ожидания, когда она думала о моменте соединения с Богом. Яалу кольцом окружали покрытые буком горы, у её ног простиралась цветущая степь, над ней — поблекшее небо. Она впитывала в себя красоту гилеадской весны, и внезапно в её сердце исчезли все желания, кроме одного — жить и дышать. Ощущение того, что она бесплодно исчезнет прежде, чем завянут эти цветы и опадут листья, охватило её с такой силой, что она бросилась на землю. Так она лежала, вытянувшись посреди красно-желтой степи, чувствуя шелест и свежесть маленьких цветков, хватая их обеими руками, сминая их пальцами.

Ее захватило чувство потерянности и безграничного страха. Она много раз видела связанных животных, лежавших на камнях Господа с занесенным над ними ножом, и вместе с ними, своими друзьями, испытывала ужас. Теперь она сама будет лежать на жертвенном алтаре, все её существо противилось этому. Она видела порог, через который ей нужно будет переступить, чтобы достаться Господу — порог твердый, железный, страшный. Яала боялась, но ей придется перейти через этот порог. Чувствуя, как пульсирует в жилах кровь, она умирала от страха и слабости, но заставила себя отвлечься от ужасной картины, сконцентрировала всю свою страсть на том, что ждет её по ту сторону порога, взывала к неземным силам, заклинала их. В конце концов, видение порога исчезло, страх оставил ее, слабость стала приятной. Она больше не ощущала тяжести своего тела, оно

превратилось в нечто светлое и легкое. Она будет огненной жертвой, войдет в огонь, в котором живет Господь. И там, где будет огонь, будет жить и Яала. Там, где ведет свои войны Господь, будет находиться Яала — частица его дыхания, его облака.

Род Гилеад и весь Израиль узнают о том, что она стала ценой, которую потребовал Бог за победу у Нахал-Гада. Она продолжит свою жизнь в песнях певцов, в рассказах у источников; о ней сложит песню великий певец Яшар. Все снова и снова будут повторять её имя, и это возвысит ее. Чем искреннее произносят имя умершего, тем чаще он оказывается среди живых. Яала закрыла глаза, чтобы увидеть Бога, к которому стремилась, в Нем она узнавала черты отца, его массивное лицо... Она чувствовала, как в её душу входит Бог. Её дар становился сильнее, теперь она найдет слова и тон, чтобы рассказать о своей судьбе.

Медленно, строго, но в то же время легко, она поднялась. Зашагала по поляне танцующим шагом. Извлекла звуки из цитры, из трубы. Запела о своей смерти. Она пела о жизни в огне и облаке. Изображала в танце мерцание и игру огня, парение облака. Она умела делать это; ибо то, что находилось по ту сторону порога, не понимал никто из людей, это мог понять лишь тот, кого требовал к себе Господь — это понимала лишь она одна.

Когда Яала пела и танцевала, казалось, что она скинула будничное платье и облачилась в тонкую материю шафранового цвета, в платье, в котором ей предстояло переступить страшный порог.

На краю леса её слушали Шимрит, Тирца и Шейла. Кое-что из того, о чем она пела, было непонятно им, но многие слова и звуки повторялись и оседали в их душах. Они стояли и слушали, испуганные, околдованные, догадываясь, что Яала осенена страшным даром ясновидения.

На следующий день Яала снова вместе с подругами ела, пила, играла, пугая их своей веселой дикостью; и Шимрит, Тирца и Шейла едва верили, что это — та самая Яала, которая накануне вечером в песнях и танцах готовилась к жертве.

Известие о клятве Ифтахы вызвало в Гилеаде удивление и страх. Бывало нередко, что гилеадчане убивали для своего Бога пленных врагов, но уже давно не жертвовали Ему представителей своего рода. Они вспоминали князя из клана Нобаха, который был судьей в то время, когда объединенными силами напали на израильтян Аммон, Моав и Мидиан. Этот Нобах отдал Господу своего старшего сына. У Нобаха было много сыновей и дочерей, Ифтах же имел единственного ребенка и обрывал цепь своего рода.

Зилпа, услышав весть, заволновалась. Её старший сын, смелый Гадиель, погиб за род Гилеада. Полная горечи, она должна была наблюдать, как купается в славе бастард Ифтах, зная, что слава эта досталась ему ценой гибели её сына, но Господь услышал её мольбы и дарует ей упоение мезью. Эта гордячка, наложница Ифтахы, аммонитка, будет смотреть, как прервется навсегда её потомство, как будут убивать на камнях ненавистного ей Бога её единственное дитя. Красивая женщина, что ворвалась в её дом, чтобы принести ей унижение, будет свидетельницей, как её красивая дочь превратится в пепел... Зилпу не удовлетворяло поражение врага, она испытывала страстное желание увидеть все собственными глазами, насладиться болью врага. Все в этой истории, что касалось девочки Яалы, представлялось ей не только страшным, но и возвышенным. Она, эта Яала, избрана Богом, чтобы своей смертью ещё крепче привязать к Нему род Гилеада. Получается, что не Ифтах, а Яала добилась победы у Нахал-Гада. Зилпа даже позавидовала Яале и испытала сочувствие к врагу, поверженному столь ужасным способом. Она хотела видеть Ктуру, поговорить с ней.

С тех пор, как дочь отказалась от нее, Ктура без усталости бродила по окрестностям Мицпе, избегала людей и вела беседу сама с собой. Однажды ночью она направилась на рыночную площадь Мицпе, подошла к каменному креслу судьи и начала спорить с тем, кто, как ей казалось, сидит в нем, не воспринимая ничего вокруг.

Как-то раз она вошла в шатер Господа. Предстала перед Авиамом с диким окаменевшим лицом и сказала:

— Отдай мне моего ребенка! Убей меня! Убей кого хочешь из моего рода, только защити ребенка!

Авиам попытался ускользнуть от нее, близость сумасшедшей делало его нечистым, однако она не отпускала его, бросилась перед

ним на колени, целовала подол его платья.

— Не я требую твою дочь, её требует к себе Господь! — попытался он отделаться от Ктуры.

Но Ктура долго ещё лежала на полу, повторяя: «Защити ее, защити!»

Зилпа после долгих поисков нашла Ктуру в оливковых зарослях к востоку от Мицпе, окликнула ее. Ктура остановилась, повернула к Зилпе голову, готовая немедленно убежать, и окинула Зилпу подозрительным взглядом. Перед ней стоял её враг. Эта она, Зилпа, вместе со священником в недобром городе Мицпе вселила в Ифтаху злого колдуна. Он перешел к злему Господу. Это они убедили его убить Яалу. И вот теперь эта Зилпа стоит перед ней — огромная, победоносная. Она хочет посмеяться над ней, Ктурой.

Ктура уставилась на Зилпу, повернув к ней свое худощавое лицо, и очень тихо сказала:

— Ты — убийца! Вы все — убийцы!..

Зилпа без злобы, внимательно смотрела на нее. Она думала, что стоит на краю пропасти, когда Ктура торжествовала над ней. Только теперь, увидев Ктуру в таком состоянии, она поняла, что такое быть уничтоженной. Но она не возгордилась; напротив, почувствовав печаль и смирение, сказала, как женщина женщине, как старшая младшей:

— Бог возложил на Ифтаху великую жертву за свой род и свою страну. Мне очень жаль, что это коснулось тебя.

Пусть Бог даст тебе силы и смирение перенести такое, дочь моя, сестра моя!

Ктура поняла: враг сочувствует, утешает. Значит, она уничтожена настолько, что даже противник не смеется над ней. Испуганно, почти с ужасом она посмотрела в сильное, серьезное, опечаленное лицо Зилпы. Смотрела долго, пристально. Затем оторвала взгляд и продолжала свой путь, горе не помешало ей остаться легкой на ногу. Она побежала по земле мимо серебристых олив. Прочь, прочь из этой смертоносной страны Гилеад! Она бежала целый день, большую часть ночи и ушла далеко от Мицпе, потом вернулась назад. Она не может убежать, пока не произойдет самое страшное. Так и блуждала она в окрестностях Мицпе.

Ифтах отпустил всех способных носить оружие из Гилеада и оставил в лагере только своих людей с севера. Он почти физически ощущал рассеянный вокруг него ужас. Его должен чувствовать и враг. Никакие крепостные стены не могли стать против него надежной защитой.

Дни, что Яала пребывала в горах, он использовал для добросовестного выполнения обязанностей судьи и командира. Делал все с заученной уверенностью, но холодно, бесстрастно. Он был одинок, чужд окружающим, чужд себе самому.

Однажды он увидел Зилпу, увидел, как укрепил её триумф над ним. Она была деятельной и снова взяла на себя управление делами рода. Его это уже не волновало, он перестал ненавидеть своего врага.

Он узнал о странном поведении Ктуры, о том, что она посетила Авиама. Ни один мускул не дрогнул в его лице от этого известия. Сердце его сохраняло прежний ритм. Он не делал попыток найти ее, утешить, поговорить с ней. Прежний Ифтах умер, мертвы были его победы, поражения, желания и стремления.

Он со страхом ждал Яалу. Перед его внутренним взором то и дело возникали картины того страшного действия, что ему придется совершить. Видя, как обнажает меч над своим ребенком, он ужасался и трепетал. Однако порой, думая об этом, его охватывало вожделение, и это ощущение пугало его.

С севера приехали Пар и Кассия. Узнав об ужасном положении Ифтаха, Пар испытал раскаяние и стыд за то, что обругал друга, отвернулся от него. Любой другой на месте Ифтаха открыл бы ему страшную клятву. Ведь, так или иначе, день, когда Господь взял в свои руки судьбу Ифтаха, все равно наступил бы. И не хулы, а уважения достоин был Ифтах. Почему смолчал этот странный человек? В сердце Пара болью отозвалось каждое слово, брошенное им несчастному другу. Он взял с собой Кассию, и они поспешили к Ифтаху побыть рядом с ним.

Прежний Ифтах обрадовался бы раскаянию и возвращению Пара, но Ифтах теперешний хранил холодность. Что понимали они в его

боли! Они способны лишь на мелкие дела и мелкие чувства. И он равнодушно принял изъявления любви сестры и друга.

Авиам сообщил, что ему следует прийти в шатер Господа. С тех пор как Ифтах рассказал ему о своей клятве, Авиам мучили сомнения, какого рода жертву должен принести Ифтах Богу. Была ли это искупительная жертва за его кровавое злодеяние, убийство сыновей Эфраима? Быть может, Бог, вкладывая в уста Ифथा страшные слова клятвы, заранее наказал его за это преступление... А может, эта клятва во имя того, чтобы Ифтах ещё тесней связал себя с Богом?.. Это были совсем не праздные мысли, ибо, если речь шла о клятве соединения, Ифтах мог принести жертву сам. Если же это искупительная жертва, привести её в исполнение должен священник.

Авиам представлял себе, как девочка, обнаженная и связанная, будет лежать перед ним здесь, на камне в шатре, в святая святых, и он будет держать в руках нож. Он чувствовал сильное искушение принять последнее решение. Бывали случаи, когда Бог отказывался от жертвы после того, как тот, кто давал клятву, демонстрировал абсолютную покорность Его воле. От праотца Авраама Господь потребовал, чтобы тот убил своего единственного сына Исаака. Праотец поднялся на гору, связал сына и положил его на жертвенник; однако это оказалось достаточным испытанием, и Господь пощадил мальчика. Может быть, Господь пошлет священнику такой же знак. Может быть, ему, Авиаму, удастся объявить любимому и ненавистному Ифтаху: «Теперь твоя дочь снова принадлежит тебе. Господь смилостивился над тобой, как он это делал много раз, и удовлетворился твоим смирением».

Но что произойдет, если действительно будет так? Эфраим и весь остальной Израиль будут смеяться над ними: «Гилеад чувствует свою вину, но не хочет платить долги». И Эфраим нападет на Гилеад, чтобы свершить кровавую месть.

Правда, в глубине души священник не думал, что Господь откажется от жертвы. Воин Ифтах — не ровня праотцам. Он не был благочестив, ему не доставало смирения. Он, скрепя сердце, уступил Богу то, что должен был ему отдать. За что же Богу щадить его? С другой стороны, Господь, несмотря ни на что, не раз поворачивал к нему свой лик. Может, он и на сей раз благословит его и оставит ему дочь.

Раздираемый подобными сомнениями, священник решил в последний раз в своей жизни обратиться к Господу с помощью урим и тумим, дощечек света и совершенства. Он освятил себя, вошел во внутреннюю часть шатра и сразу почувствовал близость Бога. Он задал Ему три вопроса, которые ему разрешалось задать. Должен ли он считать жертву объединительной или искупительной? Должен ли он объявлять Ифтаху веление Бога или высказать собственное мнение? Может ли он сказать Ифтаху, что Бог удовлетворен его готовностью принести жертву? Авиам задавал свои вопросы яростно и смиренно. Но делал это напрасно. Бог молчал, весь груз ответственности Он возложил на священника.

И вот пришел Ифтах. Он стоял перед ним в шатре Господа. Авиаму следовало начать решающий разговор, но он не знал, что говорить.

— Послушай, сын мой, — сказал он. — В том, что ты сообщил мне, много неясного. Произнеси же ещё раз точные слова твоей клятвы, чтобы я решил, действительна ли она для Господа. Ты можешь вызвать гнев Господень, если преподнесешь Ему то, чего он не хочет.

Когда Ифтах получил приглашение Авиама, в нем возникли новые бессмысленные надежды на то, что Авиам нашел достойный способ освободить его от клятвы. Но теперь, когда Авиам вновь предложил ему найти в двусмысленном обете разумное зерно, он ощутил гнев и стыд.

— Когда я отдаю приказ, мои люди подчиняются мне. Они делают, что я хочу даже тогда, когда я лишь намекаю им на задание. Я — солдат, солдат Господа. Если Господь только намекнет, я выполняю. Он выслал мне навстречу Яалу. И я выполняю Его волю.

Высокомерие Ифтаха рассердило священника. Однако он взял себя в руки и сказал:

— Я — хранитель жертвенного камня и ковчега Бога. Ты лучше выполнишь Его волю, если последуешь моим советам...

— Послушай, Авиам, — прервал его Ифтах, — я не хочу ни помощи твоей, ни дружбы. Ты внушил мне мысль о едином Израиле и о Боге, который выше всех других богов. Ты все говорил правильно, и твои слова врезались в мою душу. Но твои слова не нравятся мне, они мне противны. Возможно, лишь из упрямства, чтобы противостоять тебе, я пошел на убийство эфраимитов. Ты тоже в этом виноват. Не

навязывай мне свою помощь! Ты — не друг мне, первосвященник Авиам!.. И, разумеется, я — не друг тебе!

Священник ужаснулся той ненависти, которая прозвучала в голосе Ифтах. Но слишком глубоко засела в его душе картина убийства ребенка. Слишком сильны были его сомнения: убить девочку или защитить. И он проявил терпение.

— Со времен судьи Нобаха ни один человек из Гилеада не приносил в жертву свое дитя, сказал он. — Ты же берешь на себя такое дело, не слушая совета, не зная обычаев.

Ифтах заколебался. Заманчиво было осуществить ужасное чужой рукой. С другой стороны, он видел перед собой ненавистное лицо священника. Мысль о том, что его любимая дочь попадет в его руки, приводила его в бешенство. Его охватила страшная ревность.

— Мне не нужны посредники, — твердо произнес он. — Мне не нужны ни твой ковчег, ни твой камень, ни твоя рука с ножом. Это моя жертва. Почему тебя это так заботит?

Авиам в очередной раз овладел собой.

— Не говори так, сын мой, попросил он. — Речь идет не только о тебе. Кровь жертвы соединит с Богом весь Гилеад. Род навлек на себя необходимость кровавой жертвы благодаря твоему кощунству. Священная связь рода с Богом ослабла из-за тебя. Не упрямясь! Предоставь роду возможность принести жертву руками священника!..

— Я делаю это не ради рода! — упорствовал Ифтах. — Меня не интересует, воссоединится ли с Богом род Гилеада. Пойми же, наконец: это дело только мое и Господа. И никто не должен в него вмешиваться. А особенно — ты.

И, не попрощавшись, он оставил священника.

За день до того, как Яала должна была вернуться с гор, Ифтах отправился в дорогу, чтобы сопровождать её большую часть пути. Он взял с собой Кассию, Пару и одного верного слугу. Ктура тоже следовала за ним, но на некотором расстоянии, как пугливое животное.

Ифтах лелеял тайную, бессмысленную надежду, что Яала не приедет, исчезнув. Эмин понял его, и также горячо, как он сам, желал забрать её у жадного Бога. Может, ему удалось украсть её и спасти. Но когда он увидел на дороге живую Яалу, это так испугало и потрясло его, будто посреди белого дня наступила ночь.

Яала медленно спустилась по ступенькам с ослицы. Подруги держались сзади, словно свита княгини. Вдалеке на горизонте виднелась семерка Эмина.

Ифтах и сопровождающие его люди спешили и с мрачными лицами, не без смущения, поздоровались с Яалой. Яала непринужденно отвечала на приветствия. Всем показалось, что она окружена ореолом новой, строгой, высшей любви, и не смели к ней приближаться. Они стояли молча, Ифтах и его люди, Яала и её подруги... Маленькие, отчетливые точки на бескрайнем горном ландшафте...

Наконец, Яала заговорила:

— Я здесь, мой отец и господин. Я готова...

Ифтах охотно остался бы с ней наедине. Надо было открыть ей многое из того, что долгие годы он не мог или не хотел рассказывать, о многом её расспросить. Он, конечно же, плохой оратор, но она даже из его нескладной речи обычно понимала все, что следовало. Однако здесь стояли посторонние, и она была далека от него. Он видел, как и все, что Бог уже взял её к себе. Яала была возвышенна, приветлива со всеми, но чужда им; однако Ифтах почему-то был уверен: останься он с ней наедине, ему удалось бы сломать лед между ними.

— Где это должно произойти, дочь моя? — спросил он. — Надо ли нам возвращаться в Мицпе? Может, ты хочешь поехать на север в Маханаим? Может, в нашу страну Тоб?..

Он надеялся, что она выберет страну Тоб, то есть — самый длинный путь, и он побудет с ней ещё некоторое время.

Яала увидела Ктуру, подкравшуюся поближе, она старалась выловить из слов Ифтаха последнюю надежду, и почувствовала сострадание к матери. Но то было сострадание чужого человека.

— В нескольких тысячах шагов отсюда есть большая гора, — произнесла она. — А на горе растет зеленое дерево, любимое Богом. Там есть и камень, из которого ты можешь сделать алтарь. Если ты не против, пусть все произойдет там...

Сам факт, что Яала отказалась от промедления и выбрала столь близкий путь, Ифтах воспринял как новое, неожиданное несчастье. Однако он скрыл свое волнение и ответил:

— Будет так, как ты хочешь, дочь моя. Укажи нам гору, и мы разобьем там лагерь.

Яала показала им место. Внизу уже все засыхало, а здесь, в горной долине, степь была ещё совсем зеленой. Стоял пригожий день. Вдалеке тянулись пастухи-кочевники со своими овцами, слышались их монотонные крики. Сопровождавшие Яалу и Ифтаху люди расположились в цветущей степи в странном смущении. Они наблюдали за насекомыми в траве и цветах, вели неспешные разговоры. Девочки пели песни, услышанные ими от Яалы. Все старались быть такими, как всегда. Они охотно говорили бы о том, что тяжестью легло на их души, но страшные слова застревали в горле.

— Я приготовила сладкий, крепкий напиток, — сказала Кассия Ифтаху. Дай его выпить Яале. Она уснет и не увидит, что будет с ней.

Ифтах был благодарен, что в эту тяжкую минуту, чтобы облегчить его участь, рядом с ним оказалась его добрая, мудрая сестра. Но он не верил, что Яала выпьет этот напиток, да и сам сомневался, хочет ли он этого сам.

Когда солнце начало клониться к закату, они сели за трапезу. Затем оставили Яалу одну, потому что подумали, что ей это необходимо.

В этот момент Ктура приблизилась к дочери. Она схватила её за руку. Громадные, дикие глаза Ктуры уставились ей прямо в лицо.

— Пойдем со мной, дочь моя, — заклинала она диким голосом. — Пойдем со мной!.. Рядом брод. Никто не осмелится дотронуться до тебя. Когда мы окажемся на другом берегу, власть Господа ослабеет, и мой бог защитит тебя.

Уйдем от этих убийц! Уйдем вместе! И будем жить, как прежде...

Яала приветливо улыбалась ей. Она жалела мать, но — не больше, чем животное, которое ничего не понимает и которому невозможно помочь.

Стемнело. Яала сказала отцу:

— Давай выйдем в степь, отец мой и господин, побудем, как прежде, вместе.

Они вышли в ночь. Ифтах не держал её за руку, как раньше. Он чувствовал, что сейчас она ближе к Богу... Они прошли немного и сели. Никто не знал, о чем они говорили, а, может, и не разговаривали вообще.

Рано утром Яала надела платье шафранового цвета. Её сопровождали Пар, Кассия, Эмин и подруги. Слуга вел осла, нагруженного дровами и углем. В отдалении за ними следовала Ктура. Этим прекрасном утром к горе двигалась молчаливая процессия.

Когда они приблизились к указанному Яалой месту, Ифтах дал знак слуге остановиться, и сам повел осла. Слуга остался, а остальные продолжили путь. Степь перешла в буковый лес.

— Оставайтесь, дорогие подруги! — сказала Яала Шимрит, Тирце и Шейле. — Пусть Господь обратит к вам свой лик...

Раньше подруги заплакали бы, закричали. Но сейчас они лишь молча поклонились.

Яала в сопровождении близких родственников пошла дальше в лес и достигла просеки. Здесь она простилась с Паром и Кассией.

— Оставайтесь здесь, родные! — сказала она им. — Пусть Господь обратит к вам свой лик...

Кассии хотелось обнять, поцеловать девочку, но она взяла себя в руки и склонилась перед ней в молчаливом поклоне.

Маленькая процессия приблизилась к краю леса, к вершине горы. Здесь Яала оставила Эмина. При своей отрешенности она понимала, что он больше не Эмин. Человек, который появился тогда в лесу, чтобы спасти ее, снова стал Мерибаалем.

И вот они остались одни — Яала и Ифтах. Позади кралась за ними Ктура. Она тихо стонала, подвывала и продолжала свой путь мимо Эмина, вверх по горе, к зеленому дереву. Из сострадания Яала ещё какое-то время не прогоняла ее. Но когда до вершины осталось совсем немного, она простилась и с нею.

— Не ходи дальше, мама! — тихо и ласково сказала Яала, когда Ктура приблизилась.

В её голосе прозвучала такая уверенность, что Ктура послушалась и даже перестала стонать и выть.

Ифтах и Яала поднялись на совершенно голую горную вершину. Только мощное зеленое дерево возвышалось над камнями.

Они сели прямо на камни. Ифтах с нежностью посмотрел на свое дитя. Её смуглое тело просвечивало сквозь тонкое платье. Ифтах всматривался в Яалу так, будто видел её первый раз. Он очень любил ее. Он ждал её ответного взгляда. Во взгляде Яалы обычно выражалось все, чем она жила. Ему страстно хотелось услышать её голос. Голос у

Яалы был особенный, тот, кто хоть раз слышал его звучание, не забывал его никогда...

— Я видела Господа, — неожиданно заговорила Яала, поднявшись с камня. — Он похож на тебя. Я люблю Господа, потому что у Него твое лицо.

Ифтах растерянно слушал ее, ему было стыдно. Они оба — воины: он и Господь. Но Ифтах потерял себя, а Бог, обладавший властью, не боялся никого и ничего. Услышав, что он напоминает дочери Бога, Ифтах покраснел. И в то же время был благодарен Яале, испытывал к ней самые теплые чувства.

Ифтах молчал, не осмеливался говорить. В конце концов, он рискнул предложить ей усыпляющий напиток. Но она лишь повернула к нему полное упрека лицо и сказала:

— Я хочу видеть, отец, как ты передашь меня Господу. Ты ужасен во гневе, но я тебя не боялась. Не испугаюсь и теперь. Я принадлежу тебе.

Ифтах не настаивал и поставил кувшин с напитком на землю.

Они замолчали. И молчанием сказали друг другу больше, чем словами.

— Исполни одно мое желание, отец, — промолвила Яала после долгой паузы. — В эти дни я много раз видела Господа. Он светился страшным и красивым светом. И я люблю Его. Но он не умеет, как ты, смеяться... Хочу услышать твой смех, отец.

Ифтах опешил. Как он сможет исторгнуть смех из своего горла в такую минуту? Но глаза Яалы горели ожиданием. У неё никогда не было мужчины, она все ещё была ребенком. И теперь его дитя желало, чтобы отец засмеялся. Ифтах взял себя в руки. Ифтах рассмеялся. Яала обрадовалась, и сама залилась легким, счастливым смехом.

Он взялся за дело. Снял сапоги. Сложил камни и сделал из них жертвенник. Положил на камни дрова. Затем связал Яалу. Высоко поднял. Как она была легка! Он видел, как под платьем цвета шафрана вздымается и опускается её грудь... Они смотрели друг другу в глаза.

Ифтах положил её на камни и исполнил клятву.

Многие в Гилеаде до последней минуты думали, что Ифтах освободится от клятвы. И вот услышали они, что он установил с Господом новый кровавый союз, пожертвовав дочерью. Они восхищались судьей — своим поступком он на долгие годы обеспечил роду помощь Бога. И в то же время чувствовали смутное беспокойство. Люди рассказывали друг другу о праотцах, которые приносили в жертву своих детей, чтобы защитить Мицпе и Рамот, вспоминали Моисея, вождя в пустыне, кровавого жениха, которого Бог убил в брачную ночь. Они были благодарны Ифтаху. Но дружеское расположение, которое они испытывали к нему прежде, сменилось ощущением страха.

Много дней от Ифтаха не было вестей. Кто-то из сопровождавших его в это жуткое путешествие видел, как он с окаменевшим лицом спускался с косогора. Он шел медленно, словно слепой, и никто не посмел приблизиться к нему, а уж тем более — заговорить, потом, как дикий зверь, спрятался в лесу и исчез.

Он появился ранним утром — обросший, грязный и отправился в свою палатку под Мицпе. Тщательно помылся, как полагалось соблюдающему траур.

К нему пришел Пар. Ифтах сухо расспросил его о делах в лагере и в Мицпе. Пар доложил. Большую часть людей Пар отправил в Башан и в страну Тоб, ибо опасность больше не угрожала ни со стороны Аммона, ни со стороны Эфраима. Ифтах молча выслушал его, кивнул.

Так же сухо он поинтересовался у Кассии, где Эмин и Ктура. Кассия ответила, что они направились на север, в пустыню.

— Все произошло так, как хотел Авиам, — беспристрастно заключил Ифтах. — Аммонитка ушла прочь — в плушь, в пустыню.

Он занялся делами. Отдал короткие приказания оставшимся в лагере. Отослал Пару назад, в Башан, снабдив инструкциями, как следует поступить с теми, кто надлежащим образом не продемонстрировал ему свою верность. Это был строгий наказ.

Затем Ифтах пошел на рыночную площадь и сел в каменное кресло судьи. Вокруг собрался народ, испуганный, взволнованный. Привели подсудимых для вынесения приговоров. Ифтах выслушал всех, расспросил, с застывшим лицом рассудил по справедливости.

Вскоре он направил гонцов к царю Нахашу и попросил того приехать в его лагерь под Мицпе.

Царь, несмотря на поражение под Нахал-Гадом, все ещё надеялся на союз с Ифтахом. Распри Ифтах с западным Израилем снова заставят Ифтах объединиться с ним. Но неожиданно Ифтах во имя Бога убил свою дочь, купив столь дорогой ценой владычество над Заиорданьем. Теперь у него не было необходимости в союзе с Аммоном... Воевать против такого человека бессмысленно. Солдаты Аммона в ужасе разбежались бы...

Царь, хотя и не забыл оскорбления, все же поехал в Мицпе на встречу в Ифтахом.

Увидев Ифтах, Нахаш испугался. Он относился к нему, как к младшему брату. Но перед ним оказался человек, во всем облике которого не было ничего общего с приветливым, веселым Ифтахом из Элеали. Ифтах из Мицпе был мрачен и зол.

Он предъявил Нахашу вполне определенные условия: Аммон на долгие годы должен подчиниться народу Гилеада. Нахаш попытался вести переговоры, как прежде — с хитровой искренностью. Но тщетно. Все слова будто отскакивали от неприступно-холодного Ифтах. Поговорить с ним по душам не удавалось. Нахаш почувствовал сострадание к победителю и не стал требовать смягчения ультиматума.

В лагерь Ифтах привезли новое знамя. Художник Латарак проделал огромную работу. Новый стяг был красивее прежнего. Из-за облака сверкала молния. Её образ был прекрасен и страшен. Когда знамя поставили рядом с палаткой, Ифтах не ощутил радости. Оно не будило в нем прежние мечты. Он оставался холоден. Внутри него была лишь пустота.

Он не испытывал ненависти к Зилпе и братьям. Шамгара он даже подпустил ближе к себе, чем раньше.

Шамгар по примеру летописцев из Шило начал записывать события из жизни Ифтах. Сначала он пробовал толковать их. И хотя все необычное, что происходило с Ифтахом: его бедственное положение в том сражении, неожиданная победа, преступление против сынов Эфраима, принесение дочери в жертву, было тесно связано единой цепью, Шамгар не мог понять, где причина, где — следствие. Искупление начиналось раньше, чем свершалось преступление, то, что должно было произойти потом, предшествовало тому, что должно было свершиться раньше... Шамгар отказался от

попыток что-либо объяснить, и ограничился беспристрастным описанием. Пусть потомки рассудят по собственному разумению.

Со свойственной ему неуклюжестью он поведал Ифтаху о своих стараниях, зачитал текст, написанный на дощечках. Ифтах взял в руки одну из них. Вот что осталось от его побед, страданий, мук смертельных...

Он не снимал лагерь под Мицпе и продолжал жить в своей палатке.

Гилеад расцветал. Его жители почитали Ифтаха, как никого другого. Но никто не понимал, что творится с ним. Он будто бы отсутствовал. Ореол отчуждения везде сопровождал его, и люди не пытались сблизиться с ним. Этот ореол ощущали даже дети. Завидев Ифтаха, они в страхе прекращали игры.

Иногда он сам чувствовал себя мертвецом, покинувшим пещеру. Ему казалось, что по его жилам уже не течет кровь, и весь он соткан из воздуха и тумана.

XII

Люди Эфраима ушли в Шило, не оставив мечты отомстить убийце их братьев. Но получив сообщение о том, что Ифтах принес в жертву свою дочь, призадумались. Теперь между ними и Ифтахом встал Господь. Бог сам отомстил ему и искупил его грех. Они спрашивали Бога, смогут ли драться с человеком, который искупил свою вину.

Нависшая над ними новая смертельная опасность заставила их окончательно забыть о мести.

Израильские племена на западном берегу Иордана, в Ханаане, так долго держались лишь потому, что между искусными в ратных делах царями канаанейцев, властвовавших в древних городах, не было единства. Но как только начались раздоры между евреями Востока и Запада, цари городов заключили союз. Теперь они собирались сообща напасть на израильтян и искоренить их. Никогда ещё со времен Деборы и Барака западный Израиль не оказывался в столь бедственном положении.

Помочь им мог только победитель в сражении при Нахал-Гаде, человек, который благодаря своей искупительной жертве стал

помощником Господа.

Судьи всех родов Израиля пришли к Тахану, главнокомандующему Эфраима и потребовали призвать на помощь Ифтаху. Тахан отказался. Тогда судьи обратились к первосвященнику Элиаду.

Элиад собрался ехать в Мицпе. По правде сказать, эта поездка не доставляла ему особого удовольствия. Его дело — размышлять в шатре Господа о событиях в Израиле, обсуждать их с учениками, записывать и толковать. Он неохотно вмешивался в решение проблем рода, предпочитал давать советы. Теперь он испытывал самые неприятные ощущения оттого, что должен беседовать с этим Ифтахом, который так жестоко поступил с людьми Эфраима. Однако Элиад отдавал себе отчет в том, что без помощи Ифтаху Израиль не спасти.

Элиад отправился в путь. Стояло раннее лето, дорога оказалась легкой и приятной, но в его душе с каждым шагом накапливалась горечь. От того, как он обратится к Ифтаху, зависит, быть Израилю, или он исчезнет с лица земли. Но способен ли он найти для Ифтаху нужные слова?

Он привык анализировать поступки людей и нередко думал о характере Ифтаху. Образ Ифтаху был ему неприятен, однако он жаждал увидеть этого человека, хотел поговорить с ним.

Элиад тщательно обдумывал линию своего поведения. Жители Гилеада не имели обыкновения укреплять свои селения. Цивилизация сковывала их, как узкое платье. Они оставались детьми пустыни Тогу, а Ифтах, вероятно, ещё более провинциален, чем они. Слава и успех породили в нем самоуверенность, а кровавая клятва, видимо, вконец испортила его характер. Если он, Элиад, не нашел общего языка с Таханом. Что же говорить об Ифтаху? Сумеет ли он задеть невидимые струны в душе этого одержимого героя?..

Первосвященник решил, что во время беседы, прежде всего, будет думать о цели своей поездки, поэтому всеми силами постарается приноровиться к настроению Ифтаху и выберет подходящий момент для решающего разговора.

Когда Ифтаху сообщили, что с ним желает побеседовать первосвященник Эфраима, его охватил порыв прежнего высокомерия. Этот священник из Шило слыл мудрецом. Сыны Эфраима послали к

нему самого умного человека, чтобы убедить его в чём-то, но его сердце защищено теперь толстым панцирем, и никакой священник не сможет ему противостоять.

Ему любопытно было бы понаблюдать, как эфраимиты будут вести себя в беде, но он не собирался принимать окончательное решение. Возможно, он проявит великодушие и спасет их. Возможно... Все будет зависеть от его настроения. Захочет — поможет. Не захочет... На нет и суда нет.

Но вот в палатке Ифтах появился первосвященник Эфраима. Он представлял себе Элиада совсем иначе. Желтоватое лицо с острым взглядом окаймляла коротенькая бородка, неприметная, расплывающаяся фигура. Для своей должности он казался слишком молодым. Не больше пятидесяти, облачен в скромное коричневое одеяние, но из самого лучшего материала, выглядит очень ухоженным. Ифтах ни за что не признал бы в нем служителя Господа. Священники, как правило, не следили ни за собой, ни за своими жестами. Пожалуй, этот человек из Шило напоминал ему важного господина из Вавилона, которого он когда-то взял в плен — принца Гудеа.

Некоторое время они молча стояли друг против друга.

— Мир тебе! — выговорил, наконец, Элиад, склонившись в поклоне.

Вместо «шалом» у него, как у всех эфраимитов, получилось «салом». Ифтах рассмеялся. Это было чудом. Он не смеялся уже много дней, но когда вспомнил, как подшучивали над эфраимитами, когда он был ребенком; как пытавшиеся спастись сыны Эфраима у брода через Иордан тщетно старались правильно произнести слово «шиболет», его охватил новый приступ смеха.

Элиад предполагал, что Ифтах не встретит его, как положено встречать людей его ранга, но подобного приема не ожидал. Он почувствовал себя оскорбленным, но мгновенно овладел собой, вспомнив о слове, которое сам себе дал: не забывать, что спасение Израиля зависит от этого Ифтах. Он постарался убедить себя, что Ифтах смеется не над ним и не над Эфраимом. Мало ли, что могло прийти в голову человеку, обагрившему свои руки кровью... Спокойно, с достоинством он ждал, когда приступ смеха пройдет.

— Прости, — опомнился Ифтах. — У меня и в мыслях не было оскорблять гостя.

Он подошел к Элиаду, обнял его, поцеловал и жестом пригласил присесть.

— Я благодарен тебе, — продолжал он, — что после всего, что произошло у брода через Иордан, ты не питаешь ко мне отвращения. Угроза для вас, должно быть, очень велика.

— Да, велика, не скрою, — просто и искренне согласился Элиад. Впервые со времен Деборы против нас объединились цари и города Канаана. Они хорошо вооружены и превосходят нас численностью. Опасность не минует и Гилеад. Если Канаан уничтожит западный Израиль, враги будут теснить вас не только с востока, но и с запада.

— Враги теснили меня с юга и с севера, и в доме моем тоже были враги. Но я справился со всеми, — небрежно парировал Ифтах. — Тебе не понять...

— Ты воевал во славу Господа, — остановил Ифтах Элиад и внимательно посмотрел на него. — А Господь — Бог всего Израиля. Я пришел тебе как к Его фельдмаршалу.

— Тогда ты, верно, ошибся и не к тому обращаешься, — ответил Ифтах. Свои долги Господу я заплатил. Теперь я Ему не слуга и не должен вести за Него войны. Мы с Ним квиты.

Элиаду захотелось сказать Ифтаху грубость или, хотя бы, отреагировать на его слова вежливой иронией, но сердить этого человека он не смел. Он молчал, потирал руки, обдумывая следующий ход.

Элиад вновь посмотрел в лицо Ифтаху. На его жестких чертах лежала печать усталости. Кожа сморщилась, живой Ифтах напоминал мертвеца. Этот человек воевал со своим Богом и был истощен этой борьбой. Теперь он хотел покоя, но не мог освободиться от Господа.

— Ты ошибаешься, Ифтах, — сказал священник. — В твоих отношениях с Богом нет места вине, службе и долгу. Ты не в силах расквитаться с Ним. Ты — часть Господа.

Ифтаху охватил страх. Никто, кроме Яалы, не ведал, что лик Бога напоминает лицо Ифтаху. Откуда об этом узнал чужеземец?

Элиад увидел, что его слова задели Ифтаху.

— Если есть сейчас герой в Израиле, это — ты. А, стало быть, ты третья часть Бога. Мы описываем жизнь Израиля и знаем это. В тебе

больше Господа, чем в нас, в остальных людях. Кто нападает на Господа, тот нападает на тебя.

— Не трудитесь, господин священник, превозносить меня! — попытался ерничать Ифтах, стараясь насмешливым тоном прикрыть свою растерянность. — Я не медведь, которого приманивают медом.

Элиад понял: Ифтах ожесточен и чрезмерно упрям. Но глупым его никак не назовешь и в умении думать ему не откажешь. Он закрылся от людей панцирем, а слова Элиада пробили в этом панцире брешь. Элиад ощутил проблеск надежды. Он отбросил прежний свой план и решил рискнуть — привлечь Ифтаха на свою сторону смелыми идеями, которые кому-то другому показались бы, вероятно, кощунственными.

— Меня ничуть не удивляет, что ты не воспринимаешь себя частицей Господа, — сказал он. — Ты — солдат и призван действовать, сражаться. Думать о Боге — не твое дело. Для этого существуют священники. В Шило с беспримерным усердием размышляют о Боге. И тут мы добились определенных успехов. Во всяком случае, осмыслив твою ситуацию, я берусь утверждать: хочешь ты того, или нет, ты — часть Господа. Господь живет в тебе, а ты живешь в Нем. Мелкие божки чужеземцев селятся на деревьях, в камнях, в водных потоках... Самые простодушные из нас тоже представляют нашего Бога в конкретных фигурах. Однако настоящий Бог, твой и мой, живет в делах Израиля.

Ифтах был озадачен. Не ведая того, священник говорил именно то, о чем рассказывала ему Яала. Неслыханные, кощунственные слова притягивали, завораживали его.

— Если я правильно тебя понял, — все ещё поддерживая насмешливый тон, уточнил он, — ты всерьез утверждаешь, что Господь живет в моих делах?

— Вот именно! — подтвердил Элиад.

— Выходит, если я совершаю преступление, — издевался Ифтах, — значит, его совершает Господь?

— Не совсем так, — мягко поучал его первосвященник. — Когда ты идешь на преступление, Господь слабеет, становится меньше.

— Я — солдат. Ты сам сказал это, — внезапно посерьезнел Ифтах. — Мне трудно понять твои красивые, гладкие слова.

— Ты прекрасно все понимаешь, — резко возразил ему Элиад. — Даже в тот момент, когда хочешь закрыться от меня...

Он не стал продолжать, вспомнив, какую цель преследовал в этой беседе. Сейчас Ифтах достаточно расслаблен. Наступил момент произнести слова, на которые Ифтах среагирует так, как нужно Элиаду. О своем учении Элиад говорил редко и только с самыми верными своими учениками. Но этот буйный, необычный человек — подтверждение тому священник читал в выражении его лица — был способен понимать его речи. Они волновали его. Душу священника переполняли идеи, и ему хотелось поделиться ими с Ифтахом. Он подошел к нему ближе, заговорил тихо, настойчиво, отбросив поучительный тон:

— Видишь ли, Господь родился с Израилем. Войны Израиля — Его войны. Израиль крепнет, и Господь становится сильнее. Он, как мы, был, есть и будет.

Слова Элиада проникали Ифтаху в самое сердце. Против своей воли он думал над тем, что говорил ему священник. Разумеется, Бог этого священника не похож на Бога Ифтаха. Бог Ифтаха — Бог войны. Ифтах сам видел, как он дышал огнем, гремел бурей. Однако Ифтах понимал, что Господь может принимать разные обличья. И те Его лики, которые являлись священнику, будут навечно скрыты от Ифтаха. Несмотря на это, Ифтах не причислял себя к тем ограниченным людям, которые знают о Боге лишь то, что можно увидеть, пощупать.

Во второй раз с момента, как Элиад вошел в палатку, Ифтах испытал то, что давно не испытывал: он воспринял мысли священника, как собственные. Они дали ростки в его душе. Если Господь не обладал человеческими качествами, то у Него не было и человеческих потребностей... Внезапно, с пугающей ясностью, Ифтах понял суть точки зрения Элиада. В его глазах засверкали зеленые огоньки — огоньки гнева. Неистово, хриплым от всепоглощающего гнева голосом он набросился на священника:

— Говори все, что хотел сказать, первосвященник, первомчтатель! Скажи мне прямо в лицо, что считаешь мою жертву ничтожной! Ты считаешь, что она была не нужна?..

Элиад испугался рассудительности грубого воина, мгновенно ухватившего то, в чем он даже себе не осмеливался признаться.

Он овладел собой и поначалу решил попытаться сгладить неловкость искусными увертками. Но сознание того, что этот примитивный, по сути, не умеющий читать человек, который всю свою жизнь воевал, убивал, захватывал, не имея времени на праздные размышления, умел анализировать так же остро, как он сам, а может, и глубже, его потрясло. Впервые в жизни Элиад устыдился своего духовного высокомерия и учености. Нет, он не может лгать Ифтаху.

— Ты можешь быть уверен, что теперь на протяжении многих поколений Господь не захочет, чтобы ему приносили подобные жертвы, — примирительно сказал он. — Но Ему всегда нужны смелость и самоотречение. Ты проявил эти качества, свершив такое.

Чтобы ни говорил Элиад, Ифтах воспринимал все как подтверждение тому, что его жертва — глупость и кокетство. Он вскочил, забегал по палатке, как дикий зверь в клетке, обуреваемый новыми для него мыслями.

Где-то в глубине души он давно чувствовал, сколь ничтожна его жертва. Это предчувствие охватило его сразу же, ещё там, когда он спускался с горы, а потом забился в заросли кустарника. Так, оказывается, думал не он один. Элиад это точно знал. Нет, это не иллюзия: он, Ифтах, исполнил страшную клятву, чтобы купить благосклонность Бога, которого не было. Он пролил за несуществующего Бога самую дорогую для него кровь. Ифтах — герой, Ифтах дурак. Не Бог ему помог тогда, в сражении. Помог Эфраим. И за это он убил самое дорогое ему существо, собственную дочь.

Он вспомнил слова, произнесенные священником. Сначала — их звучание, потом — смысл: «Дела, которые ты совершил, нужны Богу, нужны Израилю». И вдруг он понял, что все, чего он достиг, связано с этим великим и бессмысленным поступком. Этим объяснялись беспомощность и отчаяние врагов. Ужас, который окружал его, вселившись в людей, пораженных величием его страшной жертвы, стал для него защитой, более надежной, чем оружие и крепкие стены. Путаные, искаженные последствия жертвы, при всем её нелепом величии, обнажили перед ним её ничтожную смехотворность.

Священник тоже поднялся. Ифтах посмотрел на него пустым, невидящим взглядом. Этот Элиад знал, что жертва бессмысленна, предвидел её чудовищные последствия. Он пришел сюда для того,

чтобы использовать тот ужас, который распространялся повсюду, исходя из поступка Ифтах. Этот ужас способен защитить их от Канаана.

Ифтаху надо только перейти через Иордан. Этот Элиад, стоящий сейчас перед ним, знал о тайных рычагах воздействия и хотел скрыть правду от Ифтах. Но он сумел вырвать признание.

Ифтах охватило злобное удовлетворение.

— Я вырвал из твоей плетки правду, господин первосвященник из Шило! — сказал он. — Как хитро и складно ты плетешь свои фразы! Как нежно они звучат и проникают в мозг!..

В нем нарастала лихорадочное, болезненное веселье.

— Подумать только! — продолжал он. — Такие люди как ты распишут мой образ... Потомки увидят меня твоими глазами.

Элиад молчал. Он не знал, чем закончится вспышка Ифтах. Кто мог предвидеть, что Ифтах разгадает его мысли? Быть может, по своей неосторожности он уже провалил свою миссию, и Ифтах, посмеявшись над ним, ни с чем отправит его назад за Иордан.

Ифтах дрожал от ярости. Но в глубине души понимал, что у него нет причин сердиться на священника. Напротив, он должен благодарить его. Мудрый Элиад — совсем не то, что честолубивый Авиам. Ифтах совершил великий, глупый поступок. Священник хотел это использовать. Разве он был не прав? Кровь не должна была пролиться просто так — уйти в землю, сгореть в огне. Священник хотел заставить навеянный поступком Ифтах ужас сослужить хорошую службу. И в этом тоже оказался прав.

Ифтах принял решение. Он наклонил голову и не без лукавства спросил:

— Скажи мне, мудрый священник! Дай совет: как мне себя вести, чтобы истории, которые ты поведаешь обо мне будущим поколениям, приятно звучали в их ушах? Наверное, мне следует послать воинов вам в помощь. Хотя бы столько же, сколько вы послали мне тогда. Кажется, вы выслали мне в поддержку тринадцать сотен?

Элиад с облегчением вздохнул. Когда он заговорил, в его словах звучали дружелюбие, теплота, уважение к Ифтаху.

— Одно только известие, что Ифтах примет участие в походе испугает Канаан, — ответил он. — Даже если ты пошлешь нам несколько семерок, это уже будет помощь.

Ифтах и сам почувствовал облегчение. Он понимал Элиада, мог говорить с ним, как прежде говорил с друзьями.

— Я вел переговоры с царем Абиром из Башана, умным торговцем; с царем Нахашем, коварнейшим среди князей... Но ты, господин первосвященник, мудрее и хитрее их обоих вместе взятых. Ты, как никто, умеешь достучаться до сердца того, кто должен был бы считаться твоим врагом.

— Мы не должны быть врагами, Ифтах, — сказал Элиад. — Мы шагаем по одной дороге, а потому должны дружить. Мне повезло, что мои слова тронули твое сердце. Но ты всего несколькими фразами сделал больше для Израиля, чем другие могли бы сделать тысячами мечей.

Он собрался уходить.

— Доставь мне удовольствие, первосвященник, — остановил его Ифтах. Прежде чем ты вернешься в свой Эфраим, скажи мне на прощание «шалом». Только не обижайся...

XIII

Ифтах взял с собой восемь тысяч воинов, множество осадных машин и перешел через Иордан. Он окружил Гезер и Ебус — главные крепости Канаана, и отрезал их от армии канаанейцев, которые готовились к сражению в долине на севере. Западному Израилю с юга ничто больше не угрожало. Его армия под командованием Тахана, избежав схваток с врагом, освободилась для решительной битвы на севере.

Ифтаху хотелось самому принять участие в генеральном сражении. Но он вспомнил испытующий взгляд Элиада, представил, как тот опишет его дела. И удовлетворился более важной, но неблагодарной задачей — продолжить осаду крепостей. Он добровольно уступил Тахану упоение битвой.

Тахан разбил армию Канаана, а Ифтах вернулся через Иордан, не вкусив воинской славы. Однако весь Израиль считал его спасителем.

Прежде всего, Ифтах, как обычно, отправился в пещеру, чтобы доложить своему покойному отцу.

— Я воевал с Канааном, — рассказывал он. — И предоставил славу победителя главнокомандующему Эфраима. Однако на обоих берегах Иордана знают, что твой сын, Ифтах, спас Израиль от величайшей беды. Писатели на своих дощечках назовут этот год годом Ифтаха. Но за свою славу я заплатил слишком дорогую цену. Теперь я не смогу продолжить твой род, отец. Это сделают твои другие сыновья — честные. Добрые, но самые обыкновенные. И знаешь, моя победа не радует меня. Я пал духом и жду момента, когда попаду к тебе в пещеру.

Многие в Гилеаде жалели, что Ифтах отдал славу победы ненавистному Эфраиму. И больше всех был озабочен первосвященник Авиам. Почему Ифтах упустил возможность прославить род? Авиам считал, что так произошло потому, что Ифтах не хотел, чтобы его, Авиам, шатер Господа, его жертвенный камень и ковчег признали центром всего Израиля. Распря между Эфраимом и Гилеадом была похоронена. Объединение Израиля стало реальностью, и если Авиам и не всегда правильно выбирал пути достижения этой цели, то все же именно он заставил Ифтаха сделать первые шаги в этом направлении. Авиам был горд собой. Но возмущался, что Ифтах не позаботился об укреплении связей между восточным и западным Израилем, не заключил торжественный союз. Дело Авиам не получило должного подтверждения.

Его изворотливый ум подсказал ему последний, хитроумный план. В западных племенах никогда не признавали титулов древнего Гилеада — «судья Израиля», «высший судья»... Но сыну Гилеада, который спас их от серьезной опасности, они не отказали бы в такой претензии. Он, Авиам, предложит Ифтаху помазать его, освятив сан Высшего судьи. Ифтах, разумеется, согласится. И тогда местом пребывания Высшего судьи станет не Шило, а Мицпе. Гилеад займет в Израиле господствующее положение. Прежде чем Авиам отправится в пещеру мертвых, он завершит начатое им дело.

Авиам взял в руки посох и отправился в лагерь Ифтаха под Мицпе.

Увидев его костлявое лицо, длинный нос, сросшиеся брови, растрепанную бороду, Ифтах почувствовал, что к торжеству над стариком примешивается прежняя ненависть.

— Не обижайся на меня, отец мой и господин, — сказал он, — не удивляйся, что я так долго и пристально гляжу на тебя. Но впервые в жизни я вижу по-настоящему счастливого человека. Ты достиг всего, чего желал. Я разошелся с дочерью Аммона, Аммон разлетелся в прах, Канаан — тоже. Нет распрей между восточным и западным Израилем. И все это дело твоих рук, твоя заслуга. Только заплатил за все я.

Авиам был стар и слаб. Он крепко держался за свой посох и страдал от того, что Ифтах не приглашал его присесть. Однако сердце его заполняла радость. Он наслаждался, видя, как страдает Ифтах. Все, что говорил этот человек, правда. Господь вдохнул свое дыхание в него, в Авиама, а Ифтаху пожаловал лишь крепкие кулаки. Дух управлял кулаками. Так будет и впредь.

— Я внушил тебе великую, огненную идею Господа. Ты возвращал её в своей груди, пока не изверг пламя. И если сегодня Израиль един, заслуга в том не только моя, священника, но и твоя, военачальника. Мой долг теперь показать это другим народам. Ты не должен удовлетворяться жезлом простого судьи. Ты достоин помазания на сан Высшего судьи Израиля.

Ифтах посмотрел на хилого священника и в его глазах сверкнули хитрые огоньки.

— Ты так стар, — произнес он, — твои руки так немощны, но ты все ещё хочешь играть мной и народом, словно мы — струны цитры. Ты очень упрям, старик, и я ценю твое упрямство. Но не люблю тебя за это. Я — не друг тебе. Огонь в моей груди почти погас. Мне безразличны друзья и враги. Но когда я вижу твою большую голову, первосвященник Авиам, я вспоминаю, что такое ненависть.

Он сделал паузу. Ждал, что скажет ему Авиам. Но священник молчал.

— Я не нуждаюсь в твоём священном масле, — вновь заговорил Ифтах, не дождавшись ответа. — Я кровью помазал себя сам. Но ты и на этот раз прав: в Заиорданье укрепится власть Господа, если я позволю помазать меня. Ты думаешь, я не понимаю скрытый смысл твоих слов? Ты хочешь, чтобы Гилеад стал господином в Израиле. Я последую твоему совету. Я разрешу освятить меня на сан Высшего судьи. И пусть это произойдет здесь, в Мицпе, перед твоим ковчегом и твоим камнем.

Авиам не скрывал своей радости. Ифтах наслаждался этим зрелищем и как бы мимоходом продолжал:

— ...Но для того чтобы весь народ, как ты этого желаешь, видел, что Гилеад и Эфраим едины, я собираюсь попросить посвятить меня в сан первосвященника Эфраима.

Авиам побледнел потрясенный. Его лицо приобрело пепельный оттенок. Ифтах хорошо усвоил его уроки ненависти и мести. Он коварно повернул слова Авиама против него самого. Он обманул его. Но священник не упал, удержавшись за посох, он справился с собой.

— Думаю, тебе удастся добиться, чтобы священник из Шило приехал сюда, — сказал он, в глубине души надеясь, что Элиад откажется посетить Мицпе второй раз.

Для Авиама это было крушением всех надежд и планов. Сердце его не выдержало такого удара. Через три дня после разговора с Ифтахом он скончался.

XIV

В день приезда Элиада в Мицпе Шамгар и его помощники вынесли ковчег и камень Господа и установили их на городской площади у ворот. Как тогда, когда Авиам вручал Ифтаху жезл судьи, собралась огромная толпа. Только на этот раз здесь были не только жители Гилеада. Здесь присутствовал весь Израиль. Израиль насчитывал четыре раза по семь родов и кланов, и все прислали сюда своих судей или священников, чтобы они поздравили Ифтаха в день его помазания.

Перед толпой зрителей стояла Зилпа, мать рода Гилеада. Она задумчиво смотрела на Ифтаха. Он позволил ей вести дела Гилеада. Авиам умер, и ей не нужно было ни с кем делить власть. Она действительно стала теперь матерью рода. Сын её Елек, успешно занимался хозяйством, приумножая состояние Гилеада, сын Шамгар принял сан первосвященника, взял на себя роль хранителя ковчега и камня — на большее и не мог претендовать человек с такими, как у него, способностями. Однако самым великим из сыновей Гилеада стал бастард, сын Леваны. Это он объединил Израиль. Его слава, этот ужасный ореол, которым наградила его судьба, защищали страну

надежней самых прочных стен. Но когда Зилпа увидела, как он опускается в каменное кресло Великого судьи, она не ощутила ни зависти, ни ненависти. Его лицо было неподвижным. Он словно сам был частью этого высокого каменного кресла. Он не был счастлив, этот Ифтах, сын Леваны.

Приехали также Пар и Кассия, чтобы выразить Ифтаху свою любовь и уважение, но они ощущали только мрачное удовлетворение. Их Ифтах достиг цели, которую перед собой поставил; со времен Иошуа не было человека в Израиле, который бы так высоко вознесся. Но он пожертвовал для Господа слишком много своей плоти и пролил слишком много крови.

Но вот, наконец, в сопровождении своих помощников на площади появился первосвященник Элиад. На нем была одежда из белого полотна, короткий плащ, к углам которого были привязаны урим и тумим, дощечки света и совершенства. Он остановился перед ковчегом. Помощники подали ему алебастровые сосуды с маслом, вином и настоянной на корнях священной жидкостью. Шамгар открыл ковчег. И люди Гилеада с гордостью наблюдали, с каким почтением священник Эфраима относится к их камню и ларю Господа.

Затем Элиад поднялся на невысокий помост, воздвигнутый сбоку от каменного кресла. Ифтах повернулся к нему, чтобы принять помазание. И увидел серьезный, исполненный таинством взгляд первосвященника, в котором сквозило уважение и сочувствие. Увидел руки священника с длинными пальцами, привычными к письму. Этими руками Элиад напишет о делах Ифтаха.

Они хорошо понимали друг друга. Между ними состоялся безмолвный разговор. «Будь благодарен судьбе, что ты — часть Господа», — глазами сказал Ифтаху Элиад. — «Я благодарен», — ответил Ифтах. «Я напишу, что ты не уклонился...», — заверил его Элиад. «Я хотел сделать это много раз», признался Ифтах. «Но ты не уклонился, повторил Элиад. — И я напишу об этом».

И вот Элиад дал Ифтаху выпить вино Господа, приказал окропить его священным маслом, помазал его лоб и руки священным настоем. Его изготавливали из корней мирры, трав, привезенных из дальних стран, бальзама Гилеада. Только первосвященник Эфраима умел составить этот благородный настой.

Все видели, как руки первосвященника Эфраима помазали Ифтаху на должность Высшего судьи. Все слышали, как Элиад объявил:

— Сим позволяет тебе Господь, Бог Израиля, черпать Его силу. Сила Бога вливается в Тебя твоими делами, она влилась в Тебя с этим маслом, вином и настоем. Твои силы преумножены, Ифтах, сын Гилеада, мой господин Великий судья!

— Твои силы умножены! — грянула толпа.

Ифтах вдыхал божественное благоухание. На мгновение ему показалось, что именно такой запах исходил обычно от Яалы. С горькой, рвущей душу на части радостью, не слыша звона литавр и звуков цимбал, Ифтах подумал: «Какую песню спела бы в этот день Яала!». Но как только благоухание улетучилось, растворился и незримый образ Яалы. Отзвуки славы Ифтаху достигали небес. Но он отчетливо ощутил её ничтожность. Он достиг вершины, которую сам себе предрекал на Хермоне. Он объездил весь Израиль, видел дальше и больше других, умел управлять людьми. Но он мучительно чувствовал изоляцию своей вершины, ощущал её смертельный холод. Ифтах уже не был человеком. Его жизнь развеялась вместе с благоуханием, и никакие масла, вина и корни не смогут её возродить. Это слава Ифтаху сидела теперь в судейском каменном кресле.

XV

Последовавшие за этим событием годы оказались кровавыми. Жители Гилеада славил Ифтаху. Отцы рассказывали сыновьям о его подвигах. И лица их были исполнены достоинства. Отцы улыбались, когда говорили детям о хитростях и веселых проделках Ифтаху. Но чаще рассказывали они не об Ифтаху, а о его дочери Яале, олененке, которая своей смелостью, готовностью к жертве заслужила для рода Гилеада и всего Израиля милость Господа.

В Гилеаде возник новый обычай. Каждой весной девушки, достигшие совершеннолетия, уходили в горы, оплакивали и славил бога земли, умершего и теперь ожившего; просили, чтобы он благословил их, когда они лягут в постель с мужчиной. Прославляли и оплакивали Яалу, погибшую в девичестве.

Шамгар взялся записывать песни Яалы. Они сохранились в памяти многих, в том числе — в памяти подруг Яалы: Шимрит, Тирцы и Шейлы. Шамгар ходил из дома в дом, разыскивая тех, кто мог знать песни его племянницы. Он старался воспроизвести их как можно ближе к оригиналу.

Шамгар посетил Ифтах. Прочитал ему наизусть одну из песен Яалы.

— Скажи, Ифтах, эту песню я записал правильно? — спросил он.

— Я больше не знаю этого, — сухо ответил Ифтах.

Он не кривил душой. В то время, как образ Яалы обретал в сердцах людей все большую отчетливость, для Ифтаха он затягивался мглой, становился все туманнее. Он все реже думал о ней.

В годы правления Ифтаха Израиль ощущал себя уверенно пред лицом врага. Но это продолжалось недолго. На седьмом году своего судейства, сороковом году жизни, Ифтах соединился с предками...

Послесловие

I

История Ифтаха описана в «Книге судей». Эта книга, седьмая в Ветхом Завете, рассказывает о том, как израильские племена захватили Заиорданье. События, о которых она повествует, происходили между 1300 и 1000 годами до нашей эры. Однако её авторы жили в девятом или десятом столетии, а последняя редакция была осуществлена в шестом веке до нашей эры. Писателям более позднего времени был чужд мир древней истории. Они стремились придать повествованию максимально благочестивый тон. И в результате «Книга судей» в том виде, в котором она дошла до нас, запутана и полна противоречий. Однако она содержит впечатляющие фрагменты, которые по праву можно поставить в ряд самых замечательных частей Ветхого Завета. Это — великолепная песня Деборы, популярная история о сорвиголове и драчуне Гидеоне, рассказы о могучем Самсоне и, прежде всего, повествование о жизни Ифтахы.

Сорок семь фраз Библии, которые посвящены Ифтаху, пятому Великому судье Израиля, представляют собой творческую переработку четырех древних историй, повествующих о событиях, происходивших в разное время и не имеющих друг с другом ничего общего. Разумеется, в основе этих четырех источников лежит достоверный исторический материал, но он подан более поздними авторами и редакторами в искаженном виде. События не могли происходить так, как пишут об этом библейские переработчики.

Прежде всего, здесь рассказана история о том, как бастарда Ифтахы братья лишили наследства и изгнали из Гилеада. О том, как он, возглавив банду, добился многочисленных военных побед, а его род, потерпев поражение, вызвал его и поставил над собой судьей и военачальником. Далее излагается история о переговорах, во время которых Ифтах пытается с помощью богословско-юридических доказательств внушить вражескому царю мысль о правомерности

притязаний Израиля на Заиорданье. В устах главаря банды эти слова звучат неубедительно. Кроме того, позднейшие авторы путают вражеских богов.

Затем следует третий рассказ, прекрасный и волнующий, — о клятве Ифтахы и о принесении им в жертву своей дочери. Этот отрывок создан настоящим поэтом. Его почти не коснулась редакторская рука. Четвертый эпизод, включенный в общую канву без всякой связи, повествует о братоубийственной войне между Гилеадом и Эфраимом, закончившейся кровавой шуткой.

Итак, все это было спрессовано поздними редакторами книги о судьбе в сорок семь фраз, и в таком виде повествование вошло в Священное Писание, сохраняясь на протяжении тысячелетий. Живыми, первозданными, остались, однако те десять фраз, в которых неизвестный сочинитель с трепетом рассказывает о клятве и жертве Ифтахы.

Именно этот фрагмент истории оставляет потомкам широкий простор для фантазии. Поэты, музыканты и художники представляют её всякий раз по-новому. Шекспир, редко вспоминая героев Библии, говорит об Ифтахе, его дочери и кровавой клятве трижды, один раз — в Гамлете. Слепший Георг Гендель посвятил Ифтаху и его клятве ораторию.

II

Первые известные нам рассказы о человеческих жертвах, когда на алтарь Бога отправляли близких людей, одновременно появились в Израиле и в Элладе в 9 веке до н. э. Один из поэтов в своем Кипрском эпическом цикле поведал об Агамемноне, который принес в жертву свою дочь Ифигению, другой греческий поэт написал поэму об Идомене, который, поклявшись Посейдону, убил сына. Примерно в те же годы израильский поэт, дошедший до нашего времени под именем Элохист, посвятил свое произведение жертве Авраама. Тогда же возникла в литературе и история Ифтахы.

В ту эпоху в обеих странах ещё существовало жертвоприношение. Однако греческие и еврейские поэты уже воспринимали убийства сыновей и дочерей во имя богов как

проявление бесчеловечности. Они пытались смягчить древние истории. Так, в поэмах Идоменей не клялся именем ребенка, а клятва Ифтаху тоже была не конкретной. Бог пощадил Исаака. Ифигения тоже спаслась. Культура более поздних поэтов, их образ мыслей не позволяли им одобрять страшные, кровавые клятвы праотцев. Они наивно переносили своих героев в собственную эпоху и при всем уважении к ним испытывали перед ними ужас. Они не знали или не хотели знать, что воззрения и обычаи уже изменились. Они позволяли Агамемнону и Ифтаху думать и действовать, как их современники.

Сегодня в результате исследований мы знаем больше о Троянской войне, чем, к примеру, Гомер. Знаем больше, чем библейские авторы об обычаях и воззрениях бронзового века, века израильских судей. Мы знаем больше редакторов «Книги судей» о представлениях, которые побудили Ифтаху предложить Богу свою дочь.

III

С тех пор как я мальчиком мучительно переводил «Книгу судей» с еврейского на немецкий язык, странная история о клятве Ифтаху не покидала меня. Мой учитель, в высшей степени не одобрявший этот фрагмент книги, дополнил библейский рассказ множеством легенд, которыми постбиблейские авторы опутывали исторические свидетельства. Он говорил мне о том, как дочь Ифтаху Шейла обхаживала раввинов, чтобы они на основании Писания объявили клятву недействительной; о том, как возмущенный Бог наказал раввинов слепотой; как первосвященник, понимавший никчемность клятвы, был слишком горд, чтобы пойти к Ифтаху, а Ифтах — слишком высокомерен, чтобы посетить первосвященника; в наказание первосвященник был лишен должности, а у Ифтаху начали гнить части тела; его труп распался на части и его захоронили во многих местах.

Позднее я занимался научным изучением Библии. То, что откопали в земле археологи, филологи и историки, сконструированная ими настоящая ранняя история Заиордания потрясла меня больше, чем любой самый захватывающий детективный роман. Персонажи Библии, с которыми я познакомился мальчиком, медленно

переплавлялись в моем воображении. Бессвязные, противоречивые истории, рассказанные в Библии об Ифтахе, приняли такую форму, что теперь я мог расставить их по нужным местам. Постепенно дикий, кровожадный, великий и несчастный вождь банды Ифтах обретал реальные черты. Я увидел его в стране Гилеад, среди людей, которые были потомками пастухов-кочевников, с трудом приспособившихся к условиям оседлой жизни. Я представлял, как он вернулся к свободной жизни в пустыне. Я видел, как он сражается с опасностями и князьями пограничных областей.

Меня охватило желание описать эту страну и это время. Это были древние города Заиорданья, защищенные прочными стенами, наполненные красивыми и полезными вещами. Города, оснащенные старинной техникой, и развивающие собственную культуру. Несколько столетий князья этих городов были подчинены египетским фараонам или великим царям севера; однако великие государства на юге и севере слабели, и городские князья Заиорданье обрели независимость. Теперь им угрожали новые опасности. Кочевые племена хабири, евреи, с давних пор предпринимавшие разбойничьи налеты на населенные пункты, как только исчезла центральная власть, захватили большую часть незащищенной страны и маленькие города. Они угрожали и большим, хорошо укрепленным, богатым городам и некоторые из них завоевали или разрушили. Захватчики были верны своим прежним привычкам кочевников, и ненавидели, высмеивали жизнь коренных жителей этих городов. Однако вскоре они начали понимать, что их образ жизни имеет много недостатков, и постепенно перенимали обычаи страны. Мне показалось заманчивым отобразить жизнь этих племён, показать превращения на примере жизни отдельных людей.

Среди всего этого я отчетливо увидел образ Ифтахы, великого, одинокого и необузданного, вобравшего в себя все противоречия своего времени. Он воюет с оседлым населением, но также и с кочевниками. Он сын своего отца, но душой принадлежит и к роду своей матери. Он восстает против Бога оседлых людей, но и — против богов Тогу. Он восстает против священника своего отца, против царя своей матери и против себя самого.

Я не мог больше оставлять в тени этого героя. Я должен был нарисовать его многообразный мир. И я отважился соединить в нем

все противоречия его эпохи. Я попытался показать, как менялись воззрения Ифтах, и в этом обозначились вехи развития общества всего Заиорданья. Я хотел, чтобы мой Ифтах, не теряя индивидуальности, поднялся до типического. Чтобы его судьба, какой бы странной, неповторимой она ни казалась, вошла в легенду.

IV

Автор, пытающийся сегодня воплотить в слова и образы скромную правду библейских историй, должен приготовиться к тому, что будет истолкован превратно. На его пути будут возникать фанатичные предрассудки тех, кто видит в Библии «божье слово», предрассудки, с помощью которых старались сплотить людей семьдесят поколений. И даже если он будет иметь дело с объективным читателем, задача его все равно останется трудной.

Вот вам человек — Ифтах. Его главный противник — Бог, который решительно вмешивается в его судьбу. Многие читатели подозревают неладное, когда слышат слово «Бог».

И по праву. Ни одна лексическая единица не претерпела столько изменений, ни одна не имеет столько значений, не покрыта таким туманом фимиама, сдобренного специями.

Итак, автор с самого начала должен представить читателю недвусмысленный образ Господа. Читатель должен увидеть, что речь идет о боге Ифтах, боге определенной эпохи. Автор должен воскресить в своем воображении Бога, которого почитали евреи три тысячи лет назад.

Многие ученые XIX и XX веков старались познакомить нас с представлениями о боге в ранней истории Азии. На многих фактах показали, что народы и отдельные люди создавали своих богов по своему подобию. Представление о боге, считавшееся в бронзовый век суеверием, в каменном веке было верой. А вера бронзового века должна была превратиться в суеверие в железный век. Постепенно Бог еврейских племен из бога войны и огня превратился в бога земледелия и плодородия. Оседлые жители понимали его по-своему, совсем иначе — пастухи-кочевники. Это впервые поняли задолго до исследователей нашего времени. Ещё Гете истолковывал фразу из Библии «сотворил

человека по образу своему», как желание человека сотворить себе бога по своему подобию. За столетие до него Спиноза утонченно пошутил: «Если бы треугольник мог говорить, он сказал бы, что бог принял треугольную форму».

Познания такого рода нетрудно убедительно представить в теоретическом эссе. Однако автор, желающий сделать представление о боге людей ранней библейской эпохи предметом поэтического творчества, ставит перед собой рискованную задачу. Он должен добиться того, чтобы читатель понимал, о чем идет речь, не только умом, но и разделял бы чувства героев, сопереживал им. Для этого его нужно превратить в человека бронзового века. Он должен сжиться с Ифтахом. Он должен увидеть бога Ифтаху, Яалы, Авиаму, Ктуру, Элиада.

В этом рискованном предприятии меня поддерживала мысль, что люди моего произведения уже проанализированы наукой.

Авторы исторических книг, которые вошли в состав Библии, обладали более сильным чувством истории, нежели все остальные поэты, жившие до н. э. Пытаясь расположить свои персонажи во взаимосвязях с действительностью той поры, стремясь к этому, они конструировали эти взаимосвязи, но многие герои Библии поставили библейских авторов в ложное положение. Однако другие персонажи Библии обладали той атмосферой историчности, которая отсутствовала у персонажей ранней литературы. Еврейские авторы, разумеется, тоже были опутаны предрассудками своих эпох, но, в отличие от поэтов-греков, они знали, что их эпоха — звено бесконечной цепи, мост между прошлым и будущим. Они стремились организовать события прошлого в некий порядок, придать им определенное направление, сообщить им мудрые мысли. Даже враждебно настроенные наблюдатели отмечали, что библейские авторы раньше других овладели исторической философией, чувством историчности, познанием будущего и прошлого, динамизмом жизни и диалектикой. Их герои не просто жили собственной жизнью, они были пропитаны историей.

Я старался лишить мою книгу познаний нашего времени и придать ей такую историчность. В этом смысле, и только в этом, «Ифтах» должен был стать библейским романом.

Наша эпоха — время быстрых перемен. Искажение событий заслоняет людям взгляд на целое, универсальное, историческое. Люди видят только ближайшее будущее, свое завтра, они переполнены событиями, вынуждены принимать решения, действовать, а «действующий, — считал Гете, — всегда бессовестен, совесть имеет только созерцающий».

Когда я приступил к работе над «Ифтахом», я сказал себе, что пропитать книгу той историчностью, которая необходима библейскому роману, в наше время — неразрешимая задача. Тем не менее, я рискнул, надеясь, что уже сама попытка будет мне наградой.

Так и получилось. Громоздившиеся друг на друга трудности приносили новые идеи и переживания.

Полузабытое искусство исторического повествования — высокое искусство. Исторический роман — законный наследник героического эпоса. Он раскрепощает того, кто над ним работает, от статики настоящего. Поднимает его над ней, дает чувство бесконечного рождения нового, учит его понимать в динамике собственную эпоху.

Даже если роман удастся только наполовину, он дает читателю переживания, которые не может предоставить ему другая книга. Читатель одновременно наблюдает за героями исторического романа с некоторой дистанции и разделяет с ними их чувства. Он не просто постигает, он чувствует, что проблемы этих людей, какими бы они ни были чуждыми, волнуют его и будут волновать его потомков.

Лион Фейхтвангер